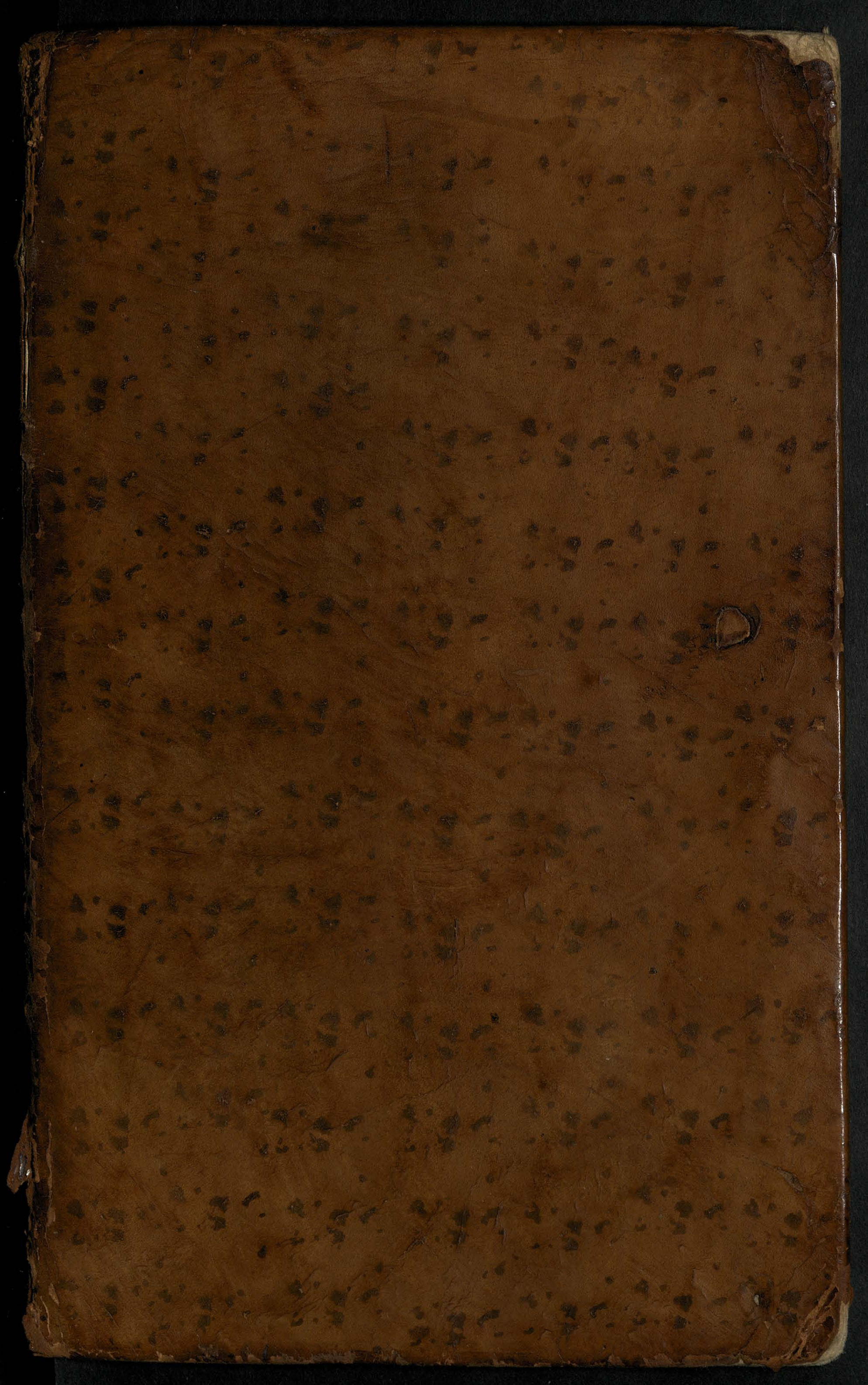
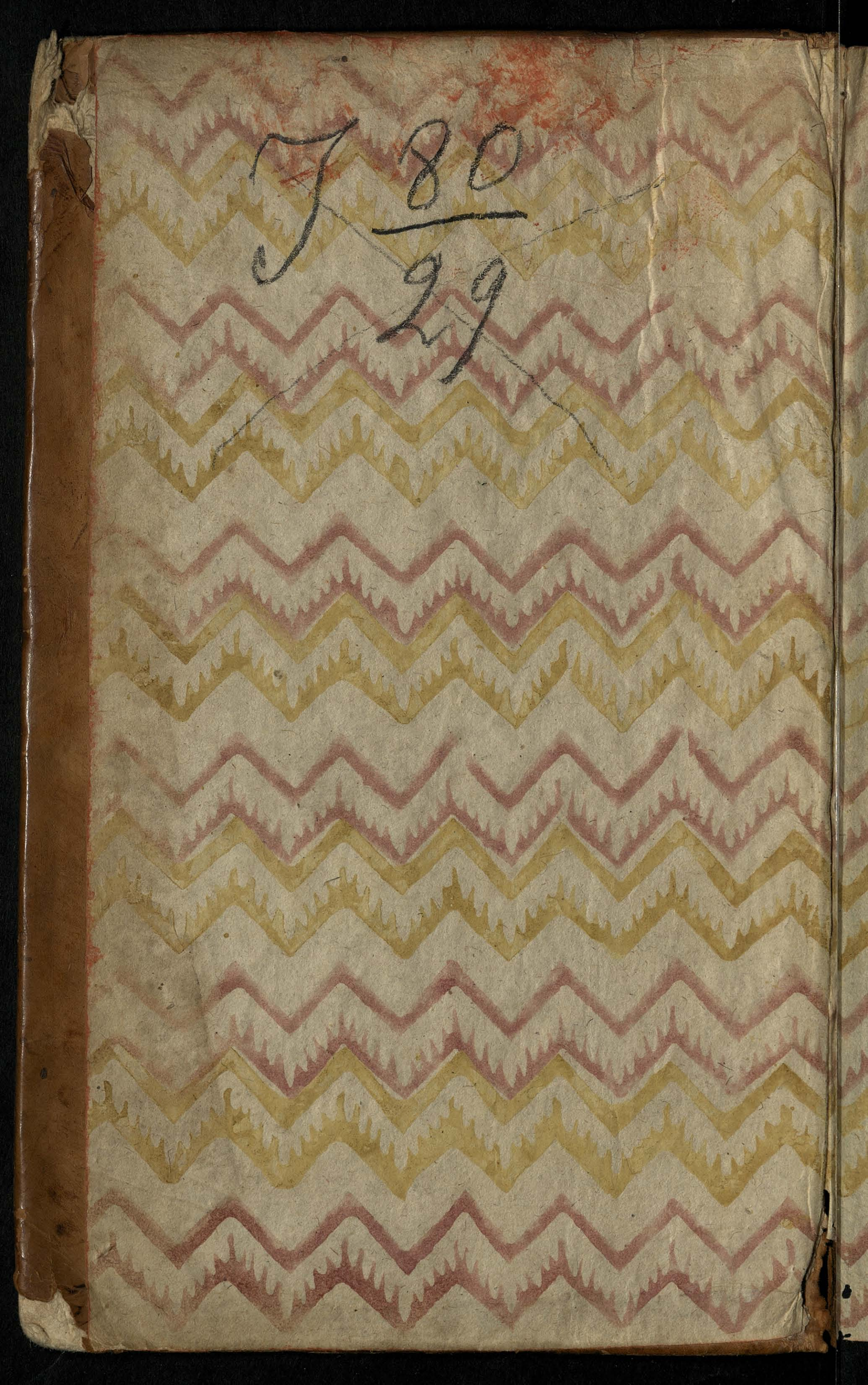
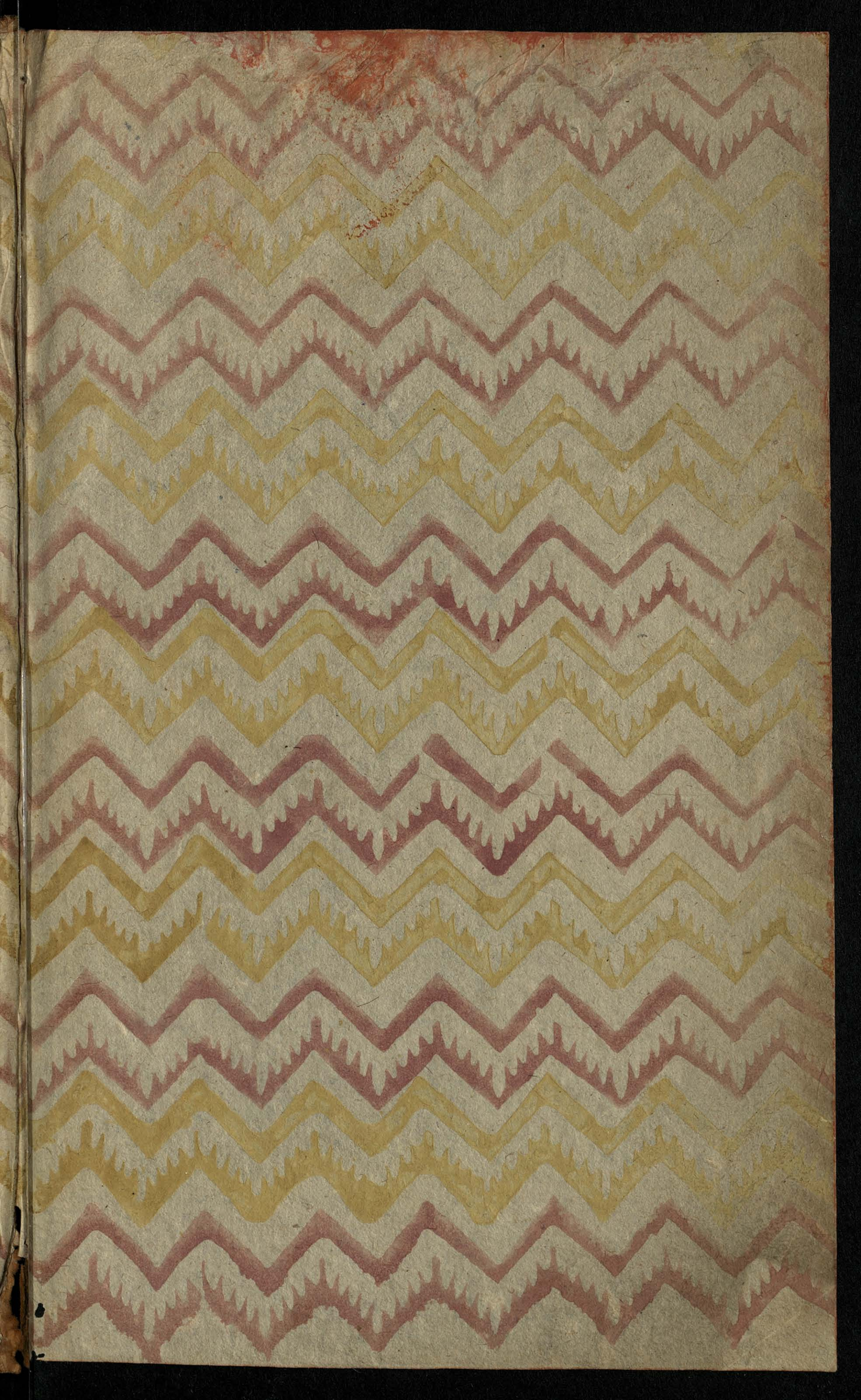

J 80/29

Унт-8°
89 К
~~М 1 80 / 29~~
3-й экз

КРАТКАЯ ПСИХОЛОГІЯ,

ИЛИ

УЧЕНІЕ О ДУШѢ

ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Сочиненія славнаго Г. Кампе.

Переводъ съ Нѣмецкаго.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1789.

изъ книгъ Александра Неустроева

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ я читалъ книгу подъ заглавіемъ: Краткая Психологія, и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Психологія для дѣтей, сколько я знаю, не такъ обыкновенная для моихъ соотчичей книжка, и потому многіе придутъ можетъ быть въ недоумѣніе, какое имѣлъ я намѣреніе, когда вздумалъ писать ее. И такъ для таковыхъ и для всѣхъ тѣхъ, которые захотятъ употребить сію книжечку къ наставленію дѣтей своихъ, намѣренъ я предложить кратко побудительныя мои причины.

Тѣ, которые знаютъ меня, или нѣкоторыя мои сочиненія, знаютъ конечно, что никто такъ не увѣренъ внутренно, сколь вредно раннее разумное воспитаніе дѣтей, какъ увѣренъ я основательно и самымъ опытомъ. А по сему они удявятся можетъ быть, какъ самъ же я могъ вздумать изобрѣсть новое орудіе къ такому воспитанію, и окончавъ представить каждому учителю къ благородному употребленію, или злоупотребленію. Сіе удивленіе дѣлаетъ честь мнѣ, и слѣдовательно стоитъ того, чтобъ я отвѣчалъ со всевозможнымъ тщаніемъ.

Я долженъ напередъ увѣрить, что не перемѣна какая въ моихъ правилахъ, но паче чистое

и живое чувствованіе примѣтнаго при воспитаніи дѣтей недостатка побудило меня къ обработанію и изданію въ свѣтъ сего сочиненія. Ибо сколько ни желалъ я, чтобъ настоящее *связное* наставленіе въ *законѣ* и *нравоученіи* откладывать до того времени, какъ дѣтская душа начнетъ созрѣвать къ связнымъ мыслямъ; однако столь же мало вѣроятности въ томъ, чтобъ большая часть отцовъ, воспитателей и надзирающихъ за дѣтьми, вошли въ основательность моего желанія, и онаго справедливость признали. Я самъ, которой имѣю щастіе быть изъ всѣхъ воспитателей въ Германіи можетъ статься болѣе всѣхъ независимымъ, разсуждая о вящшей нравственной пользѣ, которой достигнуть можно, уступивъ въ началѣ всеобщимъ предразсудкамъ, и по томъ сдѣлавъ по возможности опять безвредною сію уступку; я самъ, говорю, нахожу себя принужденнымъ уменьшить нѣсколько строгость нѣкоторыхъ правилъ моихъ въ исполненіи; поелику со всякимъ другимъ наблюдателемъ свѣта знаю изъ опыта, что тотъ обыкновенно препятствуетъ добру, кто тщится *разомъ* и упрямо достигнуть добра.

По сему, я думаю, принять можно, что и для самаго вольнаго воспитателя чужихъ дѣтей

шей то необходимо нужно, чтобъ преподавать дѣтямъ, даже отъ осьми до десяти лѣтъ имѣющимъ, такое *связное* наставленіе въ законѣ и нравоученіи, хотя впрочемъ онъ, будучи разуменъ, всячески стараться будетъ скрывать по возможности систематическія узы, которыми юный духъ связать долженъ. Но я бы хотѣлъ притомъ знать, какъ возможно при такомъ на надлежащихъ уже правилахъ основанномъ наставленіи, какъ бы оно впрочемъ кратко и ограничено ни было, преподавая оное всякими разумными способами, не найти при каждомъ новомъ шагѣ промежутка, или рва, чрезъ которой какое нибудь Психологическое предварительное познаніе долженствуетъ служить мостомъ? Какъ на пр. возбудить можно истинное и достойное понятіе о Богѣ, о его духовности, безконечномъ разумѣ, святой волѣ, о всѣхъ произтекающихъ изъ того подчиненныхъ Его свойствахъ, не разкрывъ прежде нужнѣйшихъ предварительныхъ понятій о существѣ и свойствахъ человѣческаго духа? Какъ можно также употреблять благоразумно во всякомъ нравоучительномъ наставленіи неизбѣжныя слова: *умъ*, *разумъ*, *склонности*, *желанія*, *чувственность*, *побужденія*, *страсти* и проч.

не показавъ прежде очевидно дѣтямъ того, что чрезъ то понимать надлежитъ?

И такъ сколь справедливо то, чтобъ при одуманномъ наставленіи преподавать прежде *Натуральную Исторію*, нежели *Физику*, или *Анатомію*, прежде нежели собственно *врачебную науку*: такъ точно и *понятіе о Психологическихъ предварительныхъ знаніяхъ* должно предшествовать собственно *наставленію въ законѣ и нравоученіи*. И вотъ первая причина, побудившая меня сочинить слѣдующіе разговоры, которые раскрываютъ помянутыя необходимо нужныя предварительныя изъ Психологіи познанія, напередъ для собственныхъ моихъ питомцовъ и по томъ напечатать ихъ для благороднаго употребленія другихъ воспитателей.

Вторая причина есть слѣдующая. Одно изъ педагогическихъ правилъ, наименьшимъ ограниченіямъ подверженныхъ, и которыя по тому я въ практикѣ непремѣнно предъ глазами имѣю, есть то, *что самое совершенное воспитаніе бываетъ тогда, естьли кто тщится равномѣрно воздѣлывать всѣ физическія и нравственныя принадлежности къ дѣтскому тѣлу*

и

къ духу въ наилучшемъ отношеніи одного къ другому. Въ силу сего правила я стараюсь всегда, сколько возможно, размѣрять и распорязать такимъ образомъ упражненія дѣтей, воспитывающихся подъ моимъ смотрѣніемъ, чтобъ ни одна изъ ихъ способностей не разкрывалась преимущественно предъ другою, ни одна другой не предпочиталась, но каждая равномѣрно воздѣлывалась. Впрочемъ что не можно сдѣлать сего по циркулу и машшабу, и что случай, или всѣ тѣ вещи, которыя не состоятъ въ нашей власти, часто нарушаютъ предложенное нами равновѣсіе: то сіе, какъ думаю, разумѣется само по себѣ (*). Между тѣмъ признается каждой учитель, которой можетъ надлежащимъ образомъ размыслить и разсудить о томъ, чему учитъ, что главнѣйшая часть всего школьнаго воспитанія занимаетъ по большой части дѣтскую *память*, а всѣ *прочія способности души* иногда болѣе, иногда менѣе оставляетъ покоиться въ непрерывной дремотѣ. Я думаю по сему, что нужно и должно прерывать отъ времени до времени сей перевѣсъ упражненій памяти, и предлагать что нибудь та-

(*) И сіе разумѣется также само по себѣ, что съ возрастомъ дѣтей должно смотрѣть и на все то, къ чему они впредь назначаются, и поступать по тому въ употребленіи помянутаго правила.

шакое, что бы могло занять *непосредственно* прочія способности души, память же напрошивъ шого *только посредствующимъ* образомъ. Отсюда родятся особенныя упражненія для разума, особенныя для силы, воображенія, остроты, проницательности и всякой другой преимущественной способности души, которыя мы, судя по ихъ дѣйствіямъ, справедливо другъ отъ друга различаемъ, хотя они въ самомъ дѣлѣ не иное что, какъ перемѣны одной и той же мыслящей силы. Одно изъ такихъ упражненій разума, поспѣшествующихъ равновѣсію душевныхъ способностей въ дѣтяхъ, были сіи Психологическіе разговоры, которые по окончаніи каждаго урока я записывалъ со всѣми мѣстными обстоятельствами, при которыхъ они происходили.

Но къ чему сіи мѣстныя обстоятельства въ разговорахъ, опредѣленныхъ для цѣлой публики? Чтобъ отвѣтствовать на сей вопросъ, я долженъ показать третью причину, побудившую меня издать оныя въ свѣтъ.

Безъ похвальбы сказать, при довольномъ моемъ упражненіи въ наставленіи, и при многихъ наблюденіяхъ о дѣтскихъ душахъ, я при-

примѣтилъ мало помалу въ искусствѣ развертывать и сообщать понятія такія выгоды, которыя не всякому новичку въ практическомъ ученіи воспитанія примѣтны и извѣстны. Не много однакожъ пользы отъ того, естьлибъ предложить, какъ правила, такія примѣченныя выгоды; потому что сіи правила тѣмъ только совершенно будутъ понятны, которымъ встрѣчались они при собственной ихъ практикѣ: слѣдовательно тѣмъ, которые ихъ уже знаютъ, уже употребляли, и потому наименѣе въ нихъ имѣютъ нужды. Для прочихъ же, коихъ число гораздо больше, между правиломъ и употребленіемъ, или примѣненіемъ находится такая пропасть, что большая часть изъ нихъ должны остановиться при первомъ, будучи не въ состояніи переступить къ другому. Но вѣрное представленіе дѣйствительно бывшаго употребленія таковыхъ правилъ имѣетъ ту выгоду, что и самому медленному разуму оное какъ? то есть образъ и способъ сего употребленія, кидается въ глаза, и тогда свойственное ему со всѣми людьми побужденіе къ подражанію помыкается къ собственнымъ опытамъ въ подобныхъ случаяхъ. Я думаю по сему, что могу безъ оскорбленія скромности препоручить сіи разговоры вниманію молодыхъ воспи-

 пи-

питателей; какъ небольшой *практической способъ ученія.*

Естьли таковые молодые воспитатели захотятъ на себя принять трудъ отнять *всеобщее* отъ методовъ, которые употреблялъ я въ сихъ разговорахъ: то вспадутъ сами собою на слѣдующую теорію. Различные находятся способы для объясненія и очевиднаго показанія дѣтямъ Психологическихъ и нравственныхъ понятій; но изъ способовъ оныхъ одни конечно гораздо лучше, нежели другіе. Но всего надежнѣе достигаетъ тотъ своей цѣли, кто употребляетъ ихъ всѣ одно за другимъ, дабы привесть юную душу съ различныхъ сторонъ и различными путями къ одной и той же точкѣ, которая сдѣлается чрезъ то для нихъ гораздо извѣстнѣе и незабвеннѣе. Сіи способы суть слѣдующіе:

1. Можно изъяснить только *словесно.* — Самый худшій и недѣйствительнѣйшій методъ изъ всѣхъ, а особливо когда начать съ него. Проницательной учитель употребляетъ его въ концѣ, или тогда только, когда совсѣмъ не находитъ другаго.

2.

2. Можно шакія понятія представлять въ *чувственныхъ изображеніяхъ*, картинкахъ и проч. и заставлять дѣшей извлекать изъ нихъ шѣ понятія.

3. Можно возвысить ихъ до извѣстнаго степени очевидности посредствомъ *истинныхъ*, или *вымышленныхъ примѣровъ*, сдѣлавъ ихъ привлекательными для молодыхъ душъ; а лучше всего *посредствомъ такихъ примѣровъ, которые прямо почерпнуты изъ собственнаго небольшаго источника наблюденій о молодыхъ дѣтскихъ душахъ.*

4. Наконецъ (и это лучшій безспорно изъ всѣхъ методъ) можно дѣтямъ самимъ чрезъ всякія удобно вымышленныя средства доставлять случай, чтобъ они то самое дѣлали, или чувствовали, чтобъ имъ обьяснить нужно было, такъ что учителю должно будетъ тогда напомнить имъ только, обратить взоръ внутрь себя, чтобъ читать то, чему ихъ учить хотѣлъ.

Всякой увидитъ, что я употреблялъ всѣ сіи методы, а особливо послѣдній, столь часто, сколько можно было сдѣлать безъ

дальнихъ околичностей въ разговорахъ, въ печать назначенныхъ. Для удержанія краткости надобно жертвовать часто самыми лучшими нравоучительными примѣненіями, предполагая, что внимательному учителю представятся къ тому сами собою случаи безъ дальнаго показанія.

Мысль присовокупить картинки подали мнѣ Базедововы учебныя изображенія, которыхъ не нашелъ я лучше и сходнѣе съ моимъ намѣреніемъ. Сіи картинки не должно переплетать вмѣстѣ съ книгою, но повѣсить для ежедневнаго припоминанія въ учебной горницѣ вмѣстѣ съ доскою, которую для сихъ разговоровъ надлежитъ сдѣлать.

Я долженъ сказать еще нѣчто о желаемомъ употребленіи сей книжки *для дѣтей*. По моему намѣренію она не есть *книга для одного чтенія*, ни совершенно *учебная*, но такая, которая между тѣмъ и другимъ занимаетъ средину. Мое желаніе состоитъ въ томъ, чтобъ учитель, хотящій пользоваться ея пособіемъ, предъ каждымъ урокомъ узналъ напередъ самъ содержаніе каждаго разговора, и по томъ старался выманить у дѣтей раз-

крытыя

крытыя въономъ понятія равнымъ; или подобнымъ образомъ. При концѣ каждаго урока онъ можетъ имъ прочитать для повторенія тотъ разговоръ, и по томъ заставить читать ихъ. Такимъ образомъ, надѣюсь я, будетъ польза и для молодаго учителя, и вмѣстѣ для учениковъ его.

Я думалъ сначала умножить число сихъ *разговоровъ*, и раздѣлить ихъ на *двѣ половины*, такъ чтобъ первые листы содержали руководство, какимъ образомъ произвесть въ самыхъ малолѣтныхъ дѣтяхъ непосредственно первыя понятія, свойственныя ихъ возрасту и способностямъ. Но я нашелъ, что самое нужное сообщилъ уже въ небольшихъ *разговорахъ о законѣ*, напечатанныхъ въ I *части* моихъ *сочиненій о воспитаніи* и въ изданномъ мною *новомъ методѣ учить дѣтей читать легкимъ и пріятнымъ образомъ.* Я заключилъ по сему, что лучше будетъ отослать тѣхъ, которые хотятъ пользоваться симъ малымъ вспомогательнымъ средствомъ, къ упомянутымъ книгамъ, нежели предложить имъ что нибудь такое, что можетъ быть имъ извѣстно въ отношеніи къ главному содержанію.

Здѣсь

Здѣсь кончится предисловіе Г. сочинителя; переводившій сопровождаетъ оное съ своей стороны усерднымъ желаніемъ, чтобъ *нравственное воспитаніе*, къ которому начинаютъ изобильно открываться пособія въ любезномъ отечествѣ нашемъ, и къ которому можетъ отчасти служить и сія книжка, заняло болѣе нашихъ отцовъ и воспитателей Руских и Французскихъ. Никогда не скажу я однакожъ, чтобъ для сего оставлять въ небреженіи *воспитаніе физическое*. Танцовать, ѣздить верьхомъ, имѣть величавой станъ, пріятно кланяться, и часто своей улыбкѣ, или малѣйшему движенію придавать многозначущій и особливо пріятный видъ; все сіе, будучи сопровождаемо свободностію, скромностію и нелегкомысленною твердостію, доставляетъ многія выгоды и лестное предъ сверстниками преимущество молодому благородному человѣку. Но какъ все сіе пріобрѣтается по большой части подражаніемъ, примѣрами и напоминаніемъ: то главный пунктъ въ Физическомъ воспитаніи остается наблюденіе и утвержденіе здравія, которое разпространяетъ отмѣнную веселость по всему существу человѣческому, и всюду, куда только захочетъ человѣкъ устремить взоръ свой. Здравіе даетъ новыя силы къ исполненію

блага-

благородныхъ предпріятій, къ вящшей пользѣ отечества и ближнихъ нашихъ; и посему можетъ считаться почти основаніемъ нравственному воспитанію. Но сколь жалокъ тотъ молодой человѣкъ, которой при всѣхъ выгодахъ Физическаго воспитанія, будучи благороденъ по своему рожденію, не имѣетъ благородныхъ мыслей, усердной привязанности и любви къ отечеству, твердаго духа, просвѣщеннаго ума, добраго сердца! — Не разпространюсь я въ описаніи злыхъ отъ того слѣдствій, не стану намекать о такъ называемомъ Французскомъ у насъ воспитаніи, входить въ подробности и кругъ свѣта; ибо чувствую, что и безъ того поймутъ меня чадолюбивые отцы, и посмотрѣвъ на плачевныя индѣ картины, отдадутъ въ своемъ сердцѣ должную справедливость нравственному воспитанію, дающему степень совершенства цѣлымъ народамъ, и производящему, такъ сказать, зависть, похвальную зависть при томъ пріятномъ видѣ, когда оно цвѣтетъ особенно между какимъ нибудь народомъ.

Что касается до моего перевода, то, сообразуясь славному автору, я старался передѣлать его по Руски, и примѣнить, употребивъ простоту слога, къ лѣтамъ молодыхъ моихъ

со-

соотечественниковъ. Награда за небольшой трудъ мой есть та, когда они получатъ пользу, когда просвѣщеные отцы и наставники захотятъ употребить сію нескучную книжку при нравственномъ воспитаніи любимыхъ ими дѣтей.

Краткая психологія для дѣтей.

Нѣсколько молодыхъ дѣтей, которыя давно ужъ слышали о душѣ то, что спознала *Лизанька*, младшая изъ всѣхъ, *въ разговорахъ съ своею матерію* (*), часто показывали охоту услышать объ ней еще что нибудь. Отецъ въ угодность имъ разсказывалъ иногда то, иногда другое, какъ ему случалось; но для нихъ все еще казалось мало. Имъ очень хотѣлось получше узнать свою и другихъ людей душу, и потому вопросамъ не было конца.

Отецъ сказалъ имъ напослѣдокъ: „Ну, дѣти! когда вамъ такъ хочется свести близкое знакомство съ душею своею, или, что все равно, *съ собою самими*: то мнѣ ничего не стоитъ

 уде-

(*) Смотри на Нѣмецкомъ языкѣ сочиненій Г. Кампе о воспитаніи Часть I, стр. 251.

удѣлить для васъ нѣсколько нужныхъ часовъ; толькожъ я вамъ напередъ сказываю, что много, очень много потребно вниманія къ тому, чтобъ все понять и выразумѣть хорошенько.,,

Дѣти.

О! мы будемъ такъ смирны! такъ смирны, какъ мышка; вы сами тогда увидите, батюшка!

Отецъ.

Посмотримъ! —— Ничто намъ не мѣшаетъ начать теперь же. Садитесь!

(*Дѣти сѣли, и тогда начался между ими*
(*и отцомъ слѣдующій разговоръ.*

РАЗГОВОРЪ I.

Отецъ.

По крайней мѣрѣ, любезныя мои дѣти! у васъ еще въ свѣжей памяти, что не тѣло наше, но душа есть то, что живетъ, и все дѣлаетъ, что мы ни вздумаемъ; не такъ ли?

Иванъ.

Конечно такъ! естьли душа выдетъ изъ тѣла, то и лежитъ оно, какъ чурбанъ, безъ всякаго движенія.

Отецъ.

Отецъ.

Ну! а какъ же бы намъ узнать душу, которая скрывается въ нашемъ тѣлѣ? —— Не согласится ли кто нибудь изъ васъ дать разрѣзать себѣ съ головы до ногъ тѣло, чтобъ намъ посмотрѣть душу, и узнать, что она такое подлинно?

Всѣ.

Э! нѣтъ! покорно благодаримъ! рѣзать вить будетъ больно.

Ѳедоръ.

Да и какая намъ отъ того прибыль? вить мы души не увидимъ; ее совсѣмъ не можно видѣть.

Отецъ.

Будто и правда?

Ѳедоръ.

А какъ же? Вить часто бывали при томъ люди, когда кто умиралъ, или кому голову надвое разсѣкали? Душа вить человѣческая изъ тѣла выходила; но видѣлъ ли ее кто нибудь?

Отецъ.

Правда твоя, Ѳедоръ! Это доказываетъ точно, что души глазами видѣть не льзя. Но отъ чегожъ бы это произходило, что не льзя ее видѣть глазами?

Николай.

Она конечно не такого свойства, какъ другія вещи.

Отецъ.

А какого свойства другія вещи, которыя мы видѣть можемъ? ——

(*Всѣ замолчали*)

Посмотримъ, не можемъ ли мы узнать напередъ этого? —— Не правда ли, что чѣмъ больше какая вещь имѣетъ частей, тѣмъ больше мы ее видимъ?

Василій.

Такъ.

Отецъ.

И наоборотъ, чѣмъ меньше частей имѣетъ какая вещь, тѣмъ меньше мы ее видимъ; не такъ ли?

Матвѣй.

Такъ точно.

Отецъ.

И такъ естьлибъ какая вещь совсѣмъ частей не имѣла, то можно ли бы ее видѣть?

Матвѣй.

Нѣтъ.

Отецъ.

На примѣръ всякой листъ въ книгѣ есть часть ея, а вотъ въ этой книгѣ 300 листовъ,

въ

вѣ другой же маленькой только 20: то вѣ которой изѣ нихѣ больше листовѣ?

Алексаша.

И! вѣ той, вѣ которой 300 листовѣ.

Отецѣ.

Ну! а когда бы я изѣ этой маленькой книжки всѣ 20 листовѣ одинѣ за другимѣ выдралѣ: то сколько бы частей ея осталось?

Василій.

Одинѣ переплетѣ.

Отецѣ.

А естьли бы я и послѣднюю эту часть книги отнялѣ, то чтобѣ вы увидѣли тогда?

Иванѣ.

Ничего.

Отецѣ.

И я бы то же; *потому что не осталось* бы тогда ни одной части книги. И такѣ все, что можетѣ быть видимо, то должно —— Что?

Иванѣ.

Имѣть *части.*

Отецѣ.

А то, что не имѣетѣ никакихѣ частей?

Иванѣ.

Того и видѣть не льзя.

 Отецѣ.

Отецъ.

Теперь знаетель вы, для чего мы души своей видѣть не можемъ?

Всѣ.

Для того, что она не имѣетъ частей.

Отецъ.

А знаетель вы, какъ такую вещь называютъ, которая не имѣетъ частей? —— Ее называютъ вещію *простою*, или простымъ существомъ.

Василій.

А! а! такъ душа наша есть простое существо?

Отецъ.

Конечно; она не имѣетъ частей, которыя бы дѣлить можно было, такъ какъ я отъ этой бумажки могу отрѣзать одну часть послѣ другой; и по сей-то причинѣ не можно души ни видѣть, ни слышать, ни вкушать, ни обонять, ни осязать.

Иванъ.

И! такъ по этому она совсѣмъ ничто?

Отецъ.

А почему ты такъ думаешь?

Иванъ.

Иванъ.

Да какъ же? когда я не могу чего видѣть, слышать, обонять, вкушать, или осязать, то ужъ конечно тутъ нѣтъ ничего.

Отецъ.

Это такъ кажется; но *это кажется* часто насъ обманываетъ. Николай! принеси мнѣ свой магической фонарь (*).

(Отецъ закрылъ между тѣмъ ставни у оконъ, чтобъ въ горницѣ было темно; сталъ потомъ съ магическимъ фонаремъ за ширмы, на которыхъ

(*) Въ чужихъ краяхъ магической фонарь почти всякому извѣстенъ, даже и дѣтямъ, которыхъ хорошо воспитываютъ. Онъ дѣлается по большой части изъ жести на подобіе простаго фонаря. Въ срединѣ мѣсто для свѣчи. На одной сторонѣ противъ свѣчи прикрѣплено, или вдѣлывается стеклянное или металлическое, по большой части изъ чистой мѣди, вогнутое зеркало, которое обыкновенно увеличиваетъ вещи. Въ прямой линіи противъ зеркала на другой сторонѣ придѣлана жестяная трубка, равная почти въ поперешникѣ съ зеркаломъ, и съ выпуклымъ на обѣ стороны стекломъ. Передъ нею передвигаются расписанныя на подобіе линѣечки съ различными изображеніями стекла. Сіи изображенія посредствомъ свѣчи и зеркала представляются въ тѣни по противолежащей бѣлой стѣнѣ въ большомъ и живомъ видѣ. Дальнѣйшее объясненіе смотри въ Оптикѣ. — Примѣч. переводчика.

торыхъ была маленькая въ рубль дырочка, поставилъ фонарь въ нѣкоторомъ отдаленіи предъ сею дырочкою, такъ что снаружи не можно было его видѣть, и показалъ дѣтямъ нѣкоторыя изображенія на противолежащей стѣнѣ.

Отецъ.

Скажите мнѣ, дѣти! что причиною изображеній, которыя вы тамъ видите на стѣнѣ?

Всѣ.

Магической фонарь.

Отецъ.

А чтобъ такое было въ магическомъ фонарѣ, которое производитъ это дѣйствіе?

Ѳедоръ.

Свѣча и расписанныя стеклышки.

Отецъ.

Можетель вы видѣть эту свѣчу и расписанныя стеклышки?

Всѣ.

Нѣтъ.

Отецъ.

Или можетель вы какъ ихъ слышать, обонять, вкушать и осязать?

Всѣ.

Нѣтъ.

Отецъ.

Отецъ.

Такъ почемужъ вы знаете, что есть здѣсь въ горницѣ магической фонарь со всѣчею и расписанными стеклышками?

Иванъ.

По тому, что мы видимъ свѣтъ отъ свѣчи и изображенія на стѣнѣ.

Отецъ.

И такъ по тому, что свѣча и расписанныя стеклышки дѣлаютъ здѣсь что нибудь, что нибудь производятъ, а иначебъ вы не знали того?

Иванъ.

Конечно.

Отецъ.

Еще новое! Что у меня въ рукахъ?

Всѣ.

Ахъ! магнитъ, магнитъ.

Отецъ.

Что онъ теперь дѣлаетъ?

Всѣ.

Онъ притягиваетъ къ себѣ иголку; ахъ! какъ это весело!

Отецъ.

Можетель вы видѣть силу, посредствомъ которой магнитъ притягиваетъ желѣзо?

Всѣ.

Нѣтъ.

Отецъ.

Или можешель вы эту силу слышать, обонять, вкушать, осязать?

Всѣ.

Нѣтъ.

Отецъ.

Но почемужъ вы опять такъ вѣрно знаете, что магнитъ имѣетъ ту силу, что она въ немъ подлинно находится?

Иванъ.

По тому, что мы видимъ, что эта сила нѣчто дѣлаетъ.

Отецъ.

И такъ естьли гдѣ что сдѣлано, или произведено, то ты думаешь, что должна быть тамъ и вещь, которая то сдѣлала?

Иванъ.

Да, я думаю такъ.

Отецъ.

Хорошо! — И такъ естьлибъ ты точно испыталъ, что и наша невидимая душа что нибудь дѣлаетъ, или производитъ, сталъ ли бы ты тогда сомнѣваться, что она въ насъ есть, что она подлинно есть что нибудь?

Иванъ.

Нѣтъ, тогда я не стану сомнѣваться.

Отецъ.

Дѣльно! такъ попытаемся, не можемъ ли мы поймать души своей, когда она что нибудь станетъ дѣлать. —— (*Тихимъ голосомъ*) Сидите смирно, чтобъ не помѣшать ей. Тсъ! тсъ! —— Мы увидимъ тотчасъ ея работу. —— (*Кличетъ собаку*) *Испадилія*! (*Беретъ собаку, и сажаетъ на столъ.*) Ну! смотрите на нее всѣ пристально! а теперь крѣпко зажмите глаза; вотъ эдакъ! —— Попытайтесь теперь, не можетель вы, не разжимая глазъ, опять представить себѣ Испадилію? Что, можете ли?

Всѣ.

О! конечно, конечно! точно такъ, какъ бы глазами видѣли.

Отецъ.

И такъ вы можете и закрывши глаза что нибудь себѣ *представить*; не такъ ли?

Всѣ.

Такъ, мы это можемъ сдѣлать.

Отецъ.

А кто таковы тѣ *мы*, которые это могутъ сдѣлать? Не тѣла ли ваши?

Николай.

Ахъ! это конечно дѣлаетъ душа наша.

Отецъ.

Отецъ.

Да и ктожъ бы иной? Что наше тѣло само по себѣ ничего сдѣлать не можетъ, это мы знаемъ; и такъ все, что ни дѣлаемъ *мы*, неотмѣнно должна дѣлать душа наша. И когда мы представляемъ себѣ что нибудь, то кто это дѣлаетъ? тѣлоль наше, или наша душа?

Всѣ.

Наша душа.

Отецъ.

Ну, Иванъ! все ли тебѣ еще такъ кажется, что душа наша совсѣмъ ничто?

Иванъ.

Нѣтъ! когда она что нибудь дѣлать можетъ, то и сама должна быть что нибудь.

Отецъ.

А естьли бы кто узнать захотѣлъ, что есть душа собственно: то что бы мы могли отвѣчать ему изъ того, что теперь узнали объ ней?

Иванъ.

Душа есть такая вещь, которая можетъ представлять себѣ что нибудь.

Отецъ.

Но не то же ли самое и зеркало, которое вонъ виситъ на стѣнѣ? Не представляетъ ли и

оно

оно шѣхъ вещей, которыя предъ нимъ находяшся.

Матвѣй.

Такъ.

Отецъ.

И шакъ все равно, что зеркало, что душа? душа есть зеркало, а зеркало душа; не такъ ли?

(*Всѣ изумились, и не знали что сказать.*)

Вы задумались? Добро, я вамъ помогу выйти на прямую дорогу. — Когда душа ваша что нибудь себѣ представляешъ: то знаешъ ли то, что она дѣлаетъ? Знаетъ ли, что она что-то себѣ представляетъ?

Ѳедоръ.

О! конечно.

Отецъ.

А естьли вы станете предъ зеркаломъ, и оно представитъ васъ: можетель вы повѣрить, что и оно знаетъ, что дѣлаетъ, и что въ немъ видно?

Всѣ.

Нѣтъ, нѣтъ! зеркало ничего этого не знаетъ.

Отецъ.

Такъ по этому великое различіе между душею и зеркаломъ? Кто понялъ изъ васъ это различіе? Ну!

Иванъ.

Иванъ.

Душа знаетъ о томъ, что себѣ представляетъ, а зеркало нѣтъ.

Отецъ.

И такъ зеркало *представляетъ только что нибудь*, душа же напротивъ *это что нибудь представляетъ себѣ*; или другими словами: душа *свѣдуща*, какъ о самой себѣ, такъ и о вещахъ, которыя себѣ представляетъ; а зеркало ни о себѣ самомъ, ни о вещахъ, въ немъ изображающихся, ни мало не знаетъ; не такъ ли?

Всѣ.

Такъ, конечно такъ!

Отецъ.

Ну! такъ мы знаемъ ужъ три вещи о душѣ нашей; она есть —

Иванъ.

Позвольте, я скажу. — Она есть *простое существо* — разъ — *Которое представляетъ себѣ что нибудь* — два — *и которое само о себѣ свѣдуще.* — три.

Отецъ.

Дѣльно. Заставимъ теперь душу нашу сдѣлать еще что нибудь, дабы узнать, какъ много можетъ дѣлать она. Смотрите, вотъ книга;

книга; — когда вы на нее смотрите, то что дѣлаетъ ваша душа?

Всѣ.

Она представляетъ себѣ книгу.

Отецъ.

Вотъ маленькой колокольчикъ; слушайте, какъ онъ звѣнитъ, шинь, шинь, шинь! Когда вы это слушаете, то что дѣлаетъ ваша душа?

Всѣ.

Она представляетъ себѣ, какъ звѣнитъ колокольчикъ: шинь, шинь, шинь!

Отецъ.

Вотъ гвоздика, которая выросла у насъ въ горшкѣ; понюхайте, какъ хорошо она пахнетъ! — Что дѣлаетъ теперь ваша душа, когда вы нюхаете гвоздику?

Всѣ.

Она представляетъ себѣ запахъ гвоздики.

Отецъ.

Вотъ восемь изюминокъ, для каждаго по одной: ну скорѣе въ ротъ ихъ! — Что дѣлаетъ теперь душа ваша, когда вы ѣдите изюмъ?

Всѣ.

Она представляетъ себѣ вкусъ изюма.

Отецъ.

Отецъ.

Кто получилъ отъ другаго что нибудь пріятное, тотъ не долженъ отговариваться принять отъ него что нибудь и непріятное. Подставьтека ваши спины! Послѣ изюма жгутъ очень пріятенъ показаться долженъ.

Всѣ.

Ой, ой, ой, ой!

(*Всѣ радостно вскрикиваютъ*)

Отецъ.

Ну, что дѣлала теперь ваша душа, какъ жгутъ ходилъ у васъ по спинамъ?

Всѣ.

Она представляла себѣ боль.

Отецъ.

Теперь скажите мнѣ; естьлибъ вы не имѣли глазъ для зрѣнія, ушей для слышанія, носу для обонянія, во рту неба для вкуса, и нервъ по всему тѣлу для ощущенія; однимъ словомъ, естьлибъ вы совсѣмъ не имѣли *чувствъ*: то могла ли бы представлять все то душа ваша, что она теперь представляла себѣ?

Николай.

Нѣтъ, конечно нѣтъ!

Отецъ.

И такъ что для плотника топоръ, для портнаго игла, для живописца кисть, то для

душа

души чувства — ея *орудія*, которыя ей необходимо нужны, когда она захочетъ сдѣлать себѣ изображеніе какой нибудь вещи, или, что все равно, когда захочетъ что нибудь себѣ представить. И такъ мы еще нѣчто свѣдали о нашей душѣ! А что всего навсе знаемъ мы объ ней?

Николай.

Я! я скажу! — Душа наша есть *простое существо*, — разъ, — *которое само о себѣ свѣдуще*, — два, — *и которое представляетъ себѣ что нибудь*, — три, — *посредствомъ чувствъ*, — четыре.

Отецъ.

Браво, Николай! — Я покажу вамъ теперь картину, на которую глядя, вы можете опять все это припомнить. Смотрите!

Всѣ.

А! аа! какаяжъ прекрасная!

Отецъ.

Тутъ изображены пять мальчиковъ, которыхъ души представляютъ себѣ нѣчто. Скажитека мнѣ, что бы каждой изъ нихъ представлялъ себѣ?

Ѳедоръ.

Этотъ представляетъ себѣ картину, которая у него въ рукахъ.

 Иванъ.

Иванъ.

А этотъ, которой звонитъ въ колокольчикъ, представляетъ себѣ звукъ колокольчика.

Николай.

О! и я знаю, что представляетъ тотъ, которой зажимаетъ себѣ носъ! — запахъ отъ пера, которое онъ держитъ на свѣчѣ.

Василій.

Теперь я. — Этотъ представляетъ себѣ вкусъ яблока, которое онъ ѣстъ.

Алексаша.

А вотъ этотъ, которой порѣзалъ себѣ ножемъ палецъ, представляетъ себѣ боль, которую отъ того чувствуетъ.

Отецъ.

Посредствомъ чегожъ представляютъ себѣ все то души этихъ мальчиковъ?

Всѣ.

Посредствомъ чувствъ.

Ѳедоръ.

Мой посредствомъ зрѣнія.

Иванъ.

Мой посредствомъ слуха.

Николай

Мой посредствомъ обонянія.

Василій.

Мой посредствомъ вкуса.

Алексаша.

А мой посредствомъ ощущенія.

Отецъ.

Я еще вижу вещь, которая представляетъ что-то, и даже васъ самихъ.

Всѣ.

О! да, да! зеркало! зеркало! которое виситъ тамъ позади одного мальчика.

Отецъ.

Вы видите въ немъ образъ того мальчика, которой стоитъ предъ нимъ? Но знаетъ ли зеркало, что тотъ образъ находится теперь въ немъ.

Всѣ.

Нѣтъ, не знаетъ.

Отецъ.

А знаетъ ли душа мальчиковъ, что она теперь себѣ представляетъ?

Иванъ.

Да, знала бы, естьли бы они были живые люди, а не написанные только.

Отецъ.

Вообразимъ себѣ, что они точно живые; почему же знать намъ, что души ихъ знаютъ о томъ, что представляютъ себѣ?

Федоръ.

По тому; что вотъ этотъ радуется; глядя на картину.

Иванъ.

А этотъ, звоня въ колокольчикъ.

Николай.

А мой, кушая яблочко, которое такъ вкусно ему кажется.

Василій.

Мой, представляя себѣ дурной запахъ отъ пера, зажимаетъ носъ; а по этому онъ знаетъ точно, что нюхаетъ.

Алексаша.

И мой знаетъ также, что порѣзался; потому что видна и на лицѣ боль, которую онъ чувствуетъ.

Отецъ.

И такъ всѣ сіи мальчики знаютъ точно, о чемъ теперь думаютъ, и что себѣ представляютъ; но знаетъ ли зеркало?

Иванъ.

Оно ничего не знаетъ.

Отецъ.

Такъ оно ни о чемъ ни радуется, ни печалится; и это потому, что ничего не знаетъ ни о себѣ самомъ, ни о томъ, что въ немъ пред-

представляется. И так оно мертвое, а душа наша живое зеркало; оно зеркало о себѣ не свѣдущее, а душа наша зеркало само о себѣ свѣдущее. — Завтра поговоримъ о томъ побольше.

Разговоръ II.

Отецъ.

Ну, есть ли охота? такъ покалякаемъ еще немножко о душѣ нашей.

Всѣ.

Какъ же не быть, батюшка! намъ очень хочется услышать объ ней побольше.

Отецъ.

Видитель, я принесъ съ собою нарочно доску, на ней будемъ записывать каждой разъ въ немногихъ словахъ то, что узнаемъ новаго о душѣ? Я повѣшу по томъ доску на стѣнѣ, а подлѣ ее картины, которыя также будутъ припоминать намъ о томъ.

Иванъ.

А! это конечно также, какъ мы учили Географію и Исторію?

Отецъ.

Точно такъ.

Николай.

О! какъ это славно! поглядя только, такъ и все знаешь, и въ мигъ вытвердишь.

Отецъ.

Пора за дѣло! Подойдите всѣ сюда, чтобъ можно было видѣть *Сухареву* башню. Видитель вы ее?

Всѣ.

Ну какъ же; вонъ она!

Отецъ.

А видитель вы, что на верьхушкѣ что-то чернѣется?

Всѣ.

Видимъ! видимъ!

Ѳедоръ.

Это конечно орелъ?

Отецъ.

Быть можетъ! но можетъ быть это и не орелъ, а другой какой нибудь значокъ. Можетель вы различить, что тамъ такое?

Всѣ.

Нѣтъ.

Отецъ.

И я также. Такъ вотъ видите, что душа наша представляетъ себѣ вещь, а не можетъ различить ее отъ другихъ вещей. Знаетель,

какъ

какъ называется такое представленіе (*)? Оно называется *темнымъ представленіемъ* — Не представляла ли душа ваша когда нибудь еще чего темно?

Иванъ.

Какъ не представлять! Я помню, какъ мы были въ *Петербургѣ*, и ѣздили въ *Кронштатъ*: то увидѣли вдали на морѣ корабль, которой показался намъ, какъ будто бы черное пятнышко, вить мы не могли его различить тогда отъ другихъ вещей; мы не знали, корабль ли то, или можетъ быть и ворона.

Отецъ.

И такъ мы и корабль представляли себѣ темно. Но какъ онъ подошелъ къ намъ нѣсколько ближе, моглиль мы тогда различить его отъ вороны?

(*) Я не осмѣлился употребить вмѣсто слова *представленіе*, которое вездѣ стоитъ у Автора, слово *понятіе*, хотя они, будучи тѣсно соединены между собою, почти не могутъ быть одно безъ другаго, и потому и въ употребленіи моглибъ итти безъ разбора. По моему мнѣнію понятіе предполагаетъ представленіе, и бываетъ соединено, хотя темно, съ другими силами души, о которыхъ сказано будетъ ниже. —— Примѣч. переводч.

Θедоръ.

О! конечно!

Отецъ.

А можноль было разпознать и мачты; и палубу, и кормило, и другія части корабля?

Всѣ.

Нѣтъ еще.

Отецъ.

И такъ естьлибъ кто спросилъ насъ о каждой части того корабля, по какимъ знакамъ, или примѣтамъ мы его узнали? и слѣдовательно *почему его различили* отъ другихъ вещей? Моглиль бы мы отвѣчать ему на тотъ вопросъ?

Всѣ.

Нѣтъ.

Отецъ.

Какоежъ то было представленіе; которое дѣлала тогда душа о кораблѣ? —— Темное оно не было, потому что мы ужъ были увѣрены, что это не иное что, какъ корабль; мы могли различать его отъ другихъ вещей, хотя и не могли сказать, чѣмъ онъ подлинно отличается отъ другихъ вещей. —— Слушайте, дѣти! такое представленіе называется — хотя и *ясное*, но вмѣстѣ и *збивчивое представленіе.*

Василій

Василій.

О! это должно, батюшка записать на доскѣ!

Отецъ.

А что ты запишешь?

Василій.

Что душа наша представляетъ себѣ вещи иногда темно, а иногда *ясно*, или *збивчиво*.

Отецъ.

Потерпи еще не много, а тамъ сказывайте сами, что записать мнѣ. —— Скажите мнѣ сперва, не видитель вы и здѣсь чего близко, что душа ваша представляетъ себѣ хотя ясно, но притомъ збивчиво?

Николай.

Вижу; вонъ дерево въ саду.

Отецъ.

Почемужъ ты говоришь, что представляешь себѣ то дерево не темно, но ясно, хотя и збивчиво.

Николай.

Да я вить вижу, что это дерево, хотя й не знаю какое; можетъ быть то яблонь, или груша; а можетъ быть и не яблонь и не груша, а дубъ, или липа, или другое какое дерево.

Отецъ.

И такъ по тому, что ты хотя и можешь различать дерево отъ другихъ вещей, о не можешь представить себѣ частей его, —— листовъ, вѣточекъ, коры; не такъ ли?

Николай.

Такъ, батюшка!

Отецъ.

Ну такъ ты не обманулся, когда сказалъ, что ты представлялъ себѣ это дерево хотя и ясно, но вмѣстѣ и збивчяво. —— Но посмотри теперь на грушу, которая подъ самымъ окошкомъ: не можетъ ли душа твоя имѣть объ ней другаго представленія, нежели о томъ дальнемъ деревѣ?

Николай.

Конечно можетъ.

Отецъ.

Какъ это?

Николай.

Да на грушѣ я и Богъ знаетъ что могу примѣтить! Я вижу кору, вѣтви и маленькіе листочки, которые только что теперь разпускаются.

Отецъ.

Такъ ты можешь сказать о грушѣ, почему она, или по какимъ примѣтамъ различается отъ всѣхъ другихъ деревьевъ?

Николай.

Николай.

Могу конечно.

Отецъ.

Ну такъ ты представляешь себѣ грушу еще больше, нежели ясно и збивчиво ты представляешь ее себѣ, — прислушайте все! — *подробно.*

Иванъ.

А га! такъ мы знаемъ теперь троякія представленія, — темныя, ясныя и збивчивыя, и подробныя.

Отецъ.

Замѣчаніе кстати, посмотримъ теперь еще вчерашнюю картину. Кто изъ васъ можетъ сказать мнѣ, какое представленіе дѣлаетъ себѣ теперь душа перваго мальчика, который смотритъ на картину, подробное, збивчивое, или темное?

Иванъ.

Подробное.

Отецъ.

Почему?

Иванъ.

По тому, что онъ можетъ различать картину отъ всѣхъ другихъ вещей, а притомъ и показать, почему она различается отъ всѣхъ другихъ вещей.

Отецъ.

Отецъ.

Дѣльно! А какое представленіе имѣетъ душа другаго мальчика, которой слушаетъ звонъ колокольчика? (*Всѣ замолчали*) Попытаемся, не угадаемъ ли мы того. Какъ вы думаете? можетъ ли онъ различить звонъ колокольчика отъ всѣхъ другихъ звуковъ?

Ѳедоръ.

Конечно можетъ.

Отецъ.

А естьли бы кто спросилъ его: чѣмъ различается звонъ колокольчика отъ всѣхъ другихъ звуковъ? Какъ вы думаете? могъ ли бы онъ показать признаки?

Николай.

Нѣтъ.

Отецъ.

Такъ какъ же онъ представляетъ себѣ теперь оное шинь, шинь, шинь, или звонъ колокольчика?

Николай.

Я, я знаю; хотя и ясно, но все еще збивчиво.

Отецъ.

Справедливо! — Но кто изъ васъ можетъ показать мнѣ на картинѣ мальчика, коего душа имѣетъ темное представленіе.

Василій.

Василій.

Вотъ этотъ, которой зажимаетъ себѣ носъ.

Отецъ.

Будто и правда? Развѣ ты думаешь, что душа того мальчика не различитъ запаха отъ жженаго пера со всякимъ другимъ запахомъ, на пр. съ запахомъ отъ розы?

Василій.

Э! она различитъ это конечно!

Отецъ.

И такъ она не имѣетъ темнаго представленія, а только збивчивое.

Алексаша.

Ну такъ я знаю! вотъ этотъ, которой кушаетъ яблоко.

Отецъ.

Такъ ты думаешь, что онъ не знаетъ, яблоко ли онъ ѣстъ, или хрѣнъ.

Алексаша.

Нѣтъ, я этого не думаю; онъ можетъ чувствовать, что ѣстъ яблоко, а не хрѣнъ.

Отецъ.

И такъ и онъ различаетъ; и потому не темно представляетъ себѣ яблоко, а ясно, хотя также збивчиво.

Матвѣй.

О! такъ конечно тотъ, которой отрѣзалъ себѣ палецъ!

Иванъ.

Какъ же ты прекрасно угадалъ! будто онъ и не можетъ различить боли, которую чувствуетъ, отъ другихъ вещей.

Отецъ.

Правда твоя! ему конечно не такъ весело, какъ естьлибъ кто немножко пощекоталъ его.

Николай.

Такъ по этому нѣтъ изъ нихъ ни одного, которой бы темно представлялъ себѣ что ни-будь.

Отецъ.

А я, —— подивитесь тому! —— навѣрно вамъ сказываю, что душа каждаго изъ нихъ, не выключая ни одного, имѣетъ притомъ какое нибудь темное представленіе.

Иванъ.

И! какъ вамъ можно это сказать? Одинъ вить представляетъ себѣ подробно, а другіе всѣ ясно.

Отецъ.

Нужды нѣтъ! Знаешь ли, мой другъ! что душа наша можетъ имѣть болѣе одного представленія въ одно и то же время? Между тѣмъ,

тѣмъ, какъ она представляетъ себѣ что нибудь подробно или ясно: то въ тоже самое время можетъ представлять себѣ многія другія вещи темно. На примѣръ, какъ бы ты думалъ? слышитъ ли каждой мальчикъ звукъ колокольчика, въ которой звонитъ вотъ этотъ?

Иванъ.

О! конечно!

Отецъ.

Но какъ изъ нихъ каждой устремилъ все свое вниманіе совсѣмъ къ другому, и потому ни мало не думаетъ о колокольчикѣ: то можетъ ли душа ихъ различить въ эту минуту звукъ, сю слышимый, отъ всякаго другаго звука?

Иванъ.

Нѣтъ.

Отецъ.

Такъ какоежъ представленіе имѣетъ душа мальчиковъ о звукѣ колокольчика, опричь того, которой прислушивается къ этому звуку?

Иванъ.

Темное.

Отецъ.

Ну вотъ видишь ли! — Но и этотъ, которой только однимъ колокольчикомъ занимается,

мается, не представляетъ ли себѣ также чего нибудь темно?

Иванъ.

Не знаю, чтобъ онъ представлялъ.

Отецъ.

А я такъ думаю, что онъ представляетъ, и примѣчаю то въ душѣ его. — Погляди только со вниманіемъ на того, которой порѣзалъ себѣ палецъ: не правда ли, что онъ кричитъ, какъ кажется? Этотъ крикъ доходитъ безъ сомнѣнія до ушей и того, которой забавляется колокольчикомъ. И такъ душа его конечно представляетъ себѣ также крикъ его брата, или друга, но представляетъ темно; потому что занимается совсѣмъ другимъ. А естьлибъ представляла себѣ тотъ крикъ ясно, то есть, прямо различала болѣзненной крикъ отъ всякаго другаго шуму: то онъ конечно бы оглянулся, чтобъ помочь тому, которой порѣзался; не правда ли Иванъ?

Иванъ.

Такъ.

Отецъ.

Ну вотъ! такъ и его душа имѣетъ темное представленіе. — Теперь сказывайте, что мнѣ записывать.

Николай.

Николай.

Позвольте, батюшка! чтоб я сказал.

Все.

Нет, нет! я скажу, я!

Отец.

Все вы не можете сказывать. Кинем жеребей. Ну пусть каждой из вас по очереди скажет одного из древних Персидских Царей, только чтоб это было в том порядке, как они друг за другом следовали. На кого падет последній *Дарій Кодоман*, тот выиграл.

(*Они сказали Царей, и Дарій Кодоман вышел Николаю*)

Ну, сказывай Николай!

Николай.

Душа наша представляет себе некоторыя вещи темно.

Отец.

Постой! — ты должен мне наперед сказать, что это значит.

Николай.

Это значит, что она не может той вещи, которую себе так представляет, отличить от других вещей.

Отецъ.

Хорошо! — Теперь далѣе.

Николай.

Душа наша представляетъ себѣ иногда и ясно вещи.

Отецъ.

То есть?

Николай.

То есть она хотя и можетъ отличить ту вещь, которую себѣ такъ представляетъ, отъ другихъ вещей, но не можетъ показать примѣтъ, по которымъ та вещь отличается отъ другихъ.

Отецъ.

А какъ называется такое ясное представленіе?

Николай.

Збивчивымъ.

Отецъ.

Есть; далѣе!

Николай.

Душа наша представляетъ себѣ вещи иногда и подробно.

Отецъ.

То есть?

Николай.

Николай.

То есть она можетъ ту вещь, которую себѣ такъ представляетъ, не только отличить отъ другихъ вещей, но показать и примѣты, по которымъ та вещь отличается отъ другихъ.

Отецъ.

Точка! — Теперь, дѣти! прежде нежели пойдемъ мы далѣе, скажите мнѣ, можетъ ли имѣть и душа животныхъ (*) все то, что мы узнали о нашей душѣ? — И вопервыхъ, какъ вы думаете? простыя ли существа души безсловесныхъ животныхъ?

Иванъ.

Конечно! ихъ столь же мало видѣть можно, какъ и нашу душу.

Отецъ.

Душа животныхъ можетъ ли представлять себѣ что нибудь?

Ѳедоръ.

Вѣстимо, что можетъ. — Когда я брошу собакѣ кусокъ хлѣба, она тотчасъ схватитъ;

 такъ

(*) Безсловесныхъ животныхъ, отъ которыхъ мы отличаемся сверьхъ того разумомъ и другими душевными способностями, я вездѣ называлъ, и лучше хотѣлъ называть просто животными, безъ всякаго отношенія сего названія къ намъ, нежели скотами. — Примѣч. перев.

шакЪ по эшому она представила себѣ напередЪ брошеной хлѣбЪ.

ОтецЪ.

Но знаешЪ ли душа собаки, что она вЪ шо время представляла себѣ что-шо? и пошому знаешЪ ли о своихЪ представленіяхЪ?

Николай.

Да какЪ же; вишь иначе она бы не кинулась на хлѣбЪ.

ОтецЪ.

ТакЪ по эшому и вЪ живошныхЪ душа представляешЪ себѣ вещи посредствомЪ чувствЪ?

Василій.

Конечно, Шпадилія наша можетЪ видѣть, слышать, обонять, вкушать и ощущать, шакже какЪ и мы.

ОтецЪ.

Обонять она можешЪ еще лучше насЪ. Живошныя имѣюшЪ обыкновенно какое нибудь чувство гораздо острѣе, чѣмЪ люди. Нѣкоторыя имѣюшЪ меньше чувствЪ, нежели имѣемЪ мы; а другія могутЪ быть одарены шакими чувствами, которыхЪ мы совсѣмЪ не знаемЪ. — И шакЪ живошныя имѣюшЪ шакже чувства и дѣйствіе чувствЪ. Теперь новой вопросЪ. Душа наша представляешЪ себѣ нѣкоторыя вещи

шемно:

темно: какъ вы думаете? представляютъ ли такъ и души безсловесныхъ животныхъ?

Алексаша.

Думаю, что представляютъ.

Отецъ.

А почему ты думаешь, что представляютъ?

Алексаша.

Я не умѣю этого растолковать.

Отецъ.

То есть ты самъ не можешь себѣ представить того подробно; а не то могъ бы растолковать, какъ ты сказалъ. Посмотримъ; не правда ли, что когда мы видимъ что нибудь во снѣ, то представляемъ себѣ темно тѣ вещи, которыя видимъ?

Алексаша.

Такъ!

Отецъ.

Ну! не примѣтилъ ли ты когда, что и собаки также имѣютъ свои сны?

Алексаша.

Какъ же! онѣ лаютъ иногда очень порядочно во снѣ, и помахиваютъ хвостомъ своимъ.

Отецъ.

И ты еще сомнѣваешься, что души ихъ имѣютъ иногда темныя представленія?

Алексаша.

Нѣтъ! —— А имѣютъ ли ясныя онѣ представленія?

Отецъ.

Мы это сей часъ увидимъ. —— Вотъ камышекъ и кусокъ хлѣба равной величины, и почти одинакаго цвѣту, дадимъ ихъ Шпадиліи, и посмотримъ, прошибется ли она, или отличитъ ли хлѣбъ отъ камня. Позови ее кто нибудь!

Матвѣй, (*возвращаясь*)

Шпадиліи нѣтъ, а вотъ *Церберъ.*

Отецъ.

Все равно. Смотрите; Церберъ! — мцъ! на, на! Видитель?

Матвѣй.

Церберъ нашъ мастерище разбирать!

Отецъ.

Какъ же онъ представлялъ себѣ притомъ брошенной хлѣбъ?

Василій.

Ясно.

Отецъ.

А думалъ ли онъ притомъ, чѣмъ точно различается хлѣбъ отъ камня?

Иванъ.

Нѣтъ.

Отецъ.

Отецъ.

Мы не имѣемъ по крайней мѣрѣ никакихъ побудительныхъ причинъ догадываться о томъ. Подробныхъ представленій въ животныхъ никогда не видно; и потому справедливо говорятъ, что они къ такимъ представленіямъ не способны. И такъ вотъ первое преимущество, которое преблагій Богъ даровалъ душамъ нашимъ предъ душами всѣхъ животныхъ. Хотите ль вы теперь знать, какъ обыкновенно называется это наше преимущество? Оно называется — *смысломъ*, или *умомъ*. И такъ когда говорятъ, душа наша одарена смысломъ: то что это значитъ? или какъ сказать это другими словами?

Иванъ.

Она можетъ представлять себѣ что нибудь подробно.

Отецъ.

Такъ. — Запишемъ и это на доскѣ. — Точка. И довольно для нынѣшняго дня.

РАЗГОВОРЪ III.

(Отецъ пришелъ на другой день со жгутомъ, и не говоря ни слова, ударилъ изъ нихъ каждаго.)

Всѣ.

Ой, ой! хи, хи, хи! Ой, ой! хи, хи, хи!

Отецъ.

Что вы?

Всѣ.

Да вить больно, батюшка!

Отецъ.

Я этому радъ.

Всѣ!

Какъ, вы ради!

Отецъ.

Такъ; потому что вы чрезъ то узнали еще новое и прекрасное свойство души нашей.

Иванъ.

Какоежъ это?

Отецъ.

Не правда ли, что вы всѣ чувствовали нѣкоторую боль?

Всѣ.

Такъ.

Отецъ.

И вы знаете опять всѣ, что вамъ приключило боль ту?

Всѣ.

Конечно.

Отецъ.

Вѣрно вить жгутъ былъ *причиною* той боли, а боль была *дѣйствіе* жгута; не правда ли?

Всѣ.

Конечно правда.

Отецъ.

И такъ душа ваша можетъ знать причины нѣкоторыхъ дѣйствій, и дѣйствіе нѣкоторыхъ причинъ.

Николай.

Да что значитъ подлинно —— причина и дѣйствіе?

Отецъ.

То, что дѣлаетъ что нибудь, называется причиною; а то, что дѣлается чрезъ что нибудь, называется дѣйствіемъ. Жгутъ, или говоря яснѣе, моя рука, въ которой былъ жгутъ, причинила боль, и такъ была причиною боли; а боль, причиненная жгутомъ, находившимся въ моей рукѣ, была такимъ образомъ дѣйствіе жгута, или руки. Понимаетель теперь?

Всѣ.

Какъ не понимать!

Отецъ.

И такъ можетъ ли теперь душа ваша видѣть подробно причину нѣкоторыхъ вещей? и зна

знаетъ ли также нѣкоторыя другія вещи подробно, какое производятъ онѣ дѣйствіе?

Всѣ.

Навѣрно можетъ, и знаетъ!

Отецъ.

Такъ послушайте, что я хотѣлъ сказать чрезъ то. Потому что душа наша можетъ сдѣлать это: то и говорятъ, что она имѣетъ *разумъ*. Ну! имѣетъ ли душа ваша разумъ?

Всѣ.

Какъ же не имѣть!

Отецъ.

Почемужъ вы это знаете?

Ѳедоръ.

Мы теперь лишь узнали это; потому что она можетъ подробно видѣть причину и дѣйствіе вещей.

Отецъ.

А многихъ ли вещей разсматривали вы причины? — На примѣръ теперь идетъ дождь: откуда произходитъ онъ?

Василій.

Изъ облаковъ.

Отецъ.

Чтожъ такое облака?

Матвѣй.

Матвѣй.

Причина дождя.

Отецъ.

А дождь что?

Иванъ.

Дѣйствіе облаковъ.

Отецъ.

Какъ же называется та сила, посредствомъ которой узнаешъ то душа?

Всѣ.

Разумомъ.

Отецъ.

Дѣльно! — Вотъ картинка, на которую глядя, вы можете припомнить опять эту способность души нашей. Здѣсь на небесахъ изображена радуга, а этотъ молодой человѣкъ старается узнать причину оной.

Николай.

Что у него такое въ рукахъ?

Отецъ.

Троегранное стекло, *призмою* называемое. Когда поставишь такое стекло противъ солнечныхъ лучей, такъ что они должны будутъ проходить сквозь оное: то раздробятся они на семь частей, и каждая часть ихъ покажется подъ особливымъ цвѣтомъ, — фіолетовымъ,

пур-

пурпуровымъ, голубымъ, зеленымъ, желтымъ, изжелта померанцевымъ и краснымъ; тѣ же самые цвѣты видитъ молодой человѣкъ и въ радугѣ. А какъ онъ примѣтилъ, что во время радуги всегда находится въ воздухѣ множество влажныхъ паровъ, или дождевыхъ капель: то заключаетъ, что солнечные лучи, проходя чрезъ нихъ, также раздробляются, какъ и въ подставленной призмѣ. А чтобъ въ томъ еще больше увѣриться, то выставляетъ онъ на солнце стаканъ съ водою и съ удовольствіемъ видитъ, что позадь стакана появляются тѣ же самые цвѣты, которые онъ видѣлъ позади призмы и въ радугѣ; и потому онъ теперь совершенно увѣренъ, что радуга есть дѣйствіе солнечныхъ лучей и водяныхъ паровъ, находящихся въ воздухѣ. Онъ узналъ такимъ образомъ подробно и причину радуги. — А посредствомъ какой силы души своей онъ узналъ то?

Ѳедоръ.

Посредствомъ своего разума.

Отецъ.

Какъ бы вы думали? имѣютъ ли животныхъ души разумъ?

Всѣ.

Нѣтъ! — ихъ вить называютъ неразумными животными.

Отецъ.

Но справедливоль ихъ такъ называютъ? Не ужъ ли они въ самомъ дѣлѣ не могутъ ни въ какомъ случаѣ узнать причины какой либо вещи, или того, какія дѣйствія какая вещь производитъ?

Иванъ.

О! конечно могутъ! покажи нашему Церберу плеть, такъ онъ и бросится бѣжать; потому что плеть эта не одинъ разъ ходила по его спинѣ, когда онъ въ саду рылъ ямы.

Отецъ.

Такъ ты думаешь, что онъ знаетъ, что плеть есть причина той боли, которую чувствовалъ онъ при побояхъ?

Иванъ.

Такъ точно.

Отецъ.

Но можетъ ли Церберъ представлять себѣ *подробно* плеть и ту боль, которую чувствовалъ отъ плети?

Иванъ.

Нѣтъ: животныя вить представляютъ себѣ вещи только темно и збивчиво.

Отецъ.

Отецъ.

Такъ, мой другъ! — Когдажъ тотъ, которому приписываемъ мы разумъ, долженъ знать причины и дѣйствія вещей *подробно*, а животныя сдѣлать того не въ состояніи: то можемъ ли мы сказать, что они имѣютъ разумъ?

Всѣ.

Нѣтъ, не можемъ.

Отецъ.

И такъ вотъ еще славное преимущество, которое даровалъ намъ Творецъ отлично предъ всѣми прочими животными! И какоежъ преимущество! оно приводитъ насъ въ состояніе познавать Бога, нашего Творца, любить Его, и быть участниками, чрезъ исполненіе Его законовъ, такого блаженства, къ какому ни одно изъ неразумныхъ существъ не способно. Будемъ къ Нему благодарны, и постараемся чрезъ хорошее употребленіе такого дара быть отъ часу болѣе достойными онаго. — Сказывай теперь, Иванъ! что мнѣ записывать?

Иванъ.

Душа наша имѣетъ разумъ.

Отецъ.

Какъ это сказать другими словами?

Иванъ.

Иванъ.

Она можетъ знать подробно причины, и самое дѣйствіе многихъ вещей.

Отецъ.

Станемъ теперь продолжать, дѣти! присматривать за нашею душею, не увидимъ ли еще какихъ способностей въ ней. А чтобъ между тѣмъ не быть празднымъ, то станемъ калякать между собою.

Николай.

Да о чемъ же?

Отецъ.

Объ этой доскѣ на примѣръ. Я начну разговоръ, естьли я скажу что нибудь, что вамъ покажется не справедливо: то вы можете противорѣчить мнѣ хотя въ другое время, какъ вамъ самимъ извѣстно, дѣтямъ того не должно дѣлать. — Эта доска бѣла, какъ снѣгъ.

Всѣ (смѣючись).

Нѣтъ, эта доска не бѣла, она черна, какъ уголь.

Отецъ.

Ну, вотъ мы ужъ и разбились въ своихъ мысляхъ. Я *утверждаю*, что доска бѣла, а вы всѣ *отрицаете* то; не правда ли?

Всѣ.

Всѣ.

Конечно такъ.

Отецъ.

И вы всѣ думаете навѣрно, что говорите правду?

Всѣ.

А какъ же! и конечно правду!

Отецъ.

Постойте! мы узнали, прежде нежели думали, еще новую силу души нашей. —— И такъ она можетъ видѣть и то, утверждать ли что, или отринуть надобно?

Всѣ.

Конечно можетъ.

Отецъ.

Это мнѣ пріятно; я знаю теперь, что души наши и *разсуждать* могутъ.

Иванъ.

Разсуждать?

Отецъ.

Такъ; потому что то называется разсужденіемъ, когда кто видитъ, утверждать ли что, или отрицать должно. Можетель вы разсуждать теперь?

Всѣ.

Конечно можемъ.

Отецъ.

Отецъ.

Посмотримъ еще, точно ли это правда. Я напишу, что мнѣ вздумается, на доскѣ, а вы скажите, утверждать, или отрицать надобно, что я напишу?

(*Пишетъ на доскѣ*).

Земля наша четвероугольна. Ну! видитъ ли душа ваша, что надобно дѣлать, утверждать, или отрицать сіе положеніе?

Всѣ.

Конечно отрицать; вить наша земля кругла, такъ какъ ей быть четвероугольной?

Отецъ.

Теперь я вижу, что это точно правда; душа ваша можетъ уже и разсуждать. — Но не такъ скоро; можетъ быть то еще и не правда. Здѣсь спрашивается, видитъ ли душа ваша, и притомъ подробно, основательную причину, для чего надобно не утверждать, а отвергнуть положеніе, написанное мною на доскѣ?

Иванъ.

О! мы знаемъ и не одну причину, а цѣлыхъ три, коли угодно, что земля должна быть кругла.

Отецъ.

Посмотримъ! Первая? —

Иванъ.

Есть люди, которые кругомъ землю объѣзжали.

Отецъ.

А почему они могли узнать, что кругомъ землю объѣхали?

Иванъ.

По тому, что плыли всегда къ западу, а возвращались съ востока на то мѣсто, отъ котораго пустились въ путь свой.

Отецъ.

Такъ; изъ сего конечно могли узнать они круглость земли. Другая причина?

Николай.

Я скажу, батюшка! — Когда выѣдешь въ море, и станешь отдаляться отъ берегу: то вскорѣ по томъ потеряешь изъ виду сперва ровную землю, откуда поплылъ; а послѣ скроются изъ глазъ помаленьку и самые домы, за тѣмъ башни, и наконецъ высочайшія горы.

Отецъ.

Ну, чтожъ слѣдуетъ изъ сего?

Николай.

То, что земля должна быть кругла.

Отецъ.

Какъ это?

Николай.

Николай.

Да вишь естьлибъ она не была кругла, то бы и низкія мѣста столь же долго видны были, какъ и высокія.

Отецъ.

Правда твоя, Николай. — Ну, теперь третья причина?

Василій.

Позвольте мнѣ сказать. — Когда бываетъ затмѣніе луны, то мы видимъ въ лунѣ тѣнь нашей земли.

Отецъ.

Какъ это?

Василій.

А вотъ какъ: земля находится тогда между солнцемъ и луною такъ точно, какъ естьли бы я теперь сталъ между солнцемъ и этою стѣною, и тѣнь отъ меня конечно бы изобразилась на стѣнѣ.

Отецъ.

Чтожъ ты заключаешь изъ того, что мы тѣнь нашей земли видимъ въ лунѣ?

Василій.

Что земля наша должна быть кругла.

Отецъ.

Почемужъ такъ?

Василій.

По тому, что тѣнь ея, которую мы видимъ въ лунѣ, такъже кругла.

Отецъ.

Такъ! —— Теперь вы прямо и подробно проникнули въ основаніе разсужденія, которое вамъ сдѣлать надлежало; и теперь неоспоримо и то, что душа ваша имѣетъ силу разсужденія, или, что все равно, она имѣетъ *разсудокъ.* Радуйтесь, дѣти! это новое преимущество, которое милосердый Богъ даровалъ намъ людямъ, отлично предъ всѣми другими животными на землѣ?

Иванъ.

Развѣ другія животныя не могутъ разсуждать.

Отецъ.

А развѣ ты думаешь, что могутъ?

Иванъ.

Я этого не знаю.

Отецъ.

Такъ тебѣ хочется, чаятельно, узнать это?

Иванъ.

О! и очень!

Отецъ.

Хорошо; мнѣ пришло на мысль средство, какъ узнать это, не спрашивая о томъ никого.

Иванъ.

Какоежъ бы это средство?

Отецъ.

Я слышалъ нѣкогда, что душа наша имѣетъ чудную силу изобрѣтать сама такія истины, о которыхъ прежде ни отъ кого не слыхала. Сказываютъ, что естьли она будетъ имѣть только два разсужденія, то можетъ удобно вывесть изъ нихъ сама собою третіе, о которомъ прежде никто ей не сказывалъ; и эта способность ея называется *способностью заключать, или посредствомъ умозаключеній* узнавать что нибудь. —— Попытаемся теперь узнать, не имѣютъ ли и наши души такой способности; и естьли имѣютъ, то можемъ ли мы посредствомъ того дойти, имѣютъ ли животныя силу разсужденія, или нѣтъ.

Надобно, говорю я, дать напередъ душѣ два разсужденія, а изъ нихъ она выведетъ уже сама безъ всякой помощи третіе. —— И вотъ два разсужденія, которыя напишу я на доскѣ:

примѣчайте, не можетель вы изъ нихъ сами собою вывесть третьяго?

Первое: Кто не можетъ дѣлать себѣ подробныхъ представленій, тотъ не можетъ и разсуждать.

Второе: Животныя не могутъ дѣлать себѣ подробныхъ представленій.

Третіе: Слѣдовательно ——

Иванъ.

Слѣдовательно животныя не могутъ и разсуждать.

Отецъ.

Видишь ли теперь? *Вотъ* и третіе разсужденіе, *какъ бы* кто вызвалъ его. — Кто это сказалъ тебѣ?

Иванъ.

Никто мнѣ не сказывалъ.

Отецъ.

Ну, такъ это правда, что душа наша имѣетъ ту чудную силу. И не удивительно ли это, что мы симъ образомъ можемъ узнавать множество вещей, которыхъ со всѣми нашими чувствами не могли прежде понять, и о которыхъ никто намъ не сказывалъ? —— Сдѣлаемъ еще опытъ. Смотрите; вотъ три запечатанные пакетца, въ каждомъ изъ нихъ находится нѣ-

нѣкоторое число серебряныхъ пятачковъ. Я не дамъ вамъ разкрывать ихъ, не дамъ и дотрогиваться; и однакожъ объ закладъ бьюсь, что ваша душа можетъ узнать посредствомъ заключеній, больше ли находится пятачковъ въ одномъ пакетцѣ, нежели въ другомъ.

Николай.

Вотъ ужъ этого-то мы и не можемъ сдѣлать!

Отецъ.

Душа ваша можетъ больше сдѣлать, нежели какъ вы думаете; вы это въ мигъ увидите. Мнѣ должно только напередъ дать вамъ опять два разсужденія, а о третьемъ я не безпокоюсь. Я напишу ихъ опять на доскѣ.

Первое: Въ первомъ пакетцѣ не больше и не меньше пятачковъ, какъ и во второмъ.

Второе: Во второмъ пакетцѣ не больше и не меньше пятачковъ, какъ и въ третьемъ.

Теперь *третіе* разсужденіе. Слѣдовательно —

Ѳедоръ.

Слѣдовательно во всѣхъ трехъ поровну.

Отецъ.

Посмотримъ теперь, справедливо ли заключила душа наша? (*Разнимаетъ пакетцы*) Въ этомъ — шесть, въ другомъ — также шесть, въ третьемъ —

Иванъ.

Такъ и тутъ тесть? — Какъ это весело!

Отецъ.

Дивитесь чудеснымъ силамъ, дарованнымъ душѣ нашей.

Василій.

А далъ ли Богъ эту силу душамъ прочихъ животныхъ?

Отецъ.

Мнѣ ужъ не нужно теперь это вамъ сказывать; потому что душа ваша можетъ узнать то сама собою.

Алексаша.

И это можетъ узнать она?

Отецъ.

И конечно! примѣчайте только. — Витъ вы понимаете. Не правда ли, что тотъ, которой разсуждать не можетъ, не можетъ также и заключать.

Иванъ.

Дѣйствительно такъ; — ибо когда кто заключать хочетъ, такъ тому надобно самому сдѣлать третіе разсужденіе.

Отецъ.

Справедливо! — запишемъ же сперва это на доскѣ.

Первое

Первое разсужденіе: Кто не можетъ разсуждать, тотъ не можетъ и заключать.

Теперь спрашивается, могутъ ли разсуждать животныя, или нѣтъ?

Иванъ.

Нѣтъ! вить мы предъ этимъ только доказали, что они не могутъ того дѣлать.

Отецъ.

Хорошо; такъ пусть это будетъ второе наше разсужденіе.

Второе: Души животныхъ не могутъ разсуждать.

Теперь *третіе:* Слѣдовательно —

Иванъ.

Слѣдовательно души ихъ не могутъ и заключать.

Отецъ.

Видите ли? вотъ и третіе! А кто намъ его сказалъ?

Всѣ.

Кому сказывать, кромѣ души нашей!

Отецъ.

И такъ мы знаемъ теперь совершенно, что души наши имѣютъ дѣйствительно способность заключать. — И сіи обѣ способности души нашей, которыя мы теперь узнали, то

есть *разсудокъ* и *силу заключенія*, можете вы также припомнить, смотря на сегоднешнюю нашу картинку. Скажите мнѣ, что думаетъ изображенный здѣсь молодой человѣкъ?

Николай.

Онъ думаетъ, что солнечные лучи и влажные пары въ воздухѣ суть причиною радуги.

Отецъ.

Онъ видитъ слѣдовательно, что *положеніе*, которое ты сказалъ теперь, надобно утверждать, а не отрицать?

Николай.

Такъ точно!

Отецъ.

Такъ чтожъ онъ дѣлаетъ?

Николай.

Разсуждаетъ.

Отецъ.

Правильно. И такъ мы можемъ при семъ прежде всего припомнить ——

Николай.

Что душа наша имѣетъ разсудокъ?

Отецъ.

Я догадываюсь, что въ душѣ сего внимательнаго человѣка происходитъ еще больше того. Разсматривая радугу, онъ можетъ быть ду-

думаетъ и это, что радуга произходитъ отъ солнечныхъ лучей и водяныхъ паровъ, или дождевыхъ капель, находящихся теперь въ воздухѣ. А когда много находится водяныхъ паровъ въ воздухѣ, то идетъ тогда дождь, или по крайней мѣрѣ скоро итти будетъ, и такъ вѣроятно, что сего дня или завтра, и у насъ здѣсь будетъ дождь, естьли не разгонитъ вѣтеръ дождевыхъ облаковъ. —— Положимъ теперь, что душа его такъ думаетъ, чтожъ дѣлаетъ она?

Ѳедоръ.

Заключаетъ.

Отецъ.

Справедливо; она заключаетъ. И естьли мы захотимъ написать на доскѣ это заключеніе, которое дѣлаетъ душа его, то выдетъ оно почти такъ:

Первое разсужденіе: Когда много находится водяныхъ паровъ въ воздухѣ, то вѣроятно, что скоро дождь будетъ.

Второе: А какъ теперь много находится водяныхъ паровъ въ воздухѣ;

Третіе: Слѣдовательно думать можно, что скоро дождь будетъ.

И такъ о какой способности души можетъ еще припомнить намъ эта картина

Всѣ.

О способности заключать.

Отецъ.

Ѳедоръ! сказывай теперь, что мнѣ записывать?

Ѳедоръ.

Душа наша и разсуждать можетъ.

Отецъ.

То есть?

Ѳедоръ.

Она можетъ видѣть, утверждать ли какую вещь, или отрицать.

Отецъ.

Далѣе.

Ѳедоръ.

Наша душа можетъ и заключать наконецъ.

Отецъ.

А что это значитъ?

Ѳедоръ.

То, что она можетъ изъ двухъ разсужденій выводить сама собою третіе, хотя бы о томъ и никто ей не сказывалъ.

Отецъ.

Умно! — И довольно сего дня.

РАЗГОВОРЪ IV.

Въ слѣдующій день, когда дѣти собрались, и отецъ только лишь хотѣлъ начать и продолжать вчерашній разговоръ, какъ вдругъ астоновился, наклонилъ голову къ саду, и казалось, съ великимъ прилѣжаніемъ слушалъ.

Иванъ.

Что такое, батюшка?

Отецъ.

Слушай, слушай! —

(*Всѣ стали слушать, и всѣ вскричали, какъ бы въ одинъ голосъ:* ахъ! соловей, соловей! *это былъ первой появившійся въ сію весну.*)

Отецъ (мигая).

Тише! тише! —

Всѣ умолкли, и слушали, пока соловей самъ пріостановился.

Отецъ.

Что мы теперь дѣлали?

Всѣ.

Слушали соловья.

Отецъ.

Думалъ ли кто нибудь изъ насъ о чемъ другомъ, какъ мы его слушали?

Всѣ.

Нѣтъ!

Отецъ.

И такъ душа наша подавила всѣ другія мысли, чтобъ думать только о сладостномъ пѣніи соловья; не такъ ли?

Всѣ.

Такъ точно.

Отецъ.

Не можетель вы мнѣ изобразить однимъ словомъ того, что дѣлала теперь душа наша?

Иванъ.

Можно; она была *внимательна.*

Отецъ.

Правильно! И такъ вотъ еще новая способность души нашей; она можетъ быть внимательна къ чему нибудь, или другими словами, она можетъ, когда захочетъ, не думать ни о чемъ другомъ, какъ о томъ только, о чемъ думать находитъ удовольствіе.

Николай.

Но это могутъ конечно и всѣ животныя дѣлать.

Отецъ.

Изъ чего ты выводишь это, Николай?

Николай.

Да не поднимаютъ ли иногда собаки и лошади вверьхъ ушей своихъ, какъ будто бы онѣ

онѣ очень внимательно къ чему нибудь прислушивались?

Отецъ.

Такъ, онѣ дѣлаютъ это; и тогда въ самомъ дѣлѣ и ихъ душа не думаетъ ни о чемъ другомъ, какъ о томъ только, что она слышитъ, или видитъ. Но скажи мнѣ, примѣтилъ ли ты когда нибудь, чтобъ животныя были внимательны къ тому, чтобы не трогало того, или другаго ихъ чувства, на примѣръ къ чему нибудь отсутствующему; положимъ къ Великому Моголу?

Николай (смѣясь).

Нѣтъ.

Отецъ.

Или къ чему нибудь такому, что совсѣмъ не можетъ быть постигнуто чувствами, хотя бы и почиталось присутствующимъ, какъ на пр. къ силамъ и способностямъ ихъ, или нашихъ душъ?

Николай.

Нѣтъ.

Отецъ.

Но можетъ ли наша душа быть внимательна къ чему нибудь отсутствующему?

Николай.

Конечно можетъ.

Отецъ.

Отецъ.

На пр. какъ мы въ Географіи дошли до исторіи Великаго Могола, не была ли тогда душа ваша внимательна къ тому, что я разсказывалъ вамъ объ немъ и его государствѣ?

Николай.

О! была конечно!

Отецъ.

И не всѣ ли вы внимательны теперь къ тому, что мы можемъ узнать еще о душѣ нашей, не смотря на то, что не можно ничего къ душѣ относящагося ни слышать, ни видѣть, ни другимъ какимъ либо чувствомъ постигнуть.

Николай.

Такъ?

Отецъ.

И такъ душа наша можетъ быть внимательна и къ тому: 1) что не находится предъ нами; 2) къ тому, чего не можно постигнуть никакимъ чувствомъ, хотя бы то и предъ глазами у насъ находилось.

Всѣ.

Такъ.

Отецъ.

А къ такимъ вещамъ могутъ ли быть внимательны души прочихъ животныхъ?

Всѣ.

Всѣ.

Нѣтъ.

Отецъ.

Такъ по этому великое находится различіе между нашимъ вниманіемъ и вниманіемъ скотовъ? Еще одна вещь: думаетель вы, что животныя могутъ добровольно быть внимательны къ чему нибудь? или, другими словами, что могутъ *ли добровольно избирать* себѣ вещи, къ *которымъ* бы устремлять свое вниманіе?

Ѳедоръ.

Нѣтъ; я этого не думаю.

Отецъ.

И я также; потому что никогда не примѣтилъ, чтобы они начали къ чему нибудь быть внимательны, когда ихъ не побуждало къ тому что либо чувственное. — Но ваша душа развѣ не можетъ добровольно избирать себѣ то, къ чему бы устремлять свое вниманіе?

Всѣ.

О! конечно можетъ!

Отецъ.

Теперь мы внимательны къ способностямъ души нашей; но какъ скоро захотимъ, то можемъ думать и о чемъ другомъ; и такъ это зависитъ отъ насъ самихъ, *къ чему и какъ долго* по-

похотимъ мы быть внимательны. Вниманіе такимъ образомъ, къ какому способна душа наша, различается, какъ небо отъ земли, отъ того вниманія, къ какому животныя способны. Я покажу вамъ теперь еще картинку.

Смотрите, здѣсь изображена одна изъ самыхъ большихъ обезьянъ, которыхъ *Орангъ-Утангами* называютъ, —— и которыя изъ Натуральной Исторіи уже извѣстны. Передъ нею стоятъ два мальчика, кои внимательно ее разсматриваютъ. Конечно души этихъ мальчиковъ не думаютъ теперь ни о чемъ другомъ, какъ только объ этой обезьянѣ: чтожъ теперь сказать про нихъ?

Всѣ.

Что они внимательны.

Отецъ.

Но не можетъ ли этимъ мальчикамъ, между тѣмъ какъ они разсматриваютъ большую обезьяну, притти въ голову, что она походитъ на другое какое нибудь существо?

Василій.

Какъ же! на человѣка.

Отецъ.

И такъ мальчики соединяютъ въ своихъ мысляхъ изображеніе обезьяны съ изображеніемъ человѣка?

Алексаша.

Алексаша.

Такъ точно.

Отецъ.

А знаетель вы, какъ называется то; когда душа думаетъ сперва о той, потомъ о другой вещи, и послѣ того соединяетъ обѣ между собою въ своихъ мысляхъ? Это называется *сравнивать* одну вещь съ другою. — И такъ что дѣлаютъ эти мальчики, Матвѣй?

Матвѣй.

Сравниваютъ обезьяну съ человѣкомъ.

Отецъ.

А для чего они дѣлаютъ это?

Матвѣй.

Для того, что хотятъ знать, такой ли видъ имѣетъ обезьяна, какъ и человѣкъ.

Отецъ.

Это же другими словами: они хотятъ знать, сходны ли между собою, или несходны обезьяна и человѣкъ. — Одинъ изъ сихъ мальчиковъ кажется устремилъ особливо свое вниманіе на руки, или переднія ноги обезьяны, другой напротивъ того на ноги, или заднія руки обезьяны. Одинъ находитъ, что переднія руки обезьяны очень похожи на человѣческія руки;

 другой

другой напротивъ того примѣчаетъ, что заднія ея руки примѣтно отличаются отъ ногъ человѣческихъ; потому что онѣ совершенно такъ устроены, какъ и ея руки. И такъ тотъ открываетъ *сходство*, а сей напротивъ того *несходство*, или *различіе* между обезьяною и человѣкомъ. Хотите ли вы знать теперь, какія силы души они употребляютъ къ тому?

Всѣ.

Скажите, скажите!

Отецъ.

Душа перваго мальчика показываетъ *остроту* свою, а душа другаго *проницательность*. Посредствомъ остроты, или остроумія, мы представляемъ себѣ сходство, а посредствомъ проницательности различіе вещей. — Желалиль бы вы знать теперь, имѣетъ ли и ваша душа сколько нибудь остроты и проницанія? — Этого не можно узнать; однакожъ прежде, пока вы не попытаетесь, сдѣлаемъ теперь же эту попытку. Пусть каждой изъ васъ сравнитъ мысленно обезьяну, которой изображеніе мы здѣсь видимъ, съ самимъ собою, и потомъ мы увидимъ, кто изъ васъ примѣтилъ сходство и различіе между тѣмъ и другимъ. Я даю вамъ цѣлую минуту на размышленіе. — Ну! Василій!

силій! скажи ка намъ прежде всѣхъ, что ты примѣтилъ?

Василій.

Эта обезьяна ходитъ прямо, и люди ходятъ также.

Отецъ.

И такъ они сходны между собою; а чѣмъ отличаются другъ отъ друга?

Василій.

Обезьяна почти вся въ шерсти, а люди гладкую имѣютъ кожу.

Отецъ.

Хорошо; теперь ты, Матвѣй!

Матвѣй.

Обезьяна можетъ браться руками своими за что нибудь, обыкновенно какъ человѣкъ, — въ этомъ она сходствуетъ съ нами; но имѣетъ ротъ гораздо больше, нежели мы, и старое морщиноватое лице, — въ этомъ она различна съ нами.

Отецъ.

То же хорошо; — теперь, — Алексаша! твоя очередь.

Алексаша.

Обезьяна подражаетъ всему, какъ и мы.

Отецъ.

Вотъ еще сходство, которое имѣетъ обезьяна съ нами, а особливо съ дѣтьми. Но чтобъ не тратить много времени, то пусть одинъ изъ васъ сказываетъ только сходство, а другой различіе. Теперь ты, Николай!

Николай.

Обзьяна не можетъ говорить.

Отецъ.

Правильно! и вотъ еще различіе. Иванъ! далѣе.

Иванъ.

Обезьяна очень переимчива почти такъ какъ человѣкъ.

Отецъ.

А чему бы такая большая обезьяна могла научиться?

Иванъ.

Въ Натуральной Исторіи мы слышали, что она можетъ научиться плясать, ѣздить верьхомъ, носить дрова, возить телѣжку, прислуживать при столѣ, плясать по канату, выкидывать артикулъ, маршировать, и бить въ барабанъ.

Отецъ.

И такъ вотъ еще сходство, которое она имѣетъ съ нами. Ѳедоръ! скажи еще различіе!

Ѳедоръ.

Θедоръ.

Обезьяна не имѣетъ разума.

Отецъ.

Изъ чего ты заключаешь?

Θедоръ.

Изъ того, что она всему подражаетъ слѣпо, не вѣдая, для чего то дѣлаетъ, и потому часто бываетъ нещастлива.

Отецъ.

Какъ это?

Θедоръ.

Развѣ мы не слыхали, какъ глупо обезьяны допускаютъ ловить себя? сядетъ одинъ подъ тѣмъ деревомъ, на которомъ сидятъ обезьяны, и сниметъ башмаки, или исподнее платье, потомъ отойдетъ прочь, и оставитъ на томъ мѣстѣ пару маленькихъ башмаковъ, или исподнее платье, вымазавъ смолою: тотчасъ появится обезьянка, и захочетъ то же сдѣлать, что дѣлалъ человѣкъ, станетъ надѣвать башмаки, или исподнее платье, и едва вздѣнетъ ихъ, то не можетъ уже снять опять, потому что они крѣпко пристанутъ; тогда не можетъ она и бѣжать, и должна отдаться въ полонъ. — Была ли бы она столь проста, естьли бы имѣла разумъ?

 Отецъ.

Отецъ.

И конечно тогда бы размыслила она напередъ, какая польза тебѣ подражать тому? и не можетъ ли быть для тебя это вредно? Ну, дѣти! я вижу ясно, что ваши души, какъ и всѣ другія человѣческія души, имѣютъ уже также способность видѣть сходство и различіе вещей. — Теперь сказывайте мнѣ сызнова, что записывать мнѣ на доскѣ. Ѳедоръ сдѣлаетъ начало, другіе смѣнятъ его, каждой въ свою очередь. Ну?

Ѳедоръ.

Душа наша можетъ быть внимательна, то есть —

Отецъ.

Постой! дай мнѣ написать сперва это. — Теперь далѣе!

Ѳедоръ.

То есть она можетъ заглушить всѣ другія мысли, чтобъ представлять себѣ только одну какую нибудь вещь.

Иванъ.

Теперь я! — *Душа можетъ также сравнивать между собою вещи, дабы узнать, сходны ли онѣ, или не сходны. — Когда она —*

Николай.

Николай.

Съ вашего позволенія, милостивый государь мой! теперь слѣдуетъ мнѣ. — *Когда она усматриваетъ, что вещи между собою сходны, то дѣлаетъ это посредствомъ остроты своей; а* —

Василій.

Погодижъ не много; вить и мнѣ надобно сказывать! — *А когда усматриваетъ, что вещи между собою не сходны, или различны другъ съ другомъ, то дѣлаетъ это посредствомъ своей проницательности.* — Но скажите, батюшка! что значатъ числа на картинкахъ?

Отецъ.

Видишь ли, мой другъ! вотъ и здѣсь на доскѣ каждую новую силу души, которую мы узнаемъ, я означаю также числами. А чтобъ можно было видѣть, какое изображеніе относится къ каждой изъ оныхъ, то сіи картинки означены тѣми же самыми числами.

Василій.

А, а!

Отецъ.

И такъ естьлибъ ты позабылъ, о какой способности души нашей должна припоминать тебѣ та, или другая картинка: то

стоитъ только тебѣ поставленное надъ нею число пріискать на доскѣ, и ты опять въ мигъ то узнаешь.

Василій.

О! это браво! —— поучите, батюшка! еще насъ!

Отецъ.

Завтра, завтра, любезной мой Васинька! для нынѣшняго дня довольно. Душамъ нашимъ этотъ разъ довольно было работы, такъ пойдемъ теперь въ садъ, чтобъ и тѣлу доставить движеніе.

Иванъ.

Батюшка! еще одинъ вопросецъ. —— Не имѣютъ ли животныя также остроты и проницанія?

Отецъ.

У кого душа имѣетъ остроту и проницаніе, тотъ можетъ не только различать вещи другъ отъ друга, но и показать признаки, по которымъ они другъ отъ друга различаются; ибо вить по тому вещи сходны между собою, когда одинакіе имѣютъ признаки; и потому различны другъ отъ друга, когда каждая изъ нихъ имѣетъ собственные отличительные признаки. —— Теперь думаешь ли ты, что души живот-

животныхъ имѣютъ острошу и проницашельность?

Иванъ.

Нѣтъ, не думаю.

Отецъ.

Почему же шакъ?

Иванъ.

По шому, что онѣ не имѣютъ подробныхъ представленій.

Отецъ.

А потому и признаковъ вещи не могутъ примѣшишь. — Шабашъ!

РАЗГОВОРЪ V.

Отецъ.

Радуйтесь, дѣти! сего дня мы узнаемъ еще нѣчто очень примѣчательное о душѣ нашей.

Всѣ.

Что бы такое?

Отецъ.

Мы узнаемъ, что наша душа и внимательна можетъ быть къ чему нибудь.

Всѣ.

Э! да это мы и вчера слышали!

Отецъ.

Отецъ.

Слышали? —— Такъ посмотримъ, что это значитъ быть внимательнымъ къ чему нибудь?

Ѳедоръ.

Это значитъ всѣ другія представленія заглушить въ душѣ своей, чтобъ представлять себѣ только одну какую нибудь вещь.

Отецъ.

Описаніе твое правильно; и по этому я долженъ повѣрить, что вы дѣйствительно слышали о томъ.

Всѣ.

И конечно, конечно слышали!

Отецъ.

Не печальтесь, дѣти! что я и сего дни началъ со вчерашняго; я узналъ чрезъ это, что душа ваша имѣетъ способность не меньше важную той.

Иванъ.

Какуюжъ это?

Отецъ.

Душа ваша возобновила теперь то же самое представленіе, которое и вчера имѣла; не правда ли?

Всѣ.

Всѣ.

Такъ точно.

Отецъ.

И она узнала сверхъ того, что оное представленіе точно вчера имѣла?

Всѣ.

Такъ.

Отецъ.

Это мнѣ пріятно; я теперь знаю, что ваша душа имѣетъ и *память.* Ибо память есть та сила души нашей, посредствомъ которой она можетъ возобновлять бывшія прежде представленія; и точно знаетъ притомъ, что ихъ прежде нѣкогда имѣла. Не сдѣлалаль теперь этого душа ваша?

Всѣ.

Такъ конечно.

Отецъ.

Ну, такъ она имѣетъ память. —— Между тѣмъ, чтобъ больше увѣриться, сдѣлаемъ еще опытъ. Не видалиль вы когда нибудь, положимъ —— верблюда?

Всѣ.

О! какъ не видать!

Отецъ.

Каковъ же былъ верблюдъ?

Василій.

Василій.

Ахъ! у него такая маленькая голова!

Николай.

А шея такая длинная!

Иванъ.

А горбъ, ну ужъ горбъ!

Отецъ.

Когдажъ вы видѣли этого верблюда?

Всѣ.

Прошлымъ лѣтомъ, какъ мы не поѣхали въ деревню.

Отецъ.

А гдѣ вы его видѣли?

Василій.

Извѣстно у П. . . . у этого господина множество и другихъ звѣрей. Вить вы и сами, батюшка! ходили съ нами смотрѣть.

Отецъ.

Да, я вспомнилъ. — Теперь видитель; душа ваша возобновила опять представленіе, которое она прежде нѣкогда имѣла; и узнала притомъ точно, что это представленіе о верблюдѣ для нее не новое, но что она имѣла его и прежде. Какъ же называется эта сила, посредствомъ которой душа могла то сдѣлать?

Всѣ.

Памятью.

Отецъ.

Теперь опять надобно записывать; кто изъ васъ будетъ мнѣ сказывать?

Всѣ.

Я! я! я! я!

Отецъ.

Когда вы всѣ вмѣстѣ будете сказывать; такъ я ничего не разберу; должно опять кинуть жеребей. Повторимъ тотчасъ все то, что мы уже спознали о душѣ нашей; каждой въ свою очередь пусть скажетъ мнѣ одну изъ душевныхъ способностей, и тотъ выигралъ, кому придется *память.* Сказывайте.

(*Дѣти пересказали тотчасъ все прежнее, и Николай выигралъ.*)

Николай.

Браво! я выигралъ!

Отецъ.

Ну такъ сказывай, что мнѣ писать должно.

Николай.

Душа наша имѣетъ память.

Отецъ.

Прибавь еще, како это сказать другими словами.

Николай.

Николай.

Другими словами: *она можетъ возобновлять то представленіе, которое прежде нѣкогда имѣла, и притомъ знать, что точно оное прежде имѣла.*

Отецъ.

Не разсмотрѣть ли намъ теперь, не имѣютъ ли и души животныхъ памяти?

Всѣ.

Прекрасно, прекрасно!

Иванъ.

Я думаю, что память они имѣютъ.

Отецъ.

Скажижъ намъ и причину, почему ты такъ думаешь?

Иванъ.

Подразни-ка собаку, да поди опять мимо ея дому, такъ она тотчасъ на тебя бросится.

Отецъ.

Опытъ справедливъ; и кажется, что слѣдуетъ изъ того въ самомъ дѣлѣ, что собаки имѣютъ память. Души ихъ по всѣмъ догадкамъ возобновляютъ также представленіе прежней обиды, имъ причиненной, и кажется, что они хотятъ отмстить за то. Но знаетъ ли

ли подробно душа собаки, что это представленіе имѣетъ она теперь не въ первой, но что это только возобновленное представленіе? Какъ бы ты думалъ, Иванъ?

Иванъ.

Какъ ей знать о томъ!

Отецъ.

А почему?

Иванъ.

По тому, что души животныхъ не знаютъ ничего въ подробность; а не то вить онѣ были бы разумны.

Отецъ.

Когда такъ, то душа собаки, хотящей отмстить за прежнюю обиду, представляетъ себѣ тогда конечно такъ, какъ будто бы эта обида сдѣлана ей только теперь.

Иванъ.

Такъ точно.

Отецъ.

По этому между ея припамятываніемъ и нашею памятью примѣтная разница? Душа собаки можетъ только возобновлять прежнія представленія, но не узнавать ихъ, то есть она не знаетъ подробно, что и прежде такое представленіе нѣкогда имѣла. А по сему можемъ ли мы приписать ей точно память?

Всѣ.

Нѣтъ!

Отецъ.

По крайней мѣрѣ не можемъ приписать такой, какую сами имѣемъ. — Показать ли вамъ картинку?

Всѣ.

Какъ же! Сдѣлайте милость, покажите!

Отецъ.

Вотъ она. Видитель, здѣсь изображенъ старикъ, которой едва ходить можетъ?

Василій.

Какаяжъ кривая у него нога!

Отецъ.

Это онъ долженъ причитать своей неосторожности, которую учинилъ еще въ молодыхъ своихъ лѣтахъ.

Алексаша.

Какой неосторожности?

Отецъ.

А вотъ какой: онъ охотникъ былъ лазить, и дѣлалъ это обыкновенно тогда, какъ не было никого изъ большихъ людей, которой бы посмотрѣлъ, чтобъ онъ не сдѣлалъ себѣ какого вреда. Однажды, какъ онъ былъ одинъ въ

въ горницѣ, пришло ему въ голову взлѣсть на печь, чтобъ его братья пришедши, не скоро могли найти его. Онъ полѣзъ, но какъ-то оборвался, упалъ, и переломилъ себѣ ногу. Претерпѣвши чрезвычайную боль, хотя и былъ вылѣченъ, но нога осталась крива и коса на всю жизнь его.

Матвѣй.

А что значатъ картинки, висящія тутъ на стѣнѣ?

Отецъ.

Онѣ представляютъ его самаго, какъ онъ въ различныя времена былъ списываемъ; сначала какъ ребенокъ въ гусарскомъ платьѣ. —

Василій.

Тогда нога его была еще цѣла.

Отецъ.

Но вскорѣ по томъ переломлена. Посмотри здѣсь, гдѣ онъ изображенъ въ тѣхъ лѣтахъ, какъ сталъ подрастать; нога его уже крива. Третья картина представляетъ его въ мужескихъ лѣтахъ. — Чтобъ вы думали дѣлаетъ теперь душа этого старика, какъ онъ смотритъ на картины?

Иванъ

Она вспоминаетъ о прошедшей своей жизни.

 Отецъ.

Отецъ.

При первой картинѣ приходитъ ему на мысль нещастный случай, при которомъ онъ переломилъ себѣ ногу; при второй, которая представляетъ его въ дорожномъ платьѣ, онъ воспоминаетъ то, что видѣлъ и слышалъ примѣчанія достойнаго въ пути своемъ; а смотря на третью, онъ припоминаетъ себѣ умершую свою супругу, которую тогда взялъ за себя. И такъ душа его возобновляетъ одни такія представленія, которыя имѣла уже нѣкогда, и знаетъ при этомъ точно, что она дѣйствительно имѣла прежде такія представленія. —— Эта картинка такимъ образомъ можетъ припоминать намъ удобно — о чемъ?

Всѣ.

О нашей памяти.

Отецъ.

Но она можетъ подать намъ случай примѣтить и еще что-то новое въ душѣ нашей.

Иванъ.

Еще новое?

Отецъ.

Такъ; но напередъ вы должны отвѣчать мнѣ на два вопроса. Какъ у сего мальчика, которой пред-

представленъ здѣсь, была переломлена нога: то что представляла себѣ тогда душа его?

Иванъ.

Она представляла себѣ переломленую ногу.

Отецъ.

Да все ль равно было тогда для души, представлять себѣ переломленую ногу, или переломленую палку?

Иванъ.

О! нѣтъ, конечно нѣтъ!

Отецъ.

Или находила ли душа при такомъ представленіи нѣкоторую пріятность, нѣкоторое удовольствіе?

Иванъ.

Нѣтъ; душа находила притомъ, кажется, великое неудовольствіе?

Отецъ.

И когда онъ путешествовалъ, по томъ проѣзжалъ прекрасныя и славныя земли, видѣлъ великолѣпные города и замки, новыя и замысловатыя изобрѣтенія въ художествахъ, чужестранныя примѣчанія достойныя растенія и звѣрей, совсѣмъ другой народъ съ отличными языками, нравами и обычаями: какъ бы вы думали? съ такимъ ли равнодушіемъ смотрѣлъ

онъ на все то, какъ мы обыкновенно смотримъ на тѣ вещи, которыя глазамъ нашимъ встрѣчаются ежедневно?

Николай.

Да развѣ бы онъ тогда былъ деревянной!

Отецъ.

Какъ же бы вы думали? душа его при представленіи всѣхъ сихъ вещей тожели самое ощущала, что и тогда, какъ представляла себѣ переломленую ногу?

Николай.

Конечно не то; тогда ощущала она неудовольствіе, а при этомъ ей должно было имѣть великое удовольствіе.

Отецъ.

Такъ по этому вы думаете, что при нѣкоторыхъ представленіяхъ мы не можемъ быть равнодушны?

Всѣ.

Такъ.

Отецъ.

И что при такихъ нѣкоторыхъ представленіяхъ находимъ *удовольствіе*, а при другихъ напротивъ того *неудовольствіе*.

Всѣ.

Такъ.

Отецъ.

Отецъ.

Хотите ли вы знать теперь, какъ обыкновенно называются такія представленія, при которыхъ душа чувствуетъ или удовольствіе, или неудовольствіе? —— Они называются *чувствованіями.*

Иванъ.

Ахъ! это и въ самомъ дѣлѣ новое, и новому конца нѣтъ.

Отецъ.

Дѣти мои! душа есть неизчерпаемой источникъ чудесныхъ силъ и способностей; со временемъ вы узнаете объ ней еще больше. —— Теперь посмотримъ еще на нашу картинку. Для чего бы это было, что старикъ, смотря на первой портретъ свой, берется лѣвою рукою за кривую свою ногу?

Ѳедоръ.

Кажется, что онъ ее почесываетъ.

Отецъ.

А для чего бы это? Развѣ и теперь еще больно его ногѣ?

Ѳедоръ.

Нѣтъ, я этого не думаю! сколько тому лѣтъ прошло!

Отецъ.

И я также не думаю; однакожъ видъ у него совершенно такой, какъ будто бы душа его и теперь еще имѣла болѣзненное чувствованіе;

Ѳедоръ.

Да онъ только вспоминаетъ о томъ.

Отецъ.

Такъ по этому душа его возобновляетъ чувствованіе прежней боли?

Ѳедоръ.

Кажется, что такъ.

Отецъ.

И ему на сердцѣ можетъ быть таково же, какъ естьлибъ онъ и опять чувствовалъ ту боль въ самомъ дѣлѣ?

Ѳедоръ.

Такъ.

Отецъ.

Можетъ ли это же сдѣлать наша душа? Можетъ ли возобновить въ себѣ пріятныя, или непріятныя чувствованія? —— Попытаемся узнать это навѣрное. Посмотримъ! —— Помните ли вы, какъ мы прошлаго году по *Москвѣ рѣкѣ* ѣздили въ *Коломенское*?

Всѣ.

О! какъ не помнить; преславная была прогулка!

Иванъ.

Иванъ.

Какъ мы ѣхали, какъ пріятно колыхалась лодка!

Василій.

И какъ плясала по водѣ! кажется, какъ будто бы мы были тогда въ колыбелкѣ.

Николай.

А какой видъ, какъ мы проѣзжали мимо *Новоспаскаго*, *Симонова* и *Данилова* монастыря!

Отецъ.

Не казалось ли тогда, какъ будто бы деревья и домы бѣжали мимо насъ, а мы какъ будто бы на одномъ мѣстѣ были?

Всѣ.

Ахъ! такъ; какъ все было прекрасно и весело!

Отецъ.

Не правда ли, что вы тогда были довольны?

Всѣ.

О! и очень!

Отецъ.

И между тѣмъ, какъ вспоминали теперь о томъ, не казалось ли вамъ, какъ будто бы вы опять ѣхали въ *Коломенское*, и тоже вкушали удовольствіе?

Всѣ.

Такъ, точно такъ.

Отецъ.

Только удовольствіе это конечно не такъ велико, и продолжалось не столь долго, какъ тогда?

Всѣ.

Такъ.

Отецъ.

Чтожъ дѣлала теперь душа ваша?

Ѳедоръ.

И! какъ не знать! — она возобновляла прежнее чувствованіе.

Отецъ.

Такъ точно; и это чувствованіе было пріятное. Попытаемся теперь, не можемъ ли мы возобновить въ себѣ и непріятнаго чувствованія? — Скажи мнѣ, Ѳедюша! что чувствовала душа твоя, два года тому назадъ, какъ ты получилъ извѣстіе, что твоя матушка скончалась? —

(*Ѳедоръ началъ рыдать, и всѣ наблюдали сострадательное молчаніе, — Спустя нѣсколько:*)

Слезы твои, Ѳедюша! столь справедливую имѣютъ причину, что я никакъ не могу хулить ихъ; но не забывай, что есть лучшее сред-

средство почтить память любезной твоей матери. Средство сіе состоитъ въ томъ, чтобъ ты всегда велъ себя такъ, какъ желала того умирающая твоя матушка, дабы нѣкогда соединиться съ тобою, котораго столь нѣжно она любила, навсегда въ блаженномъ жилищѣ. — Ну, дѣти! что дѣлала теперь душа нашего Ѳедюши?

Иванъ.

Она возобновила непріятное чувствованіе.

Отецъ.

И такъ душа наша можетъ возобновлять въ себѣ и то и другое, пріятное и непріятное чувствованіе, и съ нею бываетъ тогда точно такъ, какъ бы встрѣтилось ей опять то же самое.

Иванъ.

А какую силу употребляетъ она къ этому?

Отецъ.

Силу воображенія.

Иванъ.

Такъ не то же ли сила воображенія, что и память?

Отецъ.

Вопросъ твой доказываетъ, что ты былъ внимателенъ. Въ самомъ дѣлѣ они между собою

бою сходны; но посмотримъ, не можетъ ли проницаніе наше найти какого нибудь между ими и различія. — Обѣ возобновляютъ нѣчто въ душѣ нашей. Но чтожъ такое? Память возобновляетъ вообще представленія, а сила воображенія напротивъ того возобновляетъ только такія представленія, при которыхъ душа наша чувствуетъ удовольствіе, или неудовольствіе, то есть — чувствованія. Далѣе, Память примѣчаетъ подробно, что душа имѣла нѣкогда возобновленное представленіе; силажъ воображенія напротивъ того, а особливо когда она очень сильна, дѣлаетъ то, что душа позабываетъ, что имѣла прежде возобновленное въ ней чувствованіе; убѣждаетъ душу, что это чувствованіе имѣетъ она въ первой разъ, не смотря на то, что нѣтъ теперь совсѣмъ той вещи, которая произвела въ ней прежде то чувствованіе; это же самое дѣлается и съ старикомъ на нашей картинѣ. Сила воображенія, выкидывая свои штуки, черное показываетъ бѣлымъ; увѣряетъ его, что прежній переломъ въ ногѣ онъ только лишь теперь долженъ чувствовать, не смотря на то, что нога, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, какъ вылѣчена. И для того онъ хватается рукою за нее, какъ обыкно-

обыкновенно мы дѣлаемъ, когда намъ что нибудь причиняетъ сильную боль. — Видишь ли теперь, Иванъ! какъ различны между собою память и сила воображенія?

Иванъ.

Вижу, ясно вижу!

Отецъ.

Этимъ и кончимъ сегоднешній разговоръ нашъ.

Иванъ.

А развѣ записывать на доскѣ не будемъ?

Отецъ.

Да, я и позабылъ было. Ну, такъ сказывай, что мнѣ записать.

Иванъ.

Душа наша можетъ имѣть и чувствованія. — Позволишь ль, чтобъ я же сказалъ, что такое чувствованіе?

Отецъ.

Изволь.

Иванъ.

Они суть такія представленія, которыя *производятъ или удовольствіе, или неудовольствіе.*

Отецъ.

Сверьхъ того?

Иванъ.

Иванъ.

Сверьхъ того душа наша имѣетъ еще силу воображенія, — то есть, она можетъ возобновлять въ себѣ прежнія чувствованія.

Отецъ.

Такъ — И теперь въ садъ (*).

Разговоръ VI.

Василій.

Батюшка! что значитъ эта крылатая лошадь, которая изображена здѣсь на картинкѣ?

Отецъ.

Она служитъ только украшеніемъ камину, на которой поставлена.

Василій.

А есть ли въ самомъ дѣлѣ такія крылатыя лошади?

Отецъ.

Нѣтъ! художникъ, ее сдѣлавшій, вообразилъ себѣ только, что есть такія лошади.

Василій.

(*) Чтобъ слишкомъ не разпространиться, то я перестанъ съ сихъ мѣстъ сравнивать человѣческія души съ душами животныхъ, тѣмъ паче, что такое сравненіе въ разсужденіи послѣдующаго для всякаго, хотя нѣсколько опытнаго учителя, не имѣетъ почти ни малѣйшаго затрудненія. — Примѣчаніе сочинителя.

Василій.

Какъ же можно воображать себѣ что нибудь такое?

Отецъ.

А для чего и не можно? —— Я теперь же могу вообразить себѣ, что вижу тебя летящаго по воздуху верьхомъ на Индѣйскомъ пѣтухѣ.

Василій.

О! это бы прекрасно было! —— Но вить это не правда?

Отецъ.

Такъ; но душа можетъ представлять себѣ и то, чего нѣтъ дѣйствительно. На пр. не можешь ли ты представить себѣ, каковъ бы я былъ, естьлибъ имѣлъ носъ такъ длинной, какъ отсюда до стѣны?

Василій (смѣючись).

Могу.

Отецъ.

А хочешь ли знать, какъ называется эта сила души нашей, посредствомъ которой она дѣлаетъ себѣ такія представленія?

Василій.

Скажите!

Отецъ.

Отецъ.

Называется она *фантазiею* или *силою вымышленiя*, а иногда *игрою воображенiя*; а тѣ чудные виды, которые отъ нее происходятъ, называются *привидѣнiемъ*, *мечтанiемъ*, *вымысломъ*.

Василiй.

Позволитель и мнѣ что нибудь вымыслить?

Отецъ.

Изволь!

Василiй.

Ну, такъ я воображаю себѣ, какъ бы это прекрасно было, естьлибъ Индѣйской пѣтухъ былъ въ парикѣ, съ кошелькомъ назади, и подъ крыломъ имѣлъ шляпу, а съ другой стороны шпагу.

Отецъ.

Это столь же бы забавно было, какъ естьлибъ его супруга, госпожа Индѣйская курица, по господски была причесана, и по сторонамъ имѣла Парижскiе карманы.

Василiй.

Э, батюшка! вы и сами прекрасной сдѣлали вымыселъ.

Отецъ.

Отецъ.

Я представилъ себѣ только, какъ и ты, такую вещь, какой нѣтъ въ самомъ дѣлѣ. Знаетель вы, какимъ людямъ болѣе всего нужны вымыслы?

Всѣ.

Нѣтъ, не знаемъ.

Отецъ.

Стихотворцамъ, живописцамъ и рѣщикамъ. — Не можетель вы вспомнить стишковъ какихъ, въ которыхъ бы виденъ былъ такой вымыселъ?

Иванъ.

Э! да въ той маленькой библіотекѣ, которую вы для насъ собрать изволили. Я помню тамъ очень прекрасные стишки на рожденіе Великаго Князя Александра Павловича. Вы изволили притомъ сказывать, что и сочинитель человѣкъ очень доброй и умной.

Отецъ.

Такъ; а какой тамъ вымыселъ, скажи-ка намъ?

Иванъ.

Онъ представляетъ жестокой вѣтеръ этотъ, Борея, какъ лихова старика. Да не позволитель, чтобъ я прочиталъ нѣсколько самыхъ стишковъ?

 Отецъ.

Отецъ.

Изволь.

Иванъ (какъ бы на роспѣвъ читаетъ)

Съ бѣлыми Борей власами
И съ сѣдою бородой,
Потрясая небесами,
Облака сжималъ рукой;
Сыпалъ иней пушисты
И метели воздымалъ,
Налагая цѣпи льдисты,
Быстры воды сковалъ.
Вся природа содрогала
Отъ лихова старика;
Въ камень землю претворяла
Хладъ нося его рука.

Отецъ.

Довольно! когда мы будемъ читать впередъ *дѣтскую библiотеку* нашу, и придетъ подобной вымыселъ, такъ скажите мнѣ.

Всѣ.

Извольте, мы не позабудемъ этого.

Василiй.

Батюшка! позвольте мнѣ хотя одинъ разъ сказывать вамъ.

Отецъ.

Посмотримъ, какъ то ты намъ скажешь.

Василiй.

Василій.

Да я ужъ браво замѣтилъ! — *Въ душѣ нашей есть и фантазія.*

Отецъ.

А что значитъ фантазія?

Василій.

То, что душа наша можетъ представлять себѣ и то, чего нѣтъ.

Отецъ.

Хорошо! я право было и не думалъ, чтобъ ты могъ сказать мнѣ такъ порядочно. Продолжай, и впредь будь столько же внимательнымъ.

Василій.

Ужъ навѣрное буду я внимателенъ.
(*Отецъ вынимаетъ молча горсть спѣлыхъ вишенъ изъ кармана.*)

Всѣ.

Ай! ай! ай! вотъ славно!

Отецъ.

Что такое славно?

Всѣ.

А вишни!

Отецъ.

Такъ, это вишни.

 (*Всѣ*

(*Всѣ молчатъ въ ожиданіи.*)

Я хочу угадать напередъ, что дѣлаетъ теперь ваша душа.

Всѣ.

Наша душа?

Отецъ.

Да. — Она, думаю, представляетъ себѣ то, чего бы имѣть не хотѣла.

Николай.

Совсѣмъ нѣтъ! она представляетъ себѣ нѣщичко, которое бы охотно хотѣла имѣть.

Отецъ.

Э! такъ я ошибся.

(*Вынимаетъ вмѣсто вишенъ маленькую коробочку, въ которой находился вонючій составъ (assa foetida), и подноситъ каждому по порядку подъ носъ.*)

Всѣ.

Фи, фи, фи!

Отецъ.

Что? душа ваша имѣетъ конечно представленіе о нѣщичкѣ, котораго бы ей очень хотѣлось?

Матвѣй.

Нѣтъ, нѣтъ! этого совсѣмъ не хочетъ душа наша.

Отецъ.

Отецъ.

Вотъ ужъ! а я было не такъ думалъ. — Мы увидѣли по крайней мѣрѣ душу при двоякомъ дѣйствіи: сперва представляла она себѣ то, что охотно имѣть хотѣла. — Знаете ль, какъ это называется однимъ словомъ?

Всѣ.

Нѣтъ.

Отецъ.

Она *желала.* — Потомъ представляла она себѣ то, чего бы охотно имѣть не хотѣла, или иначе?

Иванъ.

Она *не желала.*

Отецъ.

Можно лучше сказать она *гнушалась*, *чувствовала отвращеніе.* И такъ она имѣетъ еще, какъ вы видите, способность желать чего нибудь и отвращаться. — И хотя не всегда бываетъ то хорошо, чтобъ давать ей то, чего она желаетъ; и отнимать то, чѣмъ гнушается; однакожъ теперь въ угодность ей — прочь вонь! подите-ка сюда вишни! — Берите тутъ для каждаго по три.

Всѣ.

Покорно, покорно благодаримъ!

 Отецъ.

Отецъ.

А это что еще?

Всѣ.

Ахъ! картинка, картинка!

Отецъ.

Вотъ здѣсь видите мальчикъ; онъ хочетъ поймать бабочку: чтожъ дѣлаетъ душа его?

Иванъ.

Она представляетъ себѣ то, что бы получить хотѣла.

Отецъ.

Такъ, она *желаетъ* того. — А вотъ здѣсь другой мальчикъ ищетъ цвѣтовъ, анъ вмѣсто того пырь ему въ глаза лягушка: чтожъ дѣлаетъ душа его?

Николай.

Душа его представляетъ себѣ то, чего бы имѣть не хотѣла.

Отецъ.

Такъ, она не только не желаетъ имѣть лягушку, но и *гнушается* ею. А что дѣлаетъ третій мальчикъ, которой смотритъ на спѣлыя *яблоки*?

Василій.

Онъ хочетъ яблоковъ.

Отецъ.

Для чегожъ онъ не рветъ ихъ?

Ѳедоръ.

Өедоръ.

Можетъ быть ему не велѣно.

Отецъ.

А можетъ быть онъ принималъ сего дня лѣкарство, и теперь думаетъ, хорошо ли ему ѣсть яблоки. — Но что дѣлаетъ тамъ четвертой?

Николай.

О! этотъ конечно ужъ принимаетъ лѣкарство.

Отецъ.

И я тожъ думаю. Посмотрите, какъ онъ сморщилъ лице! кажется, что онъ чувствуетъ великое отвращенiе отъ лѣкарства: для чегожъ бы ему не бросить его?

Иванъ.

Э! да онъ думаетъ можетъ быть, будетъ ли это хорошо, естьли онъ броситъ лѣкарство.

Отецъ.

Догадка твоя кажется справедлива. — По этому видно можетъ душа наша, когда желаетъ чего, или отвращается, обдумать напередъ, полезна ли ей, или вредна та вещь, которой она желаетъ, или отвращается?

Всѣ.

И конечно можетъ!

Отецъ.

Такъ по этому можетъ она и то дѣлать, что ей противно, и то опускать, что ей пріятно?

Всѣ.

Такъ.

Отецъ.

Браво! она имѣетъ *свободную волю.* Радуйтесь, дѣти! вотъ еще прекрасное свойство, которымъ милосердый Творецъ одарилъ душу нашу. Получилиль столько добраго души безсловесныхъ животныхъ?

Иванъ.

Не думаю.

Отецъ.

Естьлибъ мы этого и не знали, то бы могли узнать отъ этой птички на нашей картинкѣ.

Василій.

А за чемъ она тутъ?

Отецъ.

Она увидѣла, что въ западнѣ есть хорошій для нее кормъ, и душа ея захотѣла этого корму; естьлибъ она имѣла свободную волю, такъ какъ мы, то бы подумала напередъ, полез-

полезно ли въ самомъ дѣлѣ, или вредно ей поклевать того корму? Но какъ она слѣдовала только своему желанію, то полетѣла въ западню, подставка упала, и —— она въ неволѣ.

Василій.

Бѣдная птичка! какъ бы я желалъ, чтобъ ты имѣла свободную волю, чтобъ не попасться въ западню!

Отецъ.

Когда бы такимъ образомъ поступалъ человѣкъ безъ всякаго размышленія, такъ какъ животныя; когда бы все то дѣлалъ, къ чему чувствуетъ въ себѣ охоту, или склонность; и все то опускалъ, къ чему имѣетъ отвращеніе, не разсудивъ прежде, полезно ли ему то, или вредно: то чтобъ вышло изъ такого человѣка?

Иванъ.

Чуть ли не скотъ.

Отецъ.

Такъ, мой другъ! — тогда бы съ нимъ многое случалось, какъ обыкновенно случается часто съ безсловесными животными, и онъ самъ бы чрезъ себя былъ нещастливъ. — Замѣтьте это, любезныя дѣти! и не попускайте никогда, чтобъ управляли вами желанія ваши, но при

каждой вещи, которую бы вамъ имѣть, или не имѣть хотѣлось, призывайте напередъ въ помощь свой разумъ и наставленія опытныхъ людей. Послѣ сего, когда вы станете дѣлать каждой день что нибудь полезное, хотя и непріятное, и опускать вредное, хотя бы оно и пріятно вамъ было: то день отъ дня будете становиться совершеннѣе, и день отъ дня благополучнѣе. —— Замѣтимъ теперь, что мы сего дня спознали. Θедоръ! сказывай мнѣ.

Θедоръ.

Душа наша имѣетъ способность желать чего нибудь.

Отецъ.

А что она дѣлаетъ, когда желаетъ чего нибудь?

Θедоръ.

Представляетъ себѣ то, что бы охотно имѣть хотѣла.

Отецъ.

— Имѣть хотѣла. —— Далѣе.

Θедоръ.

Душа наша имѣетъ способность и отвращаться отъ чего нибудь.

Отецъ.

А что она дѣлаетъ, когда отвращается отъ чего нибудь?

Θедоръ.

Ѳедоръ.

Представляетъ себѣ то, чего бы охотно имѣть не хотѣла.

Отецъ.

Все ли тутъ?

Ѳедоръ.

Нѣтъ еще! *Душа наша имѣетъ сверьхъ того свободную волю, то есть она можетъ размыслить, прежде нежели захочетъ что сдѣлать, или не сдѣлать, полезно ли то ей, или вредно будетъ.*

Отецъ.

Такъ! — Не полно ли сего дня?

Всѣ.

Ахъ, нѣтъ! вить еще рано!

Отецъ.

Хорошо, такъ поговоримъ еще минуты двѣ три. — Но о чемъ бы говорить намъ? — Да! мнѣ пришло еще нѣчто въ голову. Мы слышали, что животныя не имѣютъ свободной воли. И такъ когда они дѣлаютъ что нибудь, то дѣлаютъ не для того, чтобъ знали, что это для нихъ полезно; и когда не дѣлаютъ чего, то также не для того, чтобъ знали, что то имъ вредно; но какаяжъ бы тому точно была причина, что они одно дѣло дѣлаютъ,

а другое опускаютЪ? — КакЪ бы я желалЪ знать это! что бы на пр. побуждало птицу взлетѣть вЪ западню и клевать кормЪ?

ИванЪ.

А кормЪ! вить онЪ ей вкусенЪ кажется.

ОтецЪ.

Да почемужЪ она знаетЪ, что кормЪ ей будетЪ вкусенЪ; вить она прежде совсѣмЪ не думала о кормѣ?

ИванЪ.

ТакЪ по крайней мѣрѣ клевала прежде много разЪ такія сѣмячки; а по этому и знаетЪ, что они вкусны.

ОтецЪ.

Да вить она, какЪ намЪ извѣстно, не имѣетЪ памяти, и слѣдовательно кормЪ, которой она хочетЪ клевать, долженЪ ей казаться таковЪ, какЪ бы она только вЪ первой разЪ теперь клевать его стала. — А сверьхЪ того кто сказываетЪ молодымЪ птичкамЪ, молоденькимЪ цыпляткамЪ и утеночкамЪ, какЪ только они вылупятся изЪ яйца, что вкусенЪ тотЪ кормЪ, которой кладутЪ, или бросаютЪ предЪ ними? и однакожЪ они тотчасЪ закричатЪ пи, пи, пи! и тотчасЪ бросятся на него.

ИванЪ.

Иванъ.

Вотъ этого-то я ужъ и не знаю!

Отецъ.

Ну, такъ я вамъ скажу это. Богъ, любезныя дѣти! Всеблагій Богъ разположилъ такъ души безсловесныхъ, что онѣ должны желать нѣкоторыхъ вещей, а отъ нѣкоторыхъ отвращаться, не зная точно, для чего. Это желаніе и это отвращеніе, которому они должны слѣдовать, хотятъ ли того, или нѣтъ, называется *инстинктомъ*, или *врожденнымъ побужденіемъ*. Богъ далъ оное душамъ безсловесныхъ, дабы наградить нѣкоторымъ образомъ за недостатокъ въ разумѣ и свободной волѣ. И такъ по сему побужденію птичка летитъ въ клѣтку, чтобъ клевать находящійся тамъ кормъ; по сему *побужденію* она и вспорхнетъ, какъ скоро только услышитъ подлѣ себя шорохъ; по сему побужденію птички вьютъ себѣ гнѣзда, сидятъ на яицахъ, и кормятъ своихъ дѣтеночковъ, пока не выростутъ они; по сему побужденію бобръ строитъ себѣ домы, пчела ищетъ меду, и сберегаетъ его въ ячейкахъ, которыя сама же сдѣлала; однимъ словомъ, все, что ни дѣлаютъ безсловесныя, дѣлаютъ по сему побужденію, по внутреннему природному

по-

побужденію, не зная точно, какъ и для чего они то дѣлаютъ. Не удивительно ли это?

Иванъ.

О! и очень удивительно!

Николай.

Есть ли и у людей такія природныя побужденія?

Отецъ.

Объ этомъ поговоримъ мы завтра.

РАЗГОВОРЪ VII.

Отецъ.

Есть ли и у людей природныя побужденія, хотѣлъ ты знать вчера, *Николай*! не правда ли?

Николай.

Такъ, батюшка!

Отецъ.

Спросимъ о томъ у этой картинки; я надѣюсь, что она исправной дастъ вамъ отвѣтъ.

Василій.

У картинки? — Ну, картинка, сказывай, имѣемъ ли мы природныя побужденія? — (*смѣючись*) Ни слова, она молчитъ себѣ!

Отецъ.

Отецъ.

Да ты не разумѣешь, что она говоритъ тебѣ, даромъ что молчитъ; что здѣсь представлено?

Василiй.

Маленькой робеночекъ, которой сосетъ груди у своей матери.

Отецъ.

Душа этого робеночка, кажется, что хочетъ охотно имѣть что-то.

Василiй.

Какъ же! молоко.

Отецъ.

И однакожъ думаю, не знаетъ она сама точно, что бы такое было то, чего она желаетъ. Я думаю, что ей не извѣстно и то, для чего ей такъ хочется молока. Наконецъ мнѣ приходитъ на мысль, что она не разумѣетъ и того, какимъ образомъ уста младенца достаютъ молоко изъ грудей матери.

Василiй.

И! да вить маленькiя дѣти обыкновенно глупы.

Отецъ.

И такъ душа этого робеночка желаетъ чего-то и не знаетъ *для чего*, и исполняя

то

то желаніе, не знаетъ сама, *какъ* исполняетъ его; не правда ли?

Николай.

Такъ, такъ! и теперь я вижу, что въ робеночкѣ есть конечно природное побужденіе.

Отецъ.

Справедливо. — Но представьте себѣ теперь, что естьлибъ въ грудяхъ у его матери былъ вмѣсто молока инбирь, или горчица: какъ бы вы думали? сталъ ли бы робеночекъ, отвѣдавши только, еще сосать?

Всѣ.

Нѣтъ, конечно нѣтъ!

Отецъ.

Для чегожъ нѣтъ?

Матвѣй.

Да для того, что горчица вить горька очень.

Отецъ.

А молоко очень сладко; — и такъ душа робеночка желаетъ молока для того, что оно производитъ пріятное чувствованіе; а стала бы гнушаться горчицею для того, что она произвела бы въ немъ непріятное чувствованіе; не такъ ли?

Всѣ.

Такъ точно.

Отецъ.

Отецъ.

А посредствомъ чего получаетъ душа робеночка чувствованіе о молокѣ?

Иванъ.

Посредствомъ вкуса.

Отецъ.

Слѣдовательно посредствомъ одного изъ чувствъ своихъ?

Иванъ.

Навѣрно.

Отецъ.

Такъ знайте, что такое чувствованіе, которое получаетъ душа посредствомъ чувствъ своихъ, называется *чувственнымъ.* — Чтожъ побуждаетъ душу робеночка принимать охотно нѣкоторыя изъ такихъ чувствованій, то есть пріятныя, и не принимать другихъ, которыя не пріятны ей?

Иванъ.

Да вить вы ужъ сказали, что они природное имѣютъ къ тому побужденіе.

Отецъ.

А знаетель вы, какъ называется обыкновенно такое побужденіе? — *Побужденіемъ чувственности.*

Николай.

И у большихъ людей есть это побужденіе?

Отецъ.

Не знаю; постараемся однакожъ узнать. — Сего дня поутру я примѣтилъ, что у насъ въ саду много ужъ спѣлой клубники: не хотитель вы, когда кончимъ мы разговоръ, пойти со мною въ садъ, чтобъ обобрать ее?

Всѣ.

Ахъ, батюшка! пойдемъ-те, пойдемъ-те!

Отецъ.

Что съ вами сдѣлалось? Откуда взялась такая охота ѣсть клубнику?

Всѣ.

Да! — вить она очень сладка!

Отецъ.

Ага! такъ сладость ея производитъ для чувствъ вашихъ пріятное чувствованіе? — Но видитель, вотъ у меня превосходной ножичекъ? онъ такъ востеръ, что я бы могъ имъ обрѣзать вамъ носы и уши. Нѣтъ ли изъ васъ кого охотника, чтобъ я надъ нимъ испыталъ это?

Всѣ.

Нѣтъ, нѣтъ! покорно благодаримъ!

Отецъ.

Отецъ.

Да для чегожъ нѣтъ?

Всѣ.

Да вить рѣзать, такъ будетъ больно!

Отецъ.

Такъ вы не хотите для того, что это произвело бы для чувствъ вашихъ непріятное чувствованіе? —— Какъ бы вы думали теперь? имѣетъ ли душа ваша отъ природы побужденіе чувственности?

Ѳедоръ.

Конечно имѣетъ.

Отецъ.

А почему это?

Ѳедоръ.

По тому, что душа наша охотно принимаетъ пріятныя для чувствъ нашихъ чувствованія, а непріятныя очень не охотно.

Николай.

Это все такъ; да вить кажется еще мы не большіе люди.

Отецъ.

Конечно не большіе; но я могу увѣрить тебя, *Николай*! что и со мною и другими большими людьми случается то же самое; и мы также охотно ѣдимъ клубнику, но не захотимъ,

 чтобъ

чтобъ рѣзали намъ носы и уши. И такъ и большіе имѣютъ такое же побужденіе чувственности, какъ вы и грудные младенцы. — Ну! Василій! такъ картинка ничего не отвѣчала на вопросъ нашъ?

Василій.

Какъ не отвѣчать, естьли и это отвѣтъ, когда кто совсѣмъ ничего не говоритъ.

Отецъ.

Кто скажетъ мнѣ теперь, чему научила насъ картинка? —— Нѣтъ, постойте; какъ вы всѣ заговорите, такъ я ничего не разберу. Скажите мнѣ напередъ, что вы сдѣлали сего дня по побужденію чувственности? Кто прежде всѣхъ скажетъ, тотъ и мнѣ будетъ сказывать.

Иванъ.

Я скажу! ——

Отецъ.

А что бы такое?

Иванъ.

Я сего дня купался.

Отецъ.

Такъ развѣ это по побужденію чувственности?

Иванъ.

И конечно такъ; не для того ли я купался, что это пріятно было моимъ чувствамъ?

Отецъ.

Отецъ.

Правда твоя, подойдижъ сюда, и сказывай

Иванъ.

И наша душа имѣетъ врожденныя побужденія.

Отецъ.

Прибавь къ этому объясненіе.

Иванъ

То есть она бываетъ принуждена желать нѣкоторыхъ вещей, а отъ другихъ отвращаться, не зная точно, для чего то дѣлаетъ.

Отецъ.

Одно изъ такихъ побужденій мы узнали уже; какъ оно называется?

Иванъ.

Побужденіе чувственности.

Отецъ.

А въ чемъ состоитъ оно?

Иванъ.

Оно состоитъ въ томъ, что мы охотно принимаемъ всѣ пріятныя для чувствъ нашихъ чувствованія, а непріятныя очень не охотно.

Отецъ.

Браво! —— Но я вижу, что на картинкѣ нашей еще что-то представлено; что бы это такое было?

Матвѣй.

Ай! ай! ай! этотъ человѣкъ хочетъ перерѣзать бѣдному мальчику шею.

Алексаша.

А можетъ быть у него на шеѣ болячка, такъ онъ ее срѣзать хочетъ.

Василій.

Охъ! это больно.

Отецъ.

Для чегожъ мальчикъ даетъ себя рѣзать, когда это такъ больно?

Ѳедоръ.

Можетъ быть онъ слышалъ, что умретъ иначе, ежели не дастъ себѣ разрѣзать шею.

Отецъ.

Да не лучше ли ему умереть, нежели терпѣть такую боль?

Иванъ.

Да! — вить всякому пожить-то хочется!

Отецъ.

А для чего хочется?

Иванъ.

Ну, ужъ этого я не знаю!

Отецъ.

Не опять ли тутъ какое природное побужденіе, которое милосердый Творецъ поселилъ въ душѣ нашей?

Иванъ.

Иванъ.

И въ самомъ дѣлѣ!

Отецъ.

И въ самомъ дѣлѣ такъ; потому что не всѣ ли мы любимъ жизнь свою? не всѣмъ ли хочется пожить?

Иванъ.

Такъ.

Отецъ.

И когда кто боленъ, или находится въ опасности потерять жизнь свою, не сноситъ ли тотъ охотно всякую боль, только бы спасти чрезъ то жизнь свою!

Всѣ.

Такъ, конечно такъ!

Отецъ.

И такъ мы всѣ имѣемъ врожденное желаніе сохранять жизнь свою, и врожденное отвращеніе отъ всего того, что вредно нашей жизни. — Это желаніе и это отвращеніе называется *побужденіемъ къ сохраненію бытія своего* (*).

 Василій.

(*) Маленькой мальчикъ, чрезвычайно смѣлой и отважной, которой не могъ однакожъ по причинѣ лѣтъ своихъ быть при сихъ урокахъ, случился какъ-то нечаянно, когда говорено было о побужденіи къ сохраненію бытія своего; чтобъ

Василій.

Браво! такъ это ужъ и другое природное въ насъ побужденіе?

Отецъ.

Точно такъ; а для чегобъ вы думали, далъ намъ милосердый Творецъ это побужденіе?

Иванъ.

Для того, чтобъ мы подолѣе жили.

Отецъ.

По этому Богъ не хочетъ, чтобъ мы сами корошали жизнь свою?

Ѳедоръ.

И вѣрно; вить иначе Онъ не далъ бы намъ этого побужденія.

Отецъ.

Такъ Ему пріятно, когда мы стараемся о своемъ здоровьѣ, когда стараемся продолжать,

---

чтобъ не оставить и его безъ дѣла: то спросилъ его отецъ, хотѣвшій представить примѣръ сего побужденія: Ѳедюша! что естьли бы встрѣтился съ тобою на дорогѣ бѣшеный быкъ, и бросился на тебя съ большими и острыми своими рогами, чтобъ забодать тебя до смерти, что бы ты сдѣлалъ тогда? — *Я бы и самъ боднулъ его такъ, чтобы полетѣлъ у меня*, былъ неожидаемой отвѣтъ его, при которомъ изъ лица его видно было, что онъ въ самомъ дѣлѣ такъ думалъ. — Примѣч. сочинителя.

жать, сколько можно, жизнь нашу? —— А помнитель вы, какъ я вамъ за столомъ сказывалъ, какія лучшія самыя къ тому средства, чтобъ сохранить свое здоровье?

Николай.

Какъ же не помнить! когда будешь наблюдать умѣренность въ пищѣ и питьѣ.

Иванъ.

И когда будешь прилѣжно работать.

Василій.

И когда будешь остороженъ, чтобъ не случилось тебѣ что вредное.

Матвѣй.

О! я еще одно знаю! —— Когда будешь стараться, чтобъ не простудиться, а особливо не надобно пить тогда, когда разгорячишься.

Отецъ.

Такъ! А по сему умѣренность, трудолюбіе и предосторожность пріятны всеблагому Богу. Замѣтьте это, любезныя дѣти! и вспоминайте всегда, какъ скоро только почувствуете въ себѣ покушеніе сдѣлать что нибудь вопреки тому. —— Алексаша! сказывай мнѣ теперь, что мнѣ записать.

Алексаша.

Второе побужденіе души нашей есть побужденіе къ сохраненію бытія своего.

Отецъ.

Что это значитъ къ сохраненію бытія своего?

Алексаша.

То, чтобъ мы старались, сколько можно, сохранять жизнь нашу.

Отецъ.

Браво, Алексашинька! (*Отецъ пошелъ по томъ къ окошку, и вдругъ остановился, какъ будто бы увидѣлъ кто нибудь странное, или рѣдкое.*) Ба! — что это? — Слонъ. —

(*Всѣ вскочивши и крича громко*).

Ахъ! гдѣ онъ? гдѣ онъ?

Отецъ.

Что такое?

Всѣ.

А слонъ!

Отецъ.

Какой слонъ?

Всѣ.

Да мы думали, что вы увидѣли слона.

Отецъ.

Отецъ.

Ну такъ вы ошиблись. Я хотѣлъ только спросить, гдѣ тотъ вырѣзанной слонъ, которой я оставилъ на окошкѣ, чтобъ показать вамъ?

(*Всѣ будучи не довольны и садясь*).

Какъ это жалко! мы думали, что въ самомъ дѣлѣ на улицѣ слонъ.

Отецъ.

Мнѣ очень пріятно, что вы подумали это; потому что ваши души показали теперь еще новое прекрасное побужденіе, до сихъ поръ намъ неизвѣстное.

Иванъ.

Какоежъ бы это?

Отецъ.

А для чего хотѣлось вамъ увидѣть слона?

Иванъ.

Для того, что мы его въ жизнь свою не видали.

Отецъ.

И такъ конечно для того, что слонъ для васъ что-то новое?

Иванъ.

Такъ точно.

Отецъ.

Отецъ.

Чтожъ бы хотѣлось душѣ вашей при этомъ видѣть, или слышать, или, однимъ словомъ, что ей хотѣлось представить себѣ?

Иванъ.

Нѣчто новое.

Отецъ.

Такъ, а чрезъ это мы научились новому и отъ души нашей; потому что когда ей хочется представить себѣ что нибудь такое, то это называется другими словами, *побужденіемъ любопытства.* Теперь вопросъ: для чего бы получили мы отъ Бога это побужденіе?

Николай.

Конечно для того, чтобъ научиться многому.

Отецъ.

Угадалъ. Но для чего хочетъ Богъ, чтобъ мы учились многому?

Николай.

Для того, чтобъ были умнѣе.

Отецъ.

А чѣмъ умнѣе будемъ мы, тѣмъ легче намъ будетъ сдѣлаться добрыми людьми; а чѣмъ болѣе стараемся мы сдѣлаться людьми добрыми, тѣмъ щастливѣе бываемъ. И такъ Богъ далъ

намъ побужденіе любопытства, чтобъ мы становились отъ часу щастливѣе.

Кто теперь покажетъ мнѣ человѣка на картинкѣ, которой намѣревается удовольствовать оное побужденіе, побужденіе любопытства?

Ѳедоръ.

А вотъ этотъ, которой разсматриваетъ что-то чрезъ микроскопъ.

Отецъ.

Такъ точно; потому что естьли бы душа этого мальчика не имѣла желанія представить себѣ что нибудь новое, то бы онъ и не трудился подкладывать подъ увеличивательное стекло того зверка, котораго разсмотрѣть хочетъ. —— *Матвѣй!* я позволяю тебѣ теперь сказывать, что надобно записать на доскѣ.

Матвѣй.

Вотъ браво! такъ и я наконецъ могу сказывать батюшкѣ? —— *Третіе побужденіе души нашей есть побужденіе любопытства.*

Отецъ.

А что дѣлаетъ это побужденіе?

Матвѣй.

Оно дѣлаетъ то, что душа всегда охотно хочетъ представлять себѣ что нибудь новое.

Отецъ.

Отецъ.

Довольно для нынѣшняго дня!

РАЗГОВОРЪ VIII.

Василiй.

Не прикажешель и вчерашнюю картинку повѣсить подлѣ доски?

Отецъ.

Вѣрно повѣсить ее надобно; но напередъ посмотримъ еще на нее.

Николай.

Да на ней кажется больше нѣтъ ужъ ничего, чтобъ мы не видали. А я думалъ, что мы сего дня узнаемъ еще что нибудь новое о душѣ!

Отецъ.

Побужденiе твоего любопытства очень занято! Посмотримъ между тѣмъ, не найдется ли для него на этой картинкѣ какой новой пищи? Для чего бы мать на примѣръ смотрѣла съ толь сильнымъ внутреннимъ удовольствiемъ на своего робеночка?

Николай.

Для того, что она очень его любитъ.

Отецъ.

Отецъ.

Ну! а любятъ ли такъ и другіе родители дѣтей своихъ?

Николай:

Конечно!

Отецъ.

А у кого нѣтъ дѣтей, такъ кого любитъ тому? На примѣръ ты, у тебя нѣтъ дѣтей, такъ кого любить тебѣ?

Николай.

Да развѣ нѣтъ у меня родителей, сестрицъ и братца?

Отецъ.

Ну! а естьлибъ и сихъ у тебя не было?

Василій.

Такъ бы оставался у него ты, батюшка!

Отецъ.

А развѣ любите вы меня?

(Дѣти вскочили, и начали цѣловать его.)

Ну! а естьлибъ померли ваши родители, я, ваша нянюшка и всѣ тѣ, которыхъ вы теперь любите, такъ кого бы вы стали любить тогда?

Василій.

Да развѣ не было бы тогда другихъ людей на свѣтѣ!

Отецъ.

Отецъ.

А естьлибъ вы также, какъ и другъ нашъ *Робинзонъ*, жили на пустомъ острову, на которомъ не было бы ни одного человѣка: что бы тогда?

Николай.

О! я бы пріучилъ тогда къ себѣ и самаго паука, какъ сдѣлалъ *Робинзонъ*.

Василій.

А я бы поймалъ себѣ, такъ какъ онъ, ламу (*), и любилъ бы ее.

Алексаша.

А я бы попугаюшку.

Отецъ.

Такъ по этому думаете вы, надобно имѣть кого нибудь непремѣнно, чтобъ любить его, когда хочешь жить въ удовольствіи?

Всѣ.

Вѣрно такъ.

Отецъ.

(*) См. на Нѣмецкомъ языкѣ небольшую книжку, подъ названіемъ *Младшій Робинзонъ*, сегожъ самаго сочинителя славнаго Г. *Кампе*. — Лама есть Американское, наиболѣе въ Перу водящееся животное, похожее на лошака, а особливо въ подъемѣ тяжестей! — Памосъ и вигопіасъ почти то же. — Примѣч. переводчика.

Отецъ.

Но думаютъ ли такъ и другіе люди?

Иванъ.

Кажется, что думаютъ.

Отецъ.

И мнѣ то же кажется; потому что сколько ни видалъ я людей, то всѣ они имѣли желаніе любить кого нибудь, и быть взаимно отъ другихъ любимы. Самыя неразумныя твари, кажется, не могутъ жить безъ того, чтобъ не любиться взаимно въ своемъ родѣ.

Василій.

Такъ, точно такъ; на примѣръ птички, а особливо любезные мои голуби.

Отецъ.

Да не только что они, но и самые дикіе и лютые звѣри, какъ на пр. львы и тигры, ищутъ кого нибудь въ своемъ родѣ, съ кѣмъ бы они могли обходиться дружески и откровенно. — И это конечно также природное побужденіе, заставляющее людей и неразумныхъ тварей любить другъ друга?

Всѣ.

Такъ.

Отецъ.

А какъ бы назвать намъ это побужденіе?

 Иванъ.

Иванъ.

Побужденіемъ любви.

Отецъ.

Дѣльно. — Но скажите мнѣ, каково у насъ бываетъ тогда на сердцѣ, когда мы другаго любимъ?

Иванъ.

Тогда хочется намъ быть всегда съ нимъ вмѣстѣ.

Отецъ.

А отъ чего это? — Не отъ того ли можетъ быть, что мы чувствуемъ тогда радость, когда съ тѣмъ человѣкомъ бываемъ вмѣстѣ?

Иванъ.

Такъ.

Отецъ.

Но когда тотъ, котораго мы любимъ, не чувствуетъ никакой радости, когда бываетъ съ нами: пріятно ли намъ это?

Иванъ.

Нѣтъ, очень не пріятно.

Отецъ.

Такъ по этому любовь состоитъ въ томъ, чтобъ мы чувствовали радость, когда находимся съ нимъ, и желали бы, чтобъ и онъ также чувствовалъ радость, находясь съ нами.

Иванъ.

Иванъ.

Такъ.

Отецъ.

Слѣдовательно мы и стараемся, сколько намъ можно, приносить радость тому, кого любимъ?

Иванъ.

Такъ.

Отецъ.

На примѣръ ваши родители, и мы другіе ваши родители чего не дѣлаемъ, чтобъ приносить вамъ радость! и желаемъ ли чего другаго, кромѣ того, чтобъ и вы поступками своими приносили намъ радость? — Не чувствуетель вы къ намъ въ сердцахъ своихъ чего нибудь такого?

Всѣ.

О! какъ же, любезный батюшка!

Отецъ.

Ну, такъ это извѣстно теперь, что мы любимъ другъ друга; станемъ и впередъ любить другъ друга, потому что это очень пріятно, когда мы любимся взаимно. Человѣкъ тогда бываетъ очень веселъ, да и Богу то конечно весьма угодно; потому что Онъ столь глубоко вдохнулъ побужденіе любви въ насъ и во всѣхъ прочихъ

своихъ тварей. Естьли бы Ему любовь между нами не была угодна, то бы Онъ посеялъ въ насъ вмѣсто того побужденіе къ ненависти.

Василій.

Охъ! какъ бы это не ловко было!

Отецъ.

И такъ слава Богу, что этого не случилось! — Иванъ! сказывай мнѣ теперь, что записывать?

Иванъ.

Четвертое побужденіе души нашей есть побужденіе любви, то есть —

Отецъ.

Ну, чтожъ ты сталъ?

Иванъ.

Да я не могу пріискать словъ такихъ.

Отецъ.

Можетъ быть ты хочешь сказать: *то есть мы всѣ имѣемъ врожденное желаніе любить другихъ, и быть взаимно любимы?*

Иванъ.

Ахъ! такъ, точно такъ.

Отецъ.

Или не хочешь ли ты и вотъ такъ сказать: *то есть мы всѣ имѣемъ желаніе найти кого нибудь изъ людей, въ сообществѣ съ кото-*

которымъ могли бы чувствовать радость, и которой бы съ своей стороны также чувствовалъ радость?

Иванъ.

Это, кажется, все равно.

Отецъ.

Совершенно равно. — Скажите мнѣ теперь, любезныя дѣти! кого вы болѣе всего любите?

Всѣ.

Батюшку и матушку.

Отецъ.

А развѣ нѣтъ никого, кого бы вы могли и должны любить еще больше батюшки и матушки?

Всѣ.

Какъ не быть! а Богъ!

Отецъ.

Почемужъ это?

Иванъ.

По тому, что Онъ далъ намъ батюшку и матушку и все, все доброе на свѣтѣ.

Отецъ.

А для чего вы любите своего батюшку и матушку?

Всѣ.

Для того, что они также премного добраго сдѣлали для насъ.

Отецъ.

По этому вамъ не можно ненавидѣть того, которой дѣлаетъ вамъ добро?

Всѣ.

Сохрани Господи отъ этого!

Отецъ.

Отъ чегожъ бы это произходило, что мы любимъ того, которой, любя насъ, дѣлаетъ намъ добро?

Ѳедоръ.

Конечно отъ того, что насъ Богъ такъ сдѣлалъ.

Отецъ.

И вѣрно; Богъ расположилъ такъ нашу душу, что она не можетъ обойтись, чтобъ не любить того, которой насъ любитъ, и дѣлаетъ намъ добро. И это опять еще новое побужденіе, которое мы легко можемъ примѣтить въ себѣ, *побужденіе благодарности*: не правда ли?

Всѣ.

Совершенная правда.

Отецъ.

Объ этомъ - то я покажу вамъ теперь прекрасную картинку.

Всѣ.

А! а!

Отецъ.

Видишель? вотъ здѣсь изображенъ одинъ добродушной человѣкъ, а предъ нимъ благодарной мальчикъ.

Матвѣй.

Что бы это значило?

Отецъ.

А вотъ что: —— отецъ и мать этого мальчика умерли оба, когда онъ былъ только годочку, и не оставили ничего, чѣмъ бы содержать и воспитать его. Тогда говорили нѣкоторые малодушные люди, не помышлявшіе о томъ, что милосердый Творецъ печется о всякомъ своемъ твореніи: бѣдное дитя конечно погибнетъ, онъ конечно умретъ съ голоду! Добродушный человѣкъ, котораго здѣсь вы видите изображеніе, услышалъ, что говорили тѣ люди; и хотя совсѣмъ не зналъ умершихъ отца и мать этого робенка, однакожъ тотчасъ послалъ за нимъ, велѣлъ его принести къ себѣ, и сказалъ, что будетъ впредь его отцемъ,

и воспитаетъ его съ собственными дѣтьми; и будетъ далѣе старать ся о немъ. Такимъ образомъ росъ этотъ мальчикъ. Уже былъ ему седьмой годъ, какъ услышалъ онъ, что второй его батюшка празднуетъ день своего рожденія, тотчасъ побѣжалъ онъ въ свою комнату, бросился тамъ на колѣни, и просилъ очень усердно милосердаго Творца, чтобъ Онъ продлилъ жизнь добродушнаго отца его. Потомъ сѣлъ онъ, и написалъ прекрасное письмецо, въ которомъ благодарилъ ему отъ всего сердца за все то, что онъ ни сдѣлалъ для него. Это письмо принесъ онъ только теперь къ нему; смотрите, съ какою благодарностію цѣлуетъ онъ руку своего благодѣтеля, и какой трогательной имѣетъ притомъ видъ. Я полагаю навѣрное, что онъ пролилъ притомъ нѣсколько горячихъ слезъ.

Василій.

Какой же это доброй мальчикъ!

Иванъ.

Онъ прямо поступаетъ по побужденію благодарности.

Отецъ.

И самыя животныя неразумныя, кажется, имѣютъ отъ части это побужденіе. Посмотрите

те на картинкѣ на эту милую собачку, какъ она благодарна къ своему господину!

Алексаша.

И какъ ластится къ нему!

Отецъ.

Такъ какъ будто бы сказать хотѣла: я тебя очень люблю, доброй господинъ мой! потому что ты сдѣлалъ для меня премного добраго. —— А по этому тотъ долженъ быть хуже скота, которой бы не захотѣлъ любить своихъ благодѣтелей, или могъ бы ихъ и возненавидѣть.

Николай.

Фи! это долженъ быть гнусной человѣкъ.

Отецъ.

И очень гнусной! но станемъ думать, что нѣтъ такихъ извергов.

Василій.

Да я таки такъ и думаю.

Отецъ.

Кто мнѣ будетъ сказывать теперь то, что записать надобно? —— Пусть это возметъ на себя тотъ, кто мнѣ прежде всѣхъ разскажетъ примѣръ благодарности, которой онъ или слышалъ, или читалъ когда нибудь.

Николай.

Э! да о томъ прохожемъ, которой вытащилъ маленькаго Ѳедюшу изъ воды!

Отецъ.

Какъ это было?

Николай.

А вотъ какъ: — онъ очень усталъ, и ему очень хотѣлось пить; тогда увидѣлъ онъ маленькаго Ѳедюшу передъ садовою калиткою съ корзиною въ рукахъ, въ которой все лежали яблоки, да груши: тогда сказалъ онъ ему: любезное дитя! продай мнѣ парочку грушъ, мнѣ право пить хочется. И Ѳедюша отвѣчалъ: возьми себѣ, доброй человѣкъ! сколько хочешь, а денегъ мнѣ твоихъ не надобно. На другой день катался Ѳедюша съ другимъ мальчикомъ въ лодкѣ подлѣ мосту, тогда лодка какъ-то захлебнулась, и дѣти кричали: тонемъ, тонемъ! и пошли уже на дно; тогда шелъ какъ-то тотъ же самой прохожій по мосту, и тотчасъ бросился съ мосту въ воду, и ухватилъ обоихъ мальчиковъ за волосы. Но ему бы и самому надобно было утонуть, когда бы не опустилъ однаго котораго. Ну, а когожъ ему опустить? онъ подумалъ; Ѳедюша сдѣлалъ мнѣ вчера добро, такъ надобно спасти его напередъ, нежели того.

шого. Тогда оставилъ онъ другаго, а Ѳедюшу вынесъ благополучно на берегъ.

Отецъ.

Это конечно было дѣйствіе благодарности. — Сказывай же шеперь Николай!

Николай.

Душа наша имѣетъ побужденіе къ благодарности.

Отецъ.

То есть?

Николай.

То есть она не можетъ обойтись, чтобъ не любить того, которой дѣлаетъ ей добро.

Отецъ.

Я и позабылъ было разсказать вамъ печальное приключеніе, которое случилось вчера въ городѣ.

Всѣ.

Приключеніе!

Отецъ.

Такъ. — Одинъ маленькой шестилѣтній мальчикъ высунулся въ третьемъ жильѣ изъ окошка, чтобъ посмотрѣть на воробьиное гнѣздо, которое было подъ крышкою. Въ одну минуту голова его перевѣсилась, — онъ полетѣлъ, и упалъ близехонько подлѣ своей матери, кото-

которая на ту пору вышла за ворота. Представьте себѣ состояніе бѣдной матери при такомъ ужасномъ зрѣлищѣ! она испускаетъ крикъ, и безъ чувствъ падаетъ подлѣ нещастнаго своего сына. Въ сіе самое время, какъ это произходило, шелъ я по той улицѣ. Много ужъ сбѣжалось народу, я протѣснился, чтобъ посмотрѣть, не могу ли подать какой помощи. Боже мой! что я увидѣлъ! еще дрожу я весь, какъ скоро только вздумаю о томъ. Черепъ у мальчика былъ проломленъ, кровь и мозгъ обрызгали платье его матери, которая безъ чувствъ лежала подлѣ него. Подлѣ матери стоялъ на колѣнкахъ нещастный отецъ мальчика, а по другую сторону осьмилѣтняя сестра его. Оба старались жалостнымъ крикомъ призвать къ жизни бездушныхъ; но и сами оба походили больше на мертваго, нежели на живаго. — Такое ужасное позорище не выдетъ никогда изъ головы моей!

(Дѣти вздохнули, и у нѣкоторыхъ навернулись на глазахъ слезы. — Помолчавъ нѣсколько.)

Знаетель вы это нещастное семейство?

Всѣ.

Нѣтъ, не знаемъ.

Отецъ.

Отецъ.

И однакожъ, чаятельно, у васъ также на сердцѣ, какъ и у меня, и у всѣхъ тѣхъ, которые услышали объ этомъ печальномъ приключенiи. — Вамъ это больно? — Ну, такъ я разскажу вамъ другое приключенiе, которое принесетъ вамъ радость.

Какъ я шелъ третьяго дня изъ городу, и былъ уже подлѣ В... воротъ, то прошелъ передо мною знатной господинъ, какъ то по всему примѣтить можно было; за нимъ шелъ издали въ богатой ливреѣ слуга его. Какъ мы шли черезъ мостъ, то увидѣли бѣднаго маленькаго мальчика, которой сидѣлъ тутъ въ лохмотьяхъ. Лице его такъ блѣдно, и весь онъ такъ тощъ, что легко примѣтить можно было, что онъ часто бывалъ голоденъ, да и теперь съ утра не ѣдалъ. Онъ протянулъ къ намъ маленькiя свои ручонки, и слабымъ голосомъ вскричалъ: „Ахъ! милосердые люди! подайте мнѣ что нибудь для бѣднаго больнаго моего отца, онъ умираетъ съ голоду. Ахъ! подайте что нибудь ради самаго Христа!„ Знатный господинъ остановился, и я то же. Видъ сего мальчика, которой былъ такъ тихъ и невиненъ, какъ Ангелъ, тронулъ

насъ

васъ обоихъ очень сильно. Кто твой отецъ, душенька! спросилъ знатный господинъ. „Ахъ! отецъ мой доброй человѣкъ, очень доброй человѣкъ! есшьлибъ вы его только увидѣли!„ отвѣчалъ мальчикъ. — Но за чемъ же ты ходишь по міру за него? спросилъ опять господинъ; развѣ не можетъ онъ работать? „Ахъ! отвѣчалъ мальчикъ, и слезы ручьями текли по щекамъ его; онъ сталъ бы съ охотою работать, но не можетъ, потому что у него прострѣлена нога не много повыше колѣна, и вылѣчить ее совсѣмъ никакъ не можно было, и онъ не можетъ и теперь еще ходить.„ А развѣ онъ былъ на войнѣ? спросилъ господинъ. „Такъ, отвѣчалъ мальчикъ, онъ служилъ Порутчикомъ въ К . . . полку; и какъ сдѣлалось перемиріе, то онъ лежалъ уже въ лазаретѣ, а по томъ и совсѣмъ отъ службы отставленъ. „Кудажъ онъ съ тобою думалъ ѣхать послѣ того? спросилъ господинъ.„ Ахъ! отвѣчалъ мальчикъ, онъ думалъ было ѣхать далеко, очень далеко отсюда, въ П . . . . гдѣ у него есть братъ, которой, какъ сказываютъ, знатной и богатой господинъ, но онъ сдѣлался боленъ, и мы оба должны умереть съ голоду.„ Тутъ примѣтилъ я, что знатной господинъ поблѣднѣлъ вдругъ, и за_

трясался

тряслись у него колѣнки. Какъ его зовутъ? какъ зовутъ его? вскричалъ онъ вдругъ, и ухватилъ мальчика за руку. „*Христофоръ Правомысловъ*, — отвѣчалъ мальчикъ. „ Правосудный Боже! вскричалъ господинъ, всплеснувъ своими руками; мой братъ, любезный братъ! и вдругъ прижалъ къ груди своей бѣднаго мальчика, которой не могъ ни слова промолвить отъ ужаса, и орошалъ его своими слезами. Скорѣе, сказалъ онъ, скорѣе поведи меня къ нему! И какъ мальчикъ отъ слабости не могъ почти итти: то онъ велѣлъ слугѣ нести его, и тотчасъ скрылся. Я отеръ свои слезы, и благодарилъ Бога, что Онъ прекратилъ бѣдствія бѣднаго сего мальчика и нещастнаго отца его.

(*Дѣти всѣ очень были тронуты. — Помолчавъ нѣсколько.*)

Видалиль вы когда нибудь этого мальчика?

Всѣ.

Нѣтъ, не видали.

Отецъ.

И однакожъ вы тому конечно столько же ради, какъ я, что онъ нашелъ такъ нечаянно своего дядю?

Всѣ.

Всѣ.

Какъ же не ради!

Николай.

Мнѣ это такъ пріятно, какъ естьлибъ кто подарилъ мнѣ теперь сто рублей.

Василій.

А мнѣ такъ, какъ будто бы голубки мои вывели детеночковъ.

Отецъ.

Посмотритежъ, что дѣлала теперь душа ваша: сначала она печалилась, услышавъ печальное приключеніе съ первымъ мальчикомъ и съ цѣлымъ семействомъ; а теперь радуется, что другой мальчикъ и отецъ его сдѣлались вдругъ щастливы. Замѣтьте, что это все также произходитъ отъ Бога, которой разположилъ душу нашу такъ, что она радуется, когда другимъ людямъ случается благополучіе, и печалится, когда случается съ ними какое нещастіе.

Всѣ.

Ахъ! сколь милосердъ къ намъ Богъ!

Отецъ.

Знайтежъ, любезныя дѣти! что это побужденіе называется *побужденіемъ сочувствованія*, или *всеобщаго человѣколюбія*. Милосердый Творецъ

рецъ вкоренилъ его въ человѣческую душу для того, что желалъ, и всегда желаетъ, чтобъ мы жили всѣ, какъ братья, какъ дѣти одного отца, чтобъ любили другъ друга, и помогали другъ другу при всякомъ случаѣ по возможности нашихъ силъ. А изъ сего кто не увидитъ ясно, что всеблагій Богъ есть Богъ любви; потому что и насъ для любви создалъ?

Всѣ.

Какъ мы довольны, батюшка! что это спознали!

Отецъ.

И кто нё поймешъ изъ васъ, что не можно угодить всеблагому Богу, когда не будешь ко всѣмъ людямъ снизходителенъ, дружелюбивъ и благожелателенъ? —— Чему научились вы теперь сами собою, тому бы могли научиться и отъ этой нашей картинки.

Иванъ.

Какимъ образомъ?

Отецъ.

А вотъ отъ этого добродушнаго человѣка, которой взялъ къ себѣ бѣднаго робеночка, и сдѣлался вмѣсто отца ему.

Иванъ.

Онъ сдѣлалъ это конечно изъ сожалѣнія.

Отецъ.

Безспорно! онъ печалился, когда услышалъ, что этотъ бѣдной робеночекъ лишился отца своего и матери, и что нечѣмъ было жить ему; и для того онъ взялъ его къ себѣ. Теперь видитъ, что мальчикъ этотъ будетъ добрымъ нѣкогда, и слѣдовательно щастливымъ человѣкомъ; онъ видитъ это, и радуется тому. И такъ онъ, какъ вы сами видите, имѣетъ то же побужденіе сочувствованія, какое имѣемъ и мы всѣ.

Василій.

Батюшка! позволите ли мнѣ теперь сказывать?

Отецъ.

Конечно позволю, когда ты мнѣ сіюжъ минуту приведешь примѣръ изъ исторіи, въ которомъ бы по побужденію кто сдѣлалъ что нибудь.

Василій.

Это для меня не трудно, мнѣ ужъ давно пришелъ въ голову примѣръ! —— *Александръ Великій* когда увидѣлъ мертвое тѣло непріятеля своего Царя *Дарія*, то заплакалъ отъ сожалѣнія, что съ нимъ это случилось.

Отецъ.

Отецъ.

Браво! —— Сказывай же теперь, что мнѣ писать?

Василій.

Душа наша имѣетъ 6) *побужденіе къ сочувствованію, то есть она радуется, когда видитъ другихъ людей въ радости, и бываетъ печальна, когда видитъ, что другіе люди печальны,*

Отецъ.

Исправно сказано! Между тѣмъ для нынѣшняго дня довольно; за столомъ вы увидите, что душа наша еще имѣетъ одно побужденіе.

Иванъ.

Конечно побужденіе къ пищѣ и питію? но вить это то же, что и побужденіе чувственности.

Отецъ.

Замѣчаніе твое совершенно справедливо, но у меня на умѣ совсѣмъ другое побужденіе; объ этомъ поговоримъ однакожъ послѣ.

Николай.

Это опять прекрасной былъ разговоръ!

РАЗГОВОРЪ IX.

За столомъ всѣ были очень любопытны знать, какое бы это было побужденіе, о которомъ еще хотѣлъ говорить отецъ; но никто не могъ угадать. Наконецъ перестали о томъ думать, и начали говорить о другихъ вещахъ. Тогда взялъ отецъ стаканъ свой, помочилъ палецъ водою, сталъ водить по краямъ стакана, и тотчасъ заиграла прекрасная стаканная музыка.

Сосѣдъ его едва примѣтилъ это, то сдѣлалъ то же самое; сему послѣдовалъ другой, а тамъ и третій, такъ что не прошло и минуты, какъ уже всѣ за столомъ отъ мала до велика играли стаканами. Тогда усмѣхнулся отецъ, далъ обыкновенной знакъ къ молчанію, и началъ говорить.

Отецъ.

Какъ это вамъ вздумалось всѣмъ вдругъ играть стаканами?

Иванъ.

Да я не первой началъ.

Алексаша.

А я заигралъ для того, что вонъ онъ сталъ играть.

Ѳедоръ.

Ѳедоръ.

А я для того, что заигралъ Василій.

Василій.

А я последовалъ батюшкѣ.

Отецъ.

Такъ вы всѣ дѣлали то для того, что и другіе то же дѣлали?

Всѣ.

Конечно такъ.

Отецъ.

И вамъ никто не приказывалъ дѣлать это?

Всѣ.

Конечно никто.

Отецъ.

Такъ для чегожъ вы это дѣлали?

Иванъ.

Это въ самомъ дѣлѣ удивительно, что когда начнетъ кто дѣлать что нибудь такое, такъ и намъ захочется то же сдѣлать.

Отецъ.

А! ты примѣтилъ это! — Ну! такъ не нужно мнѣ теперь сказывать тебѣ, какое то побужденіе, которое сего дняжъ обѣщалъ я вамъ показать.

Иванъ.

Такъ теперь я ужъ знаю его! это побужденіе значитъ дѣлать тоже, что и другіе дѣлаютъ.

Отецъ.

Скажи лучше *побужденіе къ подражанію*. Его имѣютъ всѣ люди.

Николай.

И обезьяны конечно! вить онѣ подражаютъ всему, что ни увидятъ.

Отецъ.

Совершенная правда; это побужденіе болѣе всего показывается въ дѣтяхъ и обезьянахъ. Видишель, на какихъ госпожъ вы похожи?

Матвѣй.

На госпожъ обезьянъ.

Василій.

Фи! какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобъ мы не имѣли этого побужденія!

Отецъ.

А для чего? тебѣ конечно не хочется быть обезьяною? но вить я сказалъ то въ шутку. Знаешель, что естьлибъ вы не имѣли этого побужденія: то во всю бы жизнь свою не были умнѣе и лучше маленькой обезьяны.

Ѳедоръ.

Ѳедоръ.

Какъ это?

Отецъ.

А чрезъ что становитесь вы день ото дня умнѣе? Не чрезъ то ли особливо, что дѣлаете то, что дѣлаютъ, какъ вы видите, опытные и разумные люди?

Ѳедоръ.

Такъ.

Отецъ.

Слѣдовательно чрезъ побужденіе къ подражанію?

Ѳедоръ.

Такъ; но для чегожъ обезьяны не становятся отъ того умнѣе?

Отецъ.

Для того, что душа ихъ можетъ подражать только наружнымъ вещамъ, тѣлодвиженіямъ и поступкамъ, но не внутреннимъ невидимымъ мыслямъ и разсужденіямъ; онѣ не могутъ сдѣлать этого; потому что не имѣютъ разума.

Василій.

А какъ долго мы останемся такими обезьянами?

Отецъ.

Желаніе подражать другимъ хотя останется въ васъ и тогда, какъ придете вы въ надлежащія лѣта, однакожъ тогда вы не будете уже исполнять его такъ, какъ бываетъ обыкновенно въ молодыхъ лѣтахъ; тогда напротивъ того вы будете размышлять напередъ, полезно ли для васъ подражать другимъ въ томъ, или другомъ дѣлѣ? И когда вы увидите, что нѣтъ въ томъ пользы: то легко будетъ для васъ и оставить такое желаніе.

Алексаша.

Батюшка! не прикажетель принесть доски сюда, чтобъ записать и это?

Отецъ.

Вели; но принеси съ собою и нынѣшнюю нашу картинку.

Иванъ.

Да развѣ есть на ней что и объ этомъ побужденіи?

Отецъ.

Мнѣ хочется самому узнать объ этомъ, и для того-то велѣлъ я принесть ее.

Алексаша.

Вотъ, батюшка! доска, а вотъ и картинка. — Посмотримъ, что-то намъ скажутъ

жутъ здѣсь дѣти, которыя играютъ въ солдаты.

Отецъ.

Дѣти сіи дѣлаютъ то, что переняли у солдатъ.

Иванъ.

А! а! они подражаютъ солдатамъ!

Отецъ.

И слѣдовательно показываютъ, что и ихъ душа имѣетъ побужденіе къ подражанію; и объ этомъ будетъ напоминать намъ всегда сегодняшняя картинка.

Алексаша.

Позвольте мнѣ теперь сказывать, батюшка! потому что я принесъ и доску и картинку!

Отецъ.

Чтожъ ты за панъ! —— Перескажика мнѣ напередъ со всякою исправностію всѣ семь побужденій, о которыхъ ты слышалъ, и тогда я позволю тебѣ.

Алексаша.

Извольте.

Отецъ.

А ты, Иванъ! стань ему на подмогу, и поправляй, когда онъ ошибется.

Алексаша.

О! я этого не требую.

(*Онъ пересказалъ все ясно и исправно.*)

Отецъ.

Можно поблагодарить тебя за это! сказывай теперь.

Алексаша.

Седьмое побужденіе души нашей есть побужденіе къ подражанію.

Отецъ.

Что бы это значило?

Алексаша.

То, что мы по этому побужденію дѣлаемъ то, что у другихъ людей увидимъ.

Иванъ.

Будемъ ли мы еще теперь чему учиться?

Отецъ.

Нѣтъ; на сей разъ довольно.

Иванъ.

Какъ же это жалко!

Отецъ.

Какъ мы сего дня очень довольно учились, то употребимъ прекрасное послѣобѣденное время въ пользу, и немножко прогуляемся.

Всѣ.

Прогуляться! вот браво! а куда? куда, батюшка?

Отецъ.

На *Три Горы*, чтобъ насладиться свѣжимъ воздухомъ, посмотрѣть тамъ на Москву рѣку, на рощицы и луга, и на представляющіяся вдали палаты.

Всѣ.

(*Прыгаютъ и бьютъ въ ладони.*)

Ахъ! на Три Горы! на Три Горы! какъ это прекрасно! какъ это весело!

Отецъ.

Мнѣ очень пріятно, что мое предложеніе принесло вамъ удовольствіе. Между тѣмъ приготовьтесь! —— Рѣдко случается въ человѣческой жизни радость безъ всякаго примѣсу. Обыкновенно примѣшивается къ ней какое нибудь неудовольствіе, котораго не можно никакъ избѣгнуть.

(*Всѣ пріуныли.*)

Сего дня у насъ нѣтъ на пр. другой линѣйки, а на одной всѣмъ намъ никакъ помѣститься не можно: цѣлой почти половинѣ должно по этому остаться дома.

(*Всѣ

(Всѣ пришли въ смятеніе.)

Ну! кто изъ васъ хочетъ остаться дома?

(Всѣ молчатъ)

Я не нахожу лучшаго къ тому средства, какъ кинуть жеребей. — Принесите мнѣ шляпу! вотъ здѣсь столько бумажекъ, сколько насъ, каждому надобно вынуть по одной изъ закрытой шляпы; кто выиграетъ, тотъ поѣдетъ; а кто проиграетъ, тому оставаться дома. Довольны ли вы?

Всѣ.

Довольны.

Отецъ.

Хорошожъ; пусть вынимаютъ напередъ меньшіе, а потомъ и большіе по ряду. Вотъ такъ! — Такъ.

(Каждой вынимаетъ; нѣкоторые произносятъ радостной крикъ, а другіе, которымъ достались нѣты, показываютъ печальное лице.)

Теперь дѣло сдѣлано. — Ба! что это? ужъ и слезы, Иванъ? — Это знакъ слабаго человѣка; тѣ бѣдствія, которыя мы не сами собою навлекли на себя, должно сносить съ большею твердостію.

Иванъ.

Иванъ.

Я и буду.

(*Отираетъ себѣ тотчасъ слезы, и принужденно усмѣхается.*)

Отецъ.

Ну вотъ такъ! Каково однакожъ у васъ на сердцѣ, вы господа весельчаки? Будетъ ли совершенно сего дня ваше удовольствіе, когда нѣкоторые изъ друзей вашихъ не примутъ въ томъ никакого участія?

Всѣ.

Нѣтъ.

Отецъ.

Такъ не лучше ли отложить поѣздку на *Три Горы* до другаго дня, а вмѣсто того пойти теперь всѣмъ прогуляться въ *Инвалидной садъ.*

Всѣ.

О! гораздо лучше! Въ Инвалидной садъ! въ Инвалидной садъ!

Отецъ.

Инъ сбирайтесь. — Э! постойте! въ душѣ нашей произошло еще что-то новое! Погодимъ минуты двѣ, чтобъ подумать объ этомъ. Что дѣлала тогда душа наша, какъ я сказалъ, чтобъ ѣхать на Три Горы?

Николай.

Она радовалась.

Отецъ.

Отецъ.

А ваша что душа дѣлала? вы, которымъ по жеребью пришлось было оставаться дома?

Иванъ.

Она печалилась.

Отецъ.

Но это была, думаю, большая радость и очень большая печаль?

Всѣ.

Такъ, точнехонько.

Отецъ.

Не всѣ ли вы чувствовали, что кровь ваша начинала гораздо скорѣе обращаться, что сердце ваше билось гораздо сильнѣе?

Всѣ.

Такъ; это въ самомъ дѣлѣ было.

Отецъ.

И думалиль вы въ ту минуту, когда радовались такъ много; а вы бѣдняки въ ту минуту, когда такъ сильно печалились, думалиль вы тогда о чемъ нибудь другомъ?

Всѣ.

Нѣтъ.

Отецъ.

Не походилоль это на то, какъ будто бы вы ко всему прочему въ свѣтѣ были глухи и слѣпы?

Всѣ.

Всѣ.

Такъ точно.

Отецъ.

Хотите ли знать теперь, какъ называется такое состояніе нашей души, когда она такъ много радуется, или печалится, когда такъ сильно чего нибудь желаетъ, или такъ сильно отвращается отъ того, что ни о чемъ другомъ не мыслитъ, ничего другаго не слышитъ и не видитъ, и кровь въ нашихъ жилахъ получаетъ скорѣйшее обращеніе? —— это называется страсть. И такъ души ваши чувствовали теперь страсть; вы, которымъ жеребей былъ удаченъ, *страсть радость*; а вы, которымъ приходилось оставаться дома, *страсть печаль*.

Василій.

Не прикажете ли, батюшка! записать это, прежде нежели пойдемъ мы? вить мы иначе позабудемъ!

Отецъ.

Пойдемте, и между тѣмъ, какъ будемъ брать шляпы, я покажу вамъ напередъ и объ этомъ картинку, а потомъ и запишемъ это.

Видитель? здѣсь представлена пристань, въ которую только лишь вошелъ корабль, возвратившійся изъ дальныхъ странъ. Мужья обѣихъ

обѣихъ женщинъ, которыхъ видите вы на берегу, поплыли на этомъ кораблѣ, годъ тому назадъ. Обѣ онѣ прибѣжали къ пристани, какъ скоро услышали только о брибытіи корабля, чтобъ узнать и увидѣть, благополучно ли возвратились любезные мужья ихъ.

Сколь велика радость этой первой, когда увидѣла она мужа своего на корабельной палубѣ! Посмотрите, какъ она простираетъ къ нему руки; едва помнитъ отъ радости, гдѣ она теперь, и въ сильномъ восторгѣ своемъ бросилась бы въ воду, когда бы не поддерживалъ ее другъ ея мужа, которой съ нею находится. Мужъ ея не менѣе радъ, что видитъ опять любезную свою супругу; съ распростертыми руками бѣжитъ онъ къ ней навстрѣчу до самаго корабельнаго борду, и мало мало не упадаетъ и самъ въ воду. И такъ оба они чувствуютъ весьма сильно страсть радость.

Но обратите глаза свои теперь на другую женщину, которая кажется совсѣмъ иную чувствуетъ страсть. Бѣдная женщина! надѣялась и она по долговременномъ отсутствіи увидѣть благополучно любезнаго своего мужа, и принять его въ свои объятія. Но какой громовой ударъ для нее, когда матросъ съ

корабля

корабля прокричалъ ей, что онъ во время сильной бури упалъ съ корабля въ море, и потонулъ! Какъ она ломаетъ себѣ руки! сколь жалостно возводитъ къ небесамъ отчаянные свои взоры, и проситъ, кажется, Бога утѣшить и подкрѣпить ее въ несказанномъ сокрушеніи! Она ничего не слышитъ, не видитъ и не думаетъ ни о чемъ, какъ только о своей потерѣ, хотя бы другъ покойнаго мужа, которой старается успокоить ее, говорилъ и тысячу утѣшительныхъ словъ; она чувствуетъ въ себѣ весьма сильно страсть печаль.

Василій.

Ахъ! прикажите повѣсить и эту картинку!

Отецъ.

Надобно записать напередъ на доскѣ, что на картинкѣ представлено. Иванъ! сказывай, что мнѣ писать.

Иванъ.

Душа наша радуется и печалится иногда такъ много, или желаетъ чего нибудь и отвращается отъ того такъ сильно, что ничего другаго не слышитъ и не видитъ, и кровь въ жилахъ нашихъ обращается очень быстро; это называется страстью.

Отецъ.

А сколько мы страстей узнали теперь?

Иванъ.

Двѣ: *страсть радость*, когда кто не умѣренно радуется, и *страсть печаль*, когда кто не умѣренно сокрушается.

Николай.

А есть ли еще страсти?

Отецъ.

Это мы увидимъ завтра; а теперь трости и шляпы, и маршъ въ *Инвалидной садъ*.

РАЗГОВОРЪ X.

Отецъ (читая письмо).

Я получилъ извѣстіе, которое до тебя касается *Николай*.

Николай.

До меня, батюшка?

Отецъ.

Такъ; ко мнѣ пишутъ, что недѣли чрезъ четыре пріѣдетъ можетъ быть къ намъ братъ твой *Иванъ*.

Николай.

Не ужъ ли?

Отецъ.

Отецъ.

Что ты скажешь на это?

Николай (радуется.)

Ахъ! я очень радъ тому.

Отецъ.

Но вить брата твоего еще нѣтъ здѣсь; недѣли черезъ четыре. —

Николай.

Нужды нѣтъ.

Отецъ.

Такъ по этому ты можешь радоваться чему нибудь доброму, которое будетъ еще впредь?

Николай.

Конечно могу!

Отецъ.

А знаешь ли, какъ это называется обыкновенно? — Такая радость о чемъ нибудь добромъ, которое далеко еще, называется *надеждою*; а когда радость эта очень велика, какъ на пр. въ тебѣ теперь, такъ ужъ выдетъ тогда *страсть надежда.*

Матвѣй.

А! а! вотъ ужъ и три страсти мы знаемъ: радость, печаль и надежду.

Отецъ (продолжая читать письмо).

А скоро узнаете и четвертую.

Напрасно я тебѣ, любезной *Николаша*! подалъ эту надежду; потому что вотъ на другой сторонѣ въ письмѣ написано, что она не исполнится.

Николай.

Какъ это?

Отецъ.

Пишутъ ко мнѣ, что братъ твой все еще слабъ здоровьемъ, и что онъ *тогда* развѣ пріѣдетъ, когда послѣ четырехъ недѣль совсѣмъ оправится и укрѣпится.

Николай.

Не ужъ ли?

Отецъ.

А развѣ не пріятно это слышать тебѣ?

Николай.

Да какъ и можетъ быть пріятно!

Отецъ.

Такъ прежняя твоя радость и пропала уже?

Николай.

Такъ, она улетѣла.

Отецъ.

Отецъ.

И ты совершенно теперь въ протибномъ положенiи отъ прежняго: сперва ты радовался, а теперь печалишься.

Николай.

Да такъ и должно.

Отецъ.

Почемужъ это? вить легко быть можетъ, что братъ твой и прiедетъ.

Николай.

А это развѣ не также легко быть можетъ, что онъ не прiедетъ?

Отецъ.

Такъ ты печалишься напередъ о такомъ злѣ, которое только возможно, которое впереди еще?

Николай.

Такъ.

Отецъ.

Ну! не сказывалъ ли я, что мы увидимъ тотъ часъ еще новую страсть? Вотъ она!

Иванъ.

Какаяжъ это?

Отецъ.

Николай нашъ печалится о такомъ злѣ, котораго еще нѣтъ; и слѣдовательно онъ чувствуетъ *страсть*, называемую *страхомъ*.

Матвѣй.

О! эту страсть я очень часто чувствовалъ, какъ былъ еще дома?

Отецъ.

Какъ это!

Матвѣй.

Да мнѣ такъ много насказали о лѣшихъ и домовыхъ, и Богъ знаетъ еще о чемъ! И когда бывало надобно мнѣ итти по вечеру темно, то и начнетъ мерещиться, и я трясусь и дрожу.

Отецъ.

Ну! а какъ ты къ намъ пріѣхалъ, тогда что?

Матвѣй.

И тогда я не могъ еще итти одинъ въ постелю, потому что пустоши тѣ все еще не выходили у меня изъ головы; но какъ вы мнѣ растолковали, батюшка! что все это сущій вздоръ, тогда я ходилъ съ другими поздно ввечеру прогуливаться, и былъ уже гораздо смѣлѣе.

Отецъ.

Такъ ты теперь не боишься ужъ больше?

Матвѣй.

А чего бояться? вить я знаю теперь, что все то выдумали старухи, чтобъ маленькія

кія дѣти были смирнѣе. Я былъ бы очень великой дуракъ, ежелибъ и теперь сталъ того бояться.

Отецъ.

Такъ таки, Машюша! я и надѣюсь теперь, что ты будешь гораздо умнѣе, и совсѣмъ не будешь бояться того, чего нѣтъ въ самомъ дѣлѣ; знаешь ли однакожъ, что такое страсть эта, страхъ?

Матвѣй.

Какъ не знать! это очень негодная страсть, тогда такъ тяжело бываетъ на сердцѣ!

Василій.

О! такъ и я ее знаю! одинъ разъ, какъ хотѣла меня укусить собака, которую дразнилъ я прежде. —

Отецъ.

Что? собака?

Василій.

Такъ, мы шли опять мимо тогожъ дому, и совсѣмъ не видно было собаки, но вдругъ она выскочила изъ подворотни, и хотѣла схватить меня за ногу.

Отецъ.

Э! э! — Ну какъ же ты избавился отъ того?

 Василій.

Василій.

Да я началъ ужасно какъ кричать, и тогда вышли мнѣ на помочь люди, и прогнали собаку.

Отецъ.

Ужъ то вѣрно былъ не страхъ, что ты тогда чувствовалъ.

Василій.

А чтожъ такое?

Отецъ.

Ты чувствовалъ другую *страсть*, *ужасъ* называемую.

Иванъ.

Да развѣ это не то же, что и страхъ?

Отецъ.

Конечно нѣтъ; это очень большой страхъ, и притомъ когда *совсѣмъ нечаянно* придетъ какое зло; собака выскочила вдругъ, такъ что *Василій* совсѣмъ и не думалъ о томъ. — Изъ этого бы могла произойти другая страсть еще хуже той.

Иванъ.

Еще хуже?

Отецъ.

Такъ; когда бы собака дѣйствительно бросилась на него, и его укусила: тогда бы страсть ужаса перемѣнилась въ *оцѣпенѣлость*.

Иванъ.

Иванъ.

Что такое оцѣпенѣлость?

Отецъ.

Такое состоянiе души, въ которомъ человѣкъ совершенно не знаетъ, что съ нимъ сдѣлалось въ минуту оцѣпенѣлости; онъ бываетъ совсѣмъ безчувственъ, и не знаетъ даже хорошенько себя.

Василiй.

А! а! я и это испыталъ однажды на себѣ! когда не научился еще слушаться одного добраго слова, и упалъ въ ровъ.

Отецъ.

Такъ; ты конечно чувствовалъ тогда оцѣпенѣлость, потому что думалъ, что ровъ очень глубокъ, и ты утонешь въ немъ. — Каково тебѣ тогда было?

Василiй.

Я совсѣмъ не зналъ, что со мною сдѣлалось; я обмеръ, и не могъ даже кричать.

Отецъ.

Видишь ли? — какъ мнѣ желательно, чтобъ ты не впадалъ никогда опять въ эту вредную страсть, хотя можно обмереть и отъ радости.

 Иванъ.

Иванъ.

Отъ радости?

Отецъ.

Такъ; когда будетъ она очень велика и нечаянна: есть даже примѣры, что люди умирали отъ такой радости.

Иванъ.

Умирали?

Отецъ.

Такъ — Нечаянная очень великая радость дѣйствуетъ столь же сильно на наше тѣло, какъ и нечаянной превеликой ужасъ. Тогда кровь бросится разомъ къ сердцу, человѣкъ поблѣднѣетъ, лишится силъ, а часто упадаетъ и въ обморокъ.

Иванъ.

О! такъ я будужъ беречься, чтобъ слишкомъ не радоваться!

Отецъ.

Каждая страсть вредна, когда слишкомъ усилится. И такъ кто хочетъ жить прямо благополучно, тотъ заранѣе долженъ пріучать себя содержать въ умѣренности свои страсти и не допускать, чтобъ онѣ владѣли имъ.

Теперь посмотрите на эту картинку; на ней представлены всѣ страсти, о которыхъ

мы

мы говорили сего дня. — Отецъ изображеннаго здѣсь семейства лежитъ тяжко боленъ; онъ претерпѣваетъ ужасную боль, и чувствуетъ, что конецъ его приближается. И однакожъ на лицѣ его видно нѣкоторое удовольствіе; кажется, что онъ усмѣхается даже, какъ будто бы случилось съ нимъ что нибудь пріятное. Отъ чегожъ бы это произходило?

Ѳедоръ.

Онъ былъ конечно благочестивой человѣкъ; и какъ знаетъ, что по смерти будетъ гораздо благополучнѣе, нежели былъ здѣсь: то и радуется тому.

Отецъ.

И забываетъ отъ того всѣ свои болѣзни, забываетъ даже, что долженъ оставить любезную супругу и дѣтей своихъ, и помышляетъ только о тѣхъ радостяхъ, которыя на небесахъ уготованы ему; и однакожъ все то, чему онъ столько радуется, еще не пришло, еще впереди.

Иванъ.

По этому онъ имѣетъ страсть надежду?

Отецъ.

Справедливо! — Передъ постелью сидитъ унылая жена его, и кажется совсѣмъ другое чувствуетъ.

Алексаша.

Алексаша.

Она печалится.

Отецъ.

А о чемъ?

Алексаша.

О томъ, что мужъ ея умретъ можетъ быть.

Отецъ.

Но онъ живъ еще; и можетъ быть, что вдругъ поправится, и выздоровѣетъ. Она печалится по этому о такомъ злѣ, которое не пришло еще, которое однакожъ близко.

Иванъ.

По этому чувствуетъ она страсть ту, что называется страхомъ?

Отецъ.

Такъ точно. —— Посмотримъ теперь, что произходитъ на другой сторонѣ при каминѣ.

Матвѣй.

Ай! ай! ай! маленькая эта дѣвочка вся въ огнѣ!

Отецъ.

По неосторожности она подошла близко очень къ огню, платье на ней загорѣлось, и она, какъ по всему видно, сгоритъ теперь живая. —— Представьте ужасъ бѣднаго маленькаго

наго брата, какъ онъ оглянулся, и увидѣлъ ее въ шакомъ состояніи.

Ѳедоръ.

По эшому онъ въ сшрасши въ ужасѣ.

Отецъ.

А бѣдная дѣвочка — въ какой она сшрасши?

Василій.

Знаю! въ шой, что замираешъ въ кошорой сердце.

Отецъ.

Такъ. Видишель, какъ она сшоишъ безчувсшвенно, расшворивъ рошъ, блѣдна какъ смершь, и не въ сосшояніи предпринящь что нибудь къ своему спасенію? —— Бѣдная дѣвочка! какъ мнѣ жаль шебя! а еще больше жалки мнѣ бѣдный отецъ швой и машь, у кошорыхъ въ глазахъ горишь шы, и они не могушъ подашь шебѣ помощи! —— Не пора ли записашь шеперь, что мы узнали сего дня новаго?

Матвѣй.

Башюшка! прикажише сказывашь шеперь мнѣ!

Отецъ.

Изволь! сказывай.

Матвѣй.

Матвѣй.

Мы слышали сего дня, что такое *страсть надежда.*

Отецъ.

А что такое?

Матвѣй.

Когда кто радуется чему нибудь доброму, которое впереди еще.

Отецъ.

Хорошо! — Послѣ сего мы узнали —

Матвѣй.

Страсть, называемую *страхомъ.*

Отецъ.

А что такое страсть эта?

Матвѣй.

То, когда печалится кто о такомъ злѣ, которое также впереди еще.

Отецъ.

Слѣдовательно страсть эта надеждѣ совершенно противна. — Далѣе!

Матвѣй.

Страсть ужасъ.

Отецъ.

Что такое страсть ужасъ?

Матвѣй.

Очень большой страхъ, когда придетъ совсѣмъ нечаянно какое зло.

Отецъ.

Отецъ.

Правильно! — А наконецъ?

Матвѣй.

А наконецъ оцѣпенѣлость, когда кто отъ ужаса теряетъ совершенно чувства, и не знаетъ совсѣмъ, что съ нимъ дѣлается.

Отецъ.

Все хорошо сказано. Завтра узнаемъ мы и другія страсти.

Иванъ.

А для чегожъ не сего дня?

Отецъ.

Для того, что ужъ прошелъ работной нашъ часъ.

РАЗГОВОРЪ XI.

Василій.

Сего дня мы узнаемъ конечно еще что нибудь новенькое о душѣ нашей.

Отецъ.

Естьли ученіе о душѣ по прежнему приноситъ вамъ удовольствіе: то я готовъ разсказывать еще кое что объ ней.

Всѣ.

А мы съ превеликою охотою будетъ слушать, батюшка!

Отецъ.

Отецъ.

Я разсказывалъ вамъ недавно о различныхъ побужденіяхъ, которыя поселилъ милосердый Творецъ въ душахъ нашихъ; между ими было одно, которое состоитъ въ томъ, что мы всѣ чувствуемъ въ себѣ нѣкоторое желаніе имѣть кого нибудь въ сообществѣ, съ которымъ могли бы вкушать радость, и онъ бы взаимно чувствовалъ отъ насъ радость. Помните ли вы о томъ?

Всѣ.

Какъ не помнить! это побужденіе любви.

Отецъ.

Кого мы любимъ, такъ хотимъ ли, чтобъ онъ былъ отъ насъ далеко?

Иванъ.

Нѣтъ, мы очень хотимъ тогда, чтобъ онъ былъ съ нами.

Отецъ.

По этому желаемъ мы быть отъ часу къ нему ближе, отъ часу въ большемъ союзѣ съ нимъ?

Всѣ.

Такъ.

Отецъ.

На примѣръ когда я разговариваю здѣсь съ вами, то каждой изъ васъ хочетъ стоять,

или

или сидѣть, сколько можно, ко мнѣ ближе, и одинъ передъ другимъ старается о томъ. Отъ чегожъ бы это произходило? Не отъ того ли, что вы меня любите?

Всѣ.

Точно такъ.

Отецъ.

А естьли посѣтитъ васъ братъ, или вашъ другъ: то не дѣлаете ли вы того же? Не хочетъ ли тогда одинъ передъ другимъ быть къ нему ближе? Не старается ли каждой упредить другаго, чтобъ взять друга за руку, чтобъ вмѣстѣ походить, или посидѣть, чтобъ поговорить съ нимъ или обнять его?

Всѣ.

Такъ точно.

Отецъ.

Слѣдовательно и это справедливо будетъ, когда я скажу, что тотъ, которой любитъ другаго, чувствуетъ въ себѣ желаніе быть съ нимъ въ тѣснѣйшей связи, или союзѣ.

Всѣ.

Такъ конечно.

Отецъ.

И не бываетъ ли иногда сіе желаніе такъ сильно въ насъ, что можетъ назваться страстію?

Ежелибъ на пр. вошелъ кто теперь, и сказалъ: батюшка и матушка ваши пріѣхали, и я бы все еще продолжалъ говорить съ вами: сталиль бы вы столь же внимательно, какъ и теперь, слушать то, что я бы говорилъ вамъ?

Ѳедоръ.

Нѣтъ, точно нѣтъ!

Отецъ.

А для чегожъ нѣтъ?

Ѳедоръ.

Мы захотѣли бы всѣ побѣжать опрометью къ своему батюшкѣ и матушкѣ.

Отецъ.

Слѣдовательно вы ощутили бы дѣйствіе страсти. Кто скажетъ мнѣ, какой?

Иванъ.

Страсти любви.

Отецъ.

А естьлибъ кто спросилъ насъ, что такое страсть любовь, что бы мы отвѣчали ему?

Иванъ.

Мы бы отвѣчали, что это страсть есть желаніе быть вмѣстѣ съ кѣмъ нибудь отъ часу ближе.

Отецъ.

Отецъ.

Такъ. —— Но это еще не все. Когда мы любимъ кого, все ли равно бываетъ тогда для насъ, щастливъ ли онъ, или нещастливъ; здоровъ, или боленъ; веселъ, или не веселъ?

Николай.

Нѣтъ, какое равно!

Отецъ.

Чегожъ мы желаемъ тогда?

Николай.

Чтобъ онъ былъ во всемъ благополученъ.

Отецъ.

И такъ любовь не состоитъ въ одномъ томъ желаніи, чтобъ быть съ кѣмъ нибудь въ ближайшей связи; она состоитъ также —

Иванъ.

Въ желаніи, чтобъ тотъ, котораго мы любимъ, былъ благополученъ.

Отецъ.

Ну, естьли мы любимъ кого такимъ образомъ отъ всего сердца, и всегда хотимъ быть вмѣстѣ съ нимъ: то каково тогда на сердцѣ, когда онъ съ нами, или мы съ нимъ принуждены будемъ разстаться?

Алексаша.

Очень, очень не хорошо!

 Отецъ.

Отецъ.

Когда вамъ на пр. должно было въ первой разъ оставить вашего любезнаго батюшку, матушку и сестрицъ, чтобъ ѣхать сюда: какого вамъ было тогда?

Василій.

Тогда мы были очень печальны.

Отецъ.

А отъ чего?

Василій.

Конечно отъ того, что вамъ не льзя было больше быть вмѣстѣ съ батюшкою, матушкою и сестрицами.

Отецъ.

Слѣдовательно отъ разлуки съ ними?

Василій.

Такъ.

Отецъ.

И эта печаль была конечно столько сильна, что могла назваться страстію.

Николай.

Какъ же не страстію! я проплакалъ тогда весь вечеръ.

Отецъ.

Такъ я вамъ скажу, какъ обыкновенно называется эта страсть, которая почти то

же,

же, что и любовь, или сильная привязанность къ чему нибудь; она называется *тоскою.*

Иванъ.

Слѣдовательно она состоитъ въ томъ, когда кто печалится о разлукѣ съ любимымъ человѣкомъ?

Отецъ.

Такъ. — Вотъ у меня еще картинка, при которой вы можете припоминать обѣ страсти, о которыхъ мы лишь только говорили. — Эта женщина здѣсь по лѣвую сторону есть мать молодаго человѣка, которой не давно на пути своемъ въ Англiю претерпѣлъ кораблекрушенiе. Вѣдомость о такомъ нещастiи дошла и до матери; но то совершенно еще было не извѣстно, потонулъ ли молодой человѣкъ, или спасся. Вы можете представить сами, въ какомъ состоянiи теперь бѣдная мать. „Любезный сынъ мой! любезный сынъ! повторяетъ она непрестанно, за чемъ я выпустила тебя изъ моихъ объятiй? Ахъ! естьлибъ я могла тебя еще одинъ разъ, одинъ разъ прижать къ своему сердцу!„ Такъ восклицаетъ она непрерывно, плачетъ, ломаетъ себѣ руки, и не слушаетъ никакихъ утѣшенiй.

 Василiй.

Василій.

А подлинно ли утонулъ сынъ ея?

Отецъ.

Вотъ здѣсь на картинкѣ и отвѣтъ на вопросъ твой. — Сестра молодаго человѣка, которая также чрезъ многіе дни плакала и сокрушалась о немъ, хотѣла только лишь итти въ садъ, чаятельно для того, чтобъ въ уединенномъ какомъ мѣстѣ довольно поплакать, и просить Бога объ отвращеніи отъ нихъ такого бѣдствія, какъ вдругъ видитъ при входѣ — Кого бы вы думали? — Любезнаго своего брата. Посмотрите, какъ они бросаются другъ къ другу въ объятія! какъ сжимаютъ другъ друга! и кажется, что задушить хотятъ другъ друга поцѣлуями! Не правда ли, что это зрѣлище очень трогательно? Я бы хотѣлъ, чтобъ мы всѣ были при томъ веселыми свидѣтелями.

Николай.

Да откудажъ онъ взялся вдругъ?

Отецъ.

Корабль его, какъ сказано, разбился, и притомъ неподалеку отъ Голландскихъ береговъ; но онъ самъ спасся на доскѣ, и благополучно былъ прибитъ къ твердой землѣ. И

какъ

какъ онъ думалъ, что слухъ о такомъ нещастіи скоро дойдетъ до его матери и сестры, то для того, сколько можно скорѣе, поспѣшалъ къ нимъ обратно, дабы увѣрить ихъ, что онъ живъ. Теперь лишь только перелѣзъ онъ чрезъ ограду въ саду, чтобъ доставить себѣ удовольствіе обрадовать и удивить нечаяннымъ своимъ прибытіемъ любезную мать свою и сестру. Скажитежъ мнѣ, какую страсть они чувствуютъ теперь оба, братъ и сестра?

Ѳедоръ.

Любовь и радость.

Отецъ.

Замѣтимъ при семъ особенно только первую страсть; потому что для другой мы имѣемъ уже картинку. — Но въ какой страсти изображена здѣсь мать, которая кажется совсѣмъ еще не знаетъ о прибытіи своего сына?

Николай.

Въ тоскѣ. — А что значатъ два другія лица, которыя видны еще на картинкѣ?

Отецъ.

А вотъ что. Начнемъ съ этой женщины, что по правую руку прискорбной матери. Она пріятельница ея, и пріѣхала, чтобъ ее утѣшить; но видя ея страданіе, становится столь-

ко печальна, что ей самой потребно отъ другихъ утѣшеніе.

Николай.

Да о чемъ же она печалится?

Отецъ.

О нещастіи своей пріятельницы, которой желаетъ помочь, и помочь не можетъ.

Иванъ.

По этому и она въ страсти?

Отецъ.

Всеконечно, и притомъ въ весьма благородной страсти.

Иванъ

Какъ же называется эта страсть?

Отецъ.

Состраданіемъ, которое состоитъ въ томъ, когда кто печалится о нещастіи другаго.

Иванъ.

А! а! это уже девятая страсть, вотъ сколько мы ихъ знаемъ! —— Но что значитъ этотъ человѣкъ въ саду?

Отецъ.

Это садовникъ, которой также находится въ страсти; но совсѣмъ не въ такой, какъ прочіе. Онъ слышалъ также, что сынъ госпожи его претерпѣлъ кораблекрушеніе, и

по-

потому не думалъ опять его увидѣть когда либо; но вдругъ видитъ его въ саду, и приходитъ внѣ себя отъ удивленія.

Ѳедоръ.

Какъ же называется эта страсть, въ которой онъ находится?

Иванъ.

Да это можно узнать легко самому. Онъ въ *страсти удивленія*; не такъ ли, батюшка?

Отецъ.

Такъ точно; а по этому, чаятельно, не нужно мнѣ сказывать и того, что это за страсть?

Иванъ.

Это легко понять; когда кто удивляется чему нибудь такому, чего совсѣмъ не ожидалъ.

Отецъ.

Слѣдовательно страсть эта есть радость о чемъ нибудь новомъ, *или* нечаянномъ; не такъ ли (*)?

 Иванъ.

(*) По точнѣйшему раздѣленію, безъ котораго дѣти однакожъ легко обойтися могутъ, можно бы положить различіе между страстьми *удивленіемъ*, еще *удивленіемъ* и *изумленіемъ*, опредѣливъ первое радостью, или печалью о чемъ

Иванъ.

Такъ. — А какъ по этой картинкѣ учиться больше не чему, то не прикажете ли, батюшка! сказывать теперь, что записать надобно?

Николай.

Ахъ, батюшка! да и я ужъ давно ничего не сказывалъ!

Отецъ.

Думать не о чемъ; кто изъ васъ вспомнитъ приличной *примѣръ* изъ исторіи, тотъ и будетъ мнѣ сказывать о той *страсти*, которой примѣръ приведетъ,

Иванъ.

Прекрасно! я ужъ одинъ и вздумалъ.

Отецъ.

Какой страсти?

Иванъ.

Любви. ——

Отецъ.

Ну такъ разскажи намъ его.

Иванъ.

чемъ нибудь неожиданномъ; второе въ вышшемъ смыслѣ, назвавъ радостью о совокупныхъ или частныхъ и многоразличныхъ красотахъ на пр. въ природѣ, или въ произведеніи художествъ и наукъ, предоставивъ наконецъ третьему вышшій степень обоихъ первыхъ. — Общее прим.

Иванъ.

Въ *Сиракузахъ* царствовалъ нѣкогда тиранъ, по имени *Діонисій*, въ то же время жили тамъ два друга, изъ которыхъ одинъ назывался *Дамономъ*, а другой *Пиѳіемъ*. Тиранъ захотѣлъ однажды погубить *Дамона*, и ужъ посадилъ его въ темницу; но *Дамонъ* просилъ тиранна, чтобъ онъ позволилъ ему съѣздить на родину проститься съ своими друзьями и сродниками. Изволь, сказалъ ему тираннъ, я отпущу тебя, естьли согласится кто вмѣсто тебя пойти въ темницу, и даже умереть, когда ты не возвратишься въ срокъ. Въ мигъ предсталъ тогда другъ его *Пиѳій*, и съ радостію пошелъ въ темницу, и *Дамонъ* уѣхалъ. Наступилъ назначенный срокъ, въ которой ему должно было возвратиться и быть осуждену; но *Дамонъ* не бывалъ, и ничего не слышно было о немъ: тогда приказалъ тираннъ, чтобъ вывесть *Пиѳій* на мѣсто казни. *Пиѳій* радовался, что умретъ за любезнаго своего *Дамона*, и шелъ туда спокойно, какъ вдругъ послышался сильной крикъ, и показался человѣкъ, продирающійся сквозь народъ на мѣсто казни. Это былъ *Дамонъ*. Онъ бросился къ *Пиѳію* на шею, и извинялся, что ему не возможно было

было ранѣе возвратиться; но *Пиѳій* печалился о томъ, потому что желалъ, чтобъ *Дамонъ* не приходилъ. Удивился тиранъ благородному дружеству ихъ, даровалъ имъ обоимъ жизнь, и просилъ ихъ только о томъ, чтобъ они включили его третьяго въ дружеской союзъ свой.

Отецъ.

Здѣсь и двойной примѣръ; первое страсти любви, а потомъ страсти ——

Николай.

Удивленія.

Отецъ.

Такъ точно. Тираннъ конечно былъ въ страсти удивленія, а можетъ быть и всѣ присутствующіе.

Ѳедоръ.

А были ль зрители, прежде нежели возвратился Дамонъ, въ страсти сострадания о бѣдномъ Пиѳіи, которой невинно умереть былъ долженъ?

Отецъ.

Безъ сомнѣнія были; и такъ не нужно теперь приводить другаго примѣра и о сострадании.

Николай.

Прикажете ли мнѣ теперь разсказать примѣръ тоски?

Отецъ.

Отецъ.

Сказывай, мы будемъ слушашь.

Николай.

Какъ умеръ у *Артемизіи*, которая была Царица *Карійская*, мужъ ея *Мавзолъ*, што была она совершенно неушѣшима о его смерши. Она построила ему великолѣпный монуменшъ, кошорой *Мавзолеею* названъ былъ, и приказавъ сжечь шѣло своего мужа, всыпала каждой день по немногу шакого пепла въ напишокъ свой, и шакимъ образомъ пила.

Отецъ.

Спасибо! — Она была по эшому конечно въ страсти шоски? Сказывай мнѣ шеперь, Иванъ! шы о страсти любви и удивленія, Ѳедоръ! шы о страсти сострадания, а шы Николай о страсти шоскѣ; но каждой шѣмъ порядкомъ, какъ мы узнали ихъ сего дня.

Иванъ.

Мнѣ начинашь. *Страсть любовь состоитъ въ желаніи, быть отъ часу вътѣснѣйшей связи съ кѣмъ нибудь, а притомъ, чтобъ тотъ, котораго мы любимъ, былъ всегда благополученъ.*

Николай.

Теперь слѣдуетъ мнѣ. — *Страсть тоска состоитъ въ печали о разлукѣ съ кѣмъ нибудь.*

Ѳедоръ.

Өедоръ.

А теперь мнѣ. — *Страсть состраданіе есть печаль о нещастіи другаго.*

Иванъ.

Теперь опять мнѣ. — *Страсть удивленіе есть радость о чемъ нибудь новомъ, или нечаянномъ.*

Отецъ.

Браво! Вы сказывали такъ скоро, что я едва успѣвалъ писать. — Пойдемътежъ теперь въ садъ.

РАЗГОВОРЪ XII.

Алексаша.

Какой же печальной видъ сего дня у васъ, батюшка!

Отецъ.

Я и въ самомъ дѣлѣ печаленъ.

Алексаша.

Отъ чегожъ бы это?

Отецъ.

Отъ того, что долженъ сего дня сказать вамъ нѣчто печальное.

Всѣ.

Печальное?

Отецъ.

Отецъ.

Такъ, и очень печальное!

Алексаша.

Чтожъ бы такое?

Отецъ.

Можно ли не быть печальну, когда должно говорить что нибудь худое про своихъ братьевъ?

Матвѣй.

Да развѣ есть у васъ, батюшка! братецъ?

Отецъ.

У меня ихъ столько, какъ песку въ морѣ.

Всѣ.

Не ужъ ли?

Отецъ.

Да не всѣль люди произходятъ отъ одного отца? Не всѣхъ ли сотворилъ одинъ Богъ, и промышляетъ объ нихъ? Не всѣ ли по тому дѣйствительно братья между собою? и не должноль печалиться намъ, когда нѣкоторыхъ изъ нихъ видимъ идущихъ ложною дорогою, ведущею къ погибели?

Иванъ.

Да чтожъ такое сдѣлалось?

Отецъ.

Новымъ назвать этого не можно; но тѣмъ хуже, что нещастіе, о которомъ долженъ я говорить вамъ сего дня, столько же старо, какъ и свѣтъ, и что ему до сихъ поръ не можно было пособить совершенно.

Иванъ.

Какоежъ это нещастіе?

Отецъ.

Приготовьтесь выслушать, нѣчто очень болѣзненное; — нѣкоторые изъ нашихъ братьевъ, любезныя дѣти! больны, очень больны! —

Ѳедоръ.

Это еще не такъ большое нещастіе; они опять выздоровѣютъ, или умрутъ.

Отецъ.

Не такъ легко можно выздоровѣть отъ той болѣзни, о которой я думаю; самая смерть не можетъ прекратить ее. А кто передъ смертію не вылѣчится отъ нее, то — трепещите дѣти! — беретъ ее съ собою и въ вѣчную жизнь.

Николай.

Какая это ужасная болѣзнь!

Отецъ.

Отецъ.

И очень ужасна. А чтобъ не оставить васъ больше въ неизвѣстности: то знайте, что я говорю не о тѣлесныхъ болѣзняхъ, но гораздо еще худшихъ, *о болѣзняхъ безсмертной души нашей.*

Василій.

Какъ? развѣ душа можетъ быть больна?

Отецъ.

Можетъ къ сожалѣнію; и многія души къ крайнему сожалѣнію весьма опасно больны. Слушайте, я постараюсь растолковать вамъ это. —— Скажите мнѣ напередъ, когда тѣло наше бываетъ здорово?

Ѳедоръ.

Когда ничто у насъ не болитъ, и когда мы можемъ исправно отправлять всѣ дѣла свои.

Отецъ.

А когда говоримъ мы, что тѣло наше не здорово?

Ѳедоръ.

Когда чувствуемъ болѣзнь, и не можемъ отправлять исправно дѣлъ своихъ.

Отецъ.

А естьли и съ душею человѣческою то же случится, естьли она почувствуетъ боль, или

неудовольствіе, и естьли будетъ совершенно не въ состояніи мыслить о чемъ нибудь, или что дѣлать: здорова ли она тогда, или больна?

Всѣ.

Больна.

Отецъ.

Нѣсколько такихъ душевныхъ болѣзней я разскажу вамъ сего дня, чтобъ вы остерегались отъ нихъ. —— И вопервыхъ есть одна, и очень гнусная, которая называется *ненавистію*, или *страсть ненависть*.

Иванъ.

Тьфу, какъ это гадко!

Отецъ.

И очень гадко; однакожъ къ стыду человѣчества были души, зараженныя сею гнусною болѣзнію. Знаете ли, въ чемъ состоитъ она?

Всѣ.

Нѣтъ, не знаемъ.

Отецъ.

Дай Богъ, чтобъ вы и никогда не знали ее собственнымъ опытомъ! Представьте себѣ, она состоитъ въ томъ, что тотъ, которой ненавидитъ другаго, желаетъ ему всякаго зла,

и

и радуется, когда случится съ нимъ какое нещастie.

Всѣ.

Тьфу, какъ это отвратительно!

Отецъ.

Я вамъ и напередъ это сказывалъ. — Какъ же бы вы думали, можетъ ли быть довольна сама собою такая душа, которая такъ злодѣйски разположена къ кому нибудь?

Иванъ.

Нѣтъ, конечно нѣтъ!

Отецъ.

Или можетъ ли она вообразить себѣ, что Богъ всеблагiй, любви исполненный Богъ, сю доволенъ?

Өедоръ.

Какъ ей вообразить это?

Отецъ.

И можетъ ли такая душа наслаждаться истиннымъ и постояннымъ благополучiемъ?

Өедоръ.

Нѣтъ!

Иванъ.

Кто благополученъ, тотъ необходимо долженъ быть доволенъ самимъ собою, и

быть увѣренъ, что и милосердый Творецъ имъ доволенъ.

Отецъ.

Точная правда. И по этому тотъ, которой ненавидитъ другаго, не можетъ никакъ быть благополученъ. Будучи не доволенъ тѣмъ, котораго ненавидитъ, будучи не доволенъ самимъ собою, онъ питаетъ въ душѣ своей однѣ мрачныя и страшныя мысли, которыя по большей части мучатъ его самаго, и препятствуютъ ему помыслить о чемъ *нибудь* добромъ, или что нибудь доброе сказать и сдѣлать. И не стоитъ ли того такая душа, чтобъ назвать ее больною?

Всѣ.

Конечно стоитъ.

Отецъ.

Но какъ тотъ, у котораго больно тѣло, обыкновенно чувствуетъ не одну болѣзнь въ то же время; — на пр. боль въ головѣ, колотье въ бокахъ и груди, судороги въ желудкѣ и проч. — такъ и сія болѣзнь рѣдко одна приходитъ, но паче ведетъ съ собою и другія столь же отвратительныя болѣзни. Одна изъ нихъ, — которой одного имени я не могу выговорить безъ отвращенія, называется *завистію*, или *страсть зависть*.

Василій.

Василій.

А! это та болѣзнь, которую имѣли братья *Іосифовы.*

Отецъ.

Точно такъ; они были не довольны, или печальны, что братъ ихъ былъ благополученъ, что отецъ ихъ *Іаковъ* такъ отмѣнно любилъ его, и приказалъ сдѣлать ему пестрое платье; а въ семъ-то и состоитъ зависть. Но они чувствовали вмѣстѣ и страсть ненависть; потому что желали бѣдному невинному своему брату всякаго зла, и радовались бы, естьлибъ случилось съ нимъ какое великое нещастіе.

Иванъ.

А развѣ они не слыхали ничего о Богѣ?

Отецъ.

Умной вопросъ; потому что въ самомъ дѣлѣ не понятно, какъ можетъ такъ гнусно думать тотъ, которой хотя нѣсколько знаетъ милосердаго Творца? Но здѣсь это было. *Іаковъ*, будучи благочестивый человѣкъ, не оставилъ чаятельно заблаговременно вселить въ дѣтей своихъ познанія о всеблагомъ Богѣ; но безъ сомнѣнія они не внимали такому наставленію, не часто размышляли о немъ, пускали его на вѣтеръ. Ужасный примѣръ, что можетъ

вытти изъ дѣтей, когда начнутъ они предаваться легкомыслію и вѣтреничать при наставленіи и увѣщаніяхъ своихъ родителей, или наставниковъ! Вкорените поразительной этотъ примѣръ глубоко въ душахъ вашихъ, и трепещите при сей истиннѣ, что и добрыхъ, благочестивыхъ родителей дѣти могутъ сдѣлаться безбожными, когда не во всемъ будутъ слѣдовать увѣщаніямъ благоразумныхъ людей.

Николай.

Нѣтъ ли еще такихъ гнусныхъ болѣзней?

Отецъ.

Увы! —— Есть еще очень страшная, *гнѣвомъ* называемая.

Николай (содрогнувшись).

Ой!

Отецъ.

Ты содрогаешься, содрогаюсь и я! Подумайте только, какъ гнусна и эта страсть! Она состоитъ въ сильномъ желаніи, обидѣть другаго, причинить зло тому, о которомъ мы думаемъ, что онъ насъ обидѣлъ.

Иванъ.

Да объ этой болѣзни мы и въ исторіи слышали!

Отецъ.

При какомъ случаѣ?

Иванъ.

Когда *Александръ* разсердился на друга своего *Клита*, и заколол его изъ собственныхъ рукъ.

Василій.

Да и прежде еще, какъ *Каинъ* умертвилъ брата своего *Авеля*.

Отецъ.

Хорошо, что вы вспомнили объ этомъ: Мнѣ не нужно теперь объяснять, какая это лютая болѣзнь, и къ какимъ ужаснымъ дѣламъ можетъ привести человѣка. Гнѣвливой есть бѣшеной, не помнитъ совсѣмъ самаго себя, и поступаетъ по тому, какъ безразсудное животное; должно бы запирать его, какъ сумасшедшаго, изъ предосторожности, чтобъ не сдѣлалъ какого вреда.

Василій.

А развѣ не запираютъ такихъ людей?

Отецъ.

Иногда только. Но какъ гнѣвъ есть вдругъ раждающееся бѣшенство, котораго не можно предвидѣть: то и вредъ обыкновенно бываетъ уже сдѣланъ, прежде нежели свѣдаютъ о томъ начальники; и тогда не остается инаго сдѣ-

 лать,

лать, какъ только наказать гнѣвливаго въ примѣръ и острастку другимъ.

Алексаша.

Но вить бѣдняки сіи не могутъ отвѣчать за то, что душа ихъ такъ больна?

Отецъ.

Когда бы такъ, то было бы несправедливо ихъ наказывать; но къ сожалѣнію они слишкомъ должны отвѣчать за то. Разсказать ли вамъ, какъ начинается эта болѣзнь?

Всѣ.

Разскажите, разскажите, чтобъ мы могли беречься отъ нее.

Отецъ.

Обыкновенно начинается она въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ. Есть такіе глупые люди, которые даютъ всегда маленькимъ дѣтямъ волю и потачку. Естьли они хотятъ имѣть что, тотчасъ даютъ имъ; а естьли не хотятъ имѣть, или дѣлать чего, тотчасъ откладываютъ то. Избалованныя тѣмъ дѣти начинаютъ сперва быть *своенравными*, то есть желаютъ, чтобъ всегда то было сдѣлано, чего хотятъ они; а то совсѣмъ оставлено, что имъ противно; и такимъ образомъ становятся они несносными маленькими твореніями.

Тутъ

Тутъ то, тамъ другое для нихъ не хорошо; то тотъ, то другой имъ что нибудь сдѣлалъ не по нутру. Тогда начинаются вѣчные перекоры, крикъ и слезы. А естьли мальчикъ, или дѣвочка побольше другихъ, и чувствуетъ уже нѣсколько силы въ себѣ: то начнетъ мало помалу насильно принуждать всѣхъ другихъ дѣтей, дѣлать то, что ему, или ей нравится; а того не дѣлать, что имъ по мысли; по томъ дойдетъ дѣло и до того, чтобъ бранить тѣхъ, на которыхъ они сердиты, толкать, бить, а иногда швырять въ нихъ, чѣмъ ни попало. Вы можете представить себѣ, какое должно быть это зрѣлище для каждаго разумнаго человѣка, которой притомъ случится! и что онъ не оставитъ конечно дѣлать увѣщаній такому бѣшеному робенку. Естьли сей захочетъ слѣдовать тѣмъ увѣщаніямъ, естьли захочетъ только сдѣлать себѣ нѣсколько насилія, и притомъ отъ всего сердца и часто проситъ Бога о всесильномъ его вспоможеніи къ исправленію: тогда будетъ легко еще ему исправиться отъ такого ненавистнаго проступка; ибо, какъ вы и сами знаете, пока душа еще въ молодыхъ лѣтахъ, то можетъ принять всякую добродѣтель, и отвыкнуть отъ каждаго порока.

ия. Но горе тому, которой закоснѣлъ въ томъ! ибо чѣмъ старѣе мы становимся, тѣмъ труднѣе бываетъ для насъ отстать отъ того, что ужъ сдѣлалось въ насъ привычкою. Это же дѣлается и съ нѣкоторыми изъ таковыхъ дѣтей. Они опускаютъ надлежащее время къ исправленію, и потому не исправляются никогда. Гнѣвъ ихъ будетъ отъ часу становиться сильнѣе и непреодолительнѣе, пока наконецъ дойдутъ они до того же, какъ *Каинъ* и *Александръ*, которые могли умертвить одинъ друга, другой брата. —— Дѣти мои! любезныя мои дѣти! да сохранитъ всемогущій Богъ младыя души ваши отъ того, чтобъ онѣ не были никогда отверсты негодованію, или гнѣву на кого нибудь изъ вашихъ братьевъ. —— Вотъ вамъ два поразительные примѣра такихъ нещастныхъ людей, изображенные на картинкѣ, которую повѣсимъ мы здѣсь для ежедневнаго намъ напоминанія.

Здѣсь представленъ сперва прилѣжной, вѣжливой и любезной мальчикъ, которой въ томъ полагаетъ величайшее свое удовольствіе, чтобъ быть отъ часу умнѣе и лучше. Онъ прилѣженъ во время ученія, дружелюбивъ и ласковъ къ

своимъ товарищамъ, наблюдаетъ порядокъ и чистоту во всѣхъ своихъ вещахъ, и послушенъ во всемъ своимъ родителямъ и наставникамъ: удивительно ли, что всѣ любятъ его? — Другой, которой стоитъ подлѣ него, совсѣмъ противныхъ свойствъ, лѣнивъ, безразсуденъ, недружелюбивъ, безпорядоченъ и непослушливъ: удивительно ли, что никто не можетъ терпѣть его? И однакожъ ему хочется, чтобъ и его любили также, какъ того; а поелику ему не удастся въ томъ, то начинаетъ онъ ненавидѣть сего любезнаго соученика, такъ какъ будто бы онъ былъ причиною его нещастія; но онъ не только что его ненавидитъ, но завидуетъ ему, то есть печалится о каждомъ добромъ его свойствѣ, или дѣлѣ. Посмотрите, какъ ненависть и зависть изображаются на лицѣ его, когда онъ съ досадою принужденъ видѣть, что доброй мальчикъ такъ прилѣженъ, и вѣрно получитъ за то новую похвалу и любовь отъ учителя. Тьфу, проклятая картинка! мы не хотимъ больше смотрѣть на тебя.

Василій.

Это мнѣ кажется не правда, чтобъ былъ такой гнусной мальчикъ; не выдумалъ ли этого рѣзщикъ?

Отецъ.

Отецъ.

Я бы хотѣлъ, Васинька! и самъ такъ думать; по крайней мѣрѣ я надѣюсь, что рѣдко бывали такія чудовища. —— Посмотримъ теперь на другую половину нашей картинки!

Василій.

Фи! здѣсь еще что-то отвратительное!

Отецъ.

Дай то Богъ, чтобъ и это былъ вымыселъ! —— Видитель здѣсь озлившагося мальчика, котораго гнѣвъ свелъ съ ума? онъ думаетъ быть обиженъ, я не знаю чѣмъ, отъ другаго мальчика; и для того горитъ желаніемъ причинить ему зло, хватаетъ камень, и не разсуждая, что можетъ до смерти убить, или по крайней мѣрѣ изувѣчить его, бросаетъ въ бѣдняка. —— Нещастной молодой человѣкъ! каково будетъ тебѣ, когда ты не постараешься тотчасъ узнать и вылѣчить опасной болѣзни души своей. Ты сдѣлаешься злодѣемъ, котораго не можетъ любить ни Богъ, ни люди, котораго принуждены будутъ наказать и Богъ и люди, чтобъ привесть тебя чрезъ болѣзненное наказаніе къ познанію и исправленію злаго твоего нрава. —— Прочь отъ насъ съ твоимъ ненавистнымъ видомъ!

Иванъ.

Иванъ.

Не ужъ-то записывать и такія гнусныя страсти?

Отецъ.

Надобно, мой другъ! мы запишемъ ихъ, чтобъ ежедневно припоминать съ отвращеніемъ, что есть такія опасныя душевныя болѣзни, отъ которыхъ мы всячески должны беречься. Сказывай мнѣ.

Иванъ.

Страсть ненависть состоитъ въ томъ, когда кто желаетъ другому зла, и радуется, когда съ нимъ зло случится.

Отецъ.

Есть.

Иванъ.

Страсть зависть состоитъ въ томъ, когда кто печалится о благополучіи, которое съ другимъ случается.

Отецъ.

А наконецъ?

Иванъ.

Страсть гнѣвъ, которой значитъ желаніе причинить зло тому, отъ котораго думаетъ кто быть обиженнымъ.

Отецъ.

Отецъ.

Теперь ни слова больше о томъ. — Пойдемте прогуляться отсюда не далеко, чтобъ въ сообществѣ добрыхъ людей позабыть, что были когда либо люди, которые чрезъ скотскія свои страсти сдѣлались недостойными носить прекрасное и драгоцѣнное названіе человѣка.

РАЗГОВОРЪ XIII.

Алексаша.

Не услышимъ ли мы и сего дня еще какихъ гнусныхъ душевныхъ болѣзней? —

Отецъ.

Къ сожалѣнію есть еще кромѣ тѣхъ, о которыхъ вы слышали вчера!

Иванъ.

Какъ бы я желалъ, чтобъ вчерашнія были пропущены!

Отецъ.

И я бы тоже, мой другъ! — Да не опустить ли намъ тѣхъ, которыя слѣдуютъ?

Иванъ.

Нѣтъ, такъ ужъ и быть! ватъ намъ должно же ихъ знать, чтобъ остерегаться отъ нихъ.

Отецъ.

Отецъ.

И то правда! За то я постараюсь, сколько возможно, говорить о нихъ короче. —— Вотъ у меня еще картинка; посмотрите на нее только, и вы угадаете сами, какою страстію больна душа изображеннаго здѣсь человѣка.

Матвѣй.

Онъ копаетъ яму.

Василій.

А возлѣ него стоитъ сундучекъ. Что бы такое въ немъ было?

Отецъ.

Въ сундучкѣ деньги, и онъ хочетъ ихъ зарыть здѣсь въ землю.

Василій.

Въ землю? Да на чтожъ это?

Отецъ.

Для того, что онъ не имѣетъ никакой склонности употребить ихъ на что нибудь доброе, и безъ причины опасается, что ихъ отнимутъ у него.

Иванъ.

А! а! я знаю теперь, какую страсть онъ имѣетъ!

Отецъ.

Отецъ.

А какую?

Иванъ.

Скупость.

Василій.

Фи! такъ это скупяга!

Отецъ.

Такъ, дѣти! это скупой, котораго вы здѣсь видите. — Но почему ты узналъ его, Иванъ?

Иванъ.

По тому, что онъ очень любитъ деньги.

Отецъ.

Слѣдовательно имѣетъ желаніе быть богатымъ. — Но развѣ не справедливо это, когда кто старается пріобрѣсть что нибудь своими трудами, и пріобрѣтенное употреблять, какъ надобно? Я думаю, что то же дѣлаютъ и *бережливые*, а бережливость конечно вить не порокъ.

Иванъ.

Такъ; но — не должно однакожъ быть столько лакому и жадну до денегъ.

Отецъ.

Такъ ты думаешь, что различіе между скупымъ и бережливымъ состоитъ только въ томъ,

томѣ, что скупой имѣетъ *чрезмѣрное*, а бережливой *умѣренное* желаніе пріобрѣсть себѣ что нибудь?

Иванъ.

Такъ.

Отецъ.

Ты не совсѣмъ не правъ; но я думаю однакожъ, что есть между ими еще другое различіе, которое гораздо виднѣе того. — Для чего хочется скупому денегъ? не для того ли, чтобъ употреблять ихъ съ пользою себѣ и другимъ людямъ?

Иванъ.

Ну какъ это! вить онъ ихъ зарываетъ въ землю.

Отецъ.

Такъ только для того, что ихъ *имѣть*; чтобъ *корпѣть* надъ ними, не дѣлая изъ нихъ никакого добраго употребленія. — Но для чего трудится бережливой пріобрѣсть себѣ что нибудь?

Иванъ.

Чтобъ употреблять то.

Отецъ.

Какъ употреблять?

Өедоръ.

Съ пользою себѣ и другимъ.

Отецъ.

Вѣрно такъ. Вотъ вамъ примѣръ въ женѣ скупаго; она также старалась пріобрѣсть что нибудь работою и бережливостію. Но для чего? для того ли, чтобъ закопать? Нѣтъ, посмотрите на картинкѣ на то употребленіе, которое старается она дѣлать изъ своего избытка; она помогаетъ бѣднымъ.

Василій:

Такъ, она добрая женщина.

Иванъ.

Жаль только, что мужъ у нее такой скупяга.

Отецъ.

Естьли вы мнѣ скажете, что такое скупость, такъ я сей же часъ запишу. Ну — Иванъ!

Иванъ.

Скупость есть желаніе имѣть богатство не для того, чтобъ употреблять его, какъ надлежитъ, но только чтобъ корпѣть надъ нимъ.

Отецъ.

Хорошо. — Вотъ же вамъ и другая картинка; посмотрите, что на ней представлено!

Александръ.

Ахъ! разряженной господинъ, которой подаетъ милостинку нищему.

Матвѣй.

Да для чегожъ онъ остановился, и такъ осматривается вокругъ себя?

Василій.

И для чего держитъ такъ высоко руку?

Отецъ.

Все для одной причины, которую не легко угадать вамъ.

Василій.

Да и почемужъ намъ знать?

Отецъ.

Ну такъ я вамъ скажу: душа этого человѣка также больна, любезныя дѣти!

Иванъ.

Чѣмъ же бы это?

Отецъ.

Не меньше худою страстію, которая дѣлаетъ очень бѣдными людей, зараженныхъ ею. Она называется *честолюбіемъ*, или *славолюбіемъ*.

 Иванъ.

Иванъ.

А! а! такъ знаю теперь, для чего онъ такъ держитъ руку, и для чего осматривается вокругъ себя!

Отецъ.

Коли знаешь, такъ скажи и намъ.

Иванъ.

Онъ хочетъ, чтобъ другіе увидѣли, сколько дастъ онъ денегъ нищему; и для того кругомъ оглядывается, нѣтъ ли кого, которой бы примѣтилъ это.

Отецъ.

Ты угадалъ. Видите ли теперь, въ чемъ состоитъ болѣзнь этого человѣка? все, что ни дѣлаетъ онъ, дѣлаетъ не для того, что это хорошо, что это благородно, что это угодно Богу; но единственно для того, чтобъ его хвалили за то.

Василій.

Но вить это глупо; какая прибыль ему въ томъ, что люди хвалятъ?

Отецъ.

Правда твоя, Василій! похвала и хула человѣческая не дѣлаютъ насъ ни на волосъ лучше, или хуже противъ прежняго. Но должно ли для того только совсѣмъ ничего не дѣлать?

дать? — Нѣтъ; пріобрѣтать себѣ *любовь* отъ человѣковъ правдивыми поступками и способностями, это другое дѣло, это можетъ дѣйствительно усугубить наше щастіе; ибо когда любятъ насъ многіе, то многіе ищутъ приносить намъ и удовольствіе, и всячески способствовать нашему благополучію; тогда дѣйствительно бываетъ намъ хорошо. А одна похвала, или хула улетаетъ на вѣтеръ, подобно какъ слова, которыми ее выражаютъ; и потому не глупо ли дѣлать что нибудь, чтобъ получить такой дождевой пузырь?

Василій.

Конечно глупо.

Отецъ.

А сверьхъ того и самое добро перестаетъ быть добромъ, когда дѣлаешь его только для того, чтобъ сдѣлать чрезъ то себя великимъ предъ людьми, и заставить другихъ хвалить себя. — Можно ли сказать, чтобъ человѣкъ этотъ на картинкѣ подалъ милостинку нищему изъ сострадания, или Христа ради?

Иванъ.

Нѣтъ; онъ это дѣлаетъ только для того, чтобъ выказать себя.

Отецъ.

Такъ можно ли назвать это, что онъ дѣлаетъ, добродѣтельнымъ поступкомъ?

Иванъ.

Нѣтъ.

Отецъ.

Можно прибавить къ сему и то, что честолюбіе дѣлаетъ людей, имъ зараженныхъ, великими страдальцами; ибо какъ они полагаютъ въ томъ все свое благополучіе, чтобъ другіе хвалили ихъ: то каждую минуту случается съ ними что *нибудь такое*, что причиняетъ имъ неудовольствіе. Иногда люди совсѣмъ не примѣтили того, что они сдѣлали нѣчто похвалы достойное, и потому ни слова не говорятъ о томъ; иногда не довольно ихъ выхвалили, а иногда выискиваются и такіе люди, которые хулятъ ихъ поведеніе. А по сему такой честолюбивый человѣкъ всегда не доволенъ людьми, своею участію и самимъ собою, хотя бы впрочемъ и много имѣлъ причинъ быть довольнымъ и щастливымъ. —— Не жалки ли по этому люди, управляемые честолюбіемъ?

Всѣ.

Конечно жалки!

Отецъ.

Я обѣщалъ вамъ не останавливаться долго при сихъ душевныхъ болѣзняхъ, и для того

го прочь и эту картинку. Вотъ вамъ еще третья.

Николай.

Ахъ! что это такое? онъ самъ себя бьетъ въ голову.

Отецъ.

Я разскажу вамъ исторію этого молодаго человѣка, и тогда вы догадаетесь сами, чѣмъ страждетъ душа его. —

Когда этотъ молодой человѣкъ былъ еще мальчикъ и въ домѣ у отца своего, то часто говаривалъ ему отецъ и его учители, чтобъ онъ старался поболѣе учиться, потому что впередъ, когда будетъ онъ между чужими людьми, то много станутъ требовать отъ него; но я не знаю, отъ чего — онъ совсѣмъ не имѣлъ охоты учиться.

Николай.

Не имѣлъ охоты учиться? Хмъ!

Отецъ.

А потому во время уроковъ онъ слушалъ и дѣлалъ мало; а какъ скоро урокъ кончится, то большую часть времени провождалъ въ бѣганьѣ, да прыганьѣ, въ скачкахъ, да пляскахъ.

Иванъ.

Вотъ прекрасно!

Отецъ.

Онъ хотѣлъ быть знатнымъ купцомъ, и время уже пришло, чтобъ отослать его куда нибудь, чтобъ пріучался къ торговлѣ. Купецъ, къ которому онъ былъ посланъ, думалъ объ немъ очень хорошо, и тотчасъ хотѣлъ принять его въ свою контору, чтобъ онъ могъ упражняться въ такихъ дѣлахъ, которыя искусному купцу необходимо *знать потребно.* И какъ онъ полагалъ навѣрное, что въ щетахъ и письмѣ онъ пріобрѣлъ уже нужное молодому купцу свѣденіе: то велѣлъ ему для пробы написать письмо къ своему корресподенту, и сдѣлать при томъ щетъ, и по томъ оставилъ его одного. Бѣднякъ, оставшись одинъ, кусалъ себѣ пальцы; потому что не зналъ, какъ и приступиться къ такой Египетской для него работѣ. Будучи въ крайнемъ замѣшательствѣ, онъ вспомнилъ тогда, какъ безразсудно растечилъ молодыя свои лѣта, и тяжело вздохнулъ: „Ахъ! какой я былъ глупецъ, что потратилъ столько времени, и ничему не научился! что теперь будетъ со мною?„ Говоря сіе, онъ ударилъ себя въ лобъ, какъ будто бы хотѣлъ наказать себя

за то, что былъ прежде такъ лѣнивъ; и въ этомъ-то положеніи онъ представленъ здѣсь на картинкѣ. Скажитежъ теперь, въ какой страсти находится душа его?

Николай.

Въ печали.

Отецъ.

О чемъ онъ печалится?

Николай.

Ужъ конечно о томъ, что былъ такъ лѣнивъ.

Отецъ.

Слѣдовательно о томъ, что сдѣлалъ худо?

Николай.

Конечно.

Отецъ.

Знаете ли, какъ называется обыкновенно такая печаль, когда кто сдѣлалъ худо? —— *Страстію раскаянія.*

Өедоръ.

Эта страсть не такъ гнусна, какъ прежнія.

Отецъ.

Такъ, это очень спасительная страсть для того, которой сдѣлалъ что нибудь худое; и

однакожъ желательно бы было, чтобъ ни одинъ человѣкъ никогда не имѣлъ ее.

Иванъ.

Вѣрно для того, батюшка! что вить напередъ дѣлаютъ что нибудь худое, а потомъ ужъ чувствуютъ раскаяніе?

Отецъ.

Такъ точно; и я бы желалъ отъ всего сердца, чтобъ вы и эту страсть не иначе знали, какъ только на картинкѣ.

Василій.

О! мы будемъ очень беречься!

Матвѣй.

Чтожъ сдѣлалось съ молодымъ человѣкомъ?

Отецъ.

Когда хозяинъ его пришелъ къ нему опять, то увидѣлъ, что онъ ничего заданнаго не сдѣлалъ, и къ удивленію своему услышалъ, что онъ совсѣмъ не разумѣетъ того. Чтожъ было дѣлать съ нимъ? въ конторѣ онъ ему не годился, а другаго дѣла и подавно дать ему не можно было; и такъ онъ сказалъ ему, чтобъ ѣхалъ назадъ, и поучился напередъ чему нибудь. Поворотя оглобли, да и домой.

Иванъ.

Иванъ.

Каково-то было смотрѣть отцу и матери, когда онъ пріѣхалъ къ нимъ опять?

Отецъ.

Вообразите сами, —— что было имъ дѣлать? Принуждены послать въ другой разъ въ училище, и притомъ, какъ онъ былъ очень незнающъ, заставить учиться вмѣстѣ съ самыми малолѣтными дѣтьми. Посмотрите на эту картинку, здѣсь онъ представленъ, какъ въ первой разъ идетъ опять въ училище.

Алексаша.

А что дѣлаютъ тутъ два другіе мальчика?

Отецъ.

Они удивляются, что господинъ знатной купецъ сдѣлался опять ученикомъ. „Посмотри! посмотри! говоритъ одинъ другому, указывая на него пальцомъ, не тотъ ли это, что съ мѣсяцъ тому назадъ поѣхалъ въ *Петербургъ* и хотѣлъ на корабляхъ отпускать товары?„ Такъ, такъ, отвѣчалъ другой, это онъ, точно онъ! Никакъ, бѣдняжка! проторговался, и не хочетъ больше отпускать за море кораблей.„ Молодой человѣкъ слышитъ такіе досадные переговоры. Они ему какъ ножъ въ сердце. Посмотри-

шрише, какѣ онѣ потупилѣ глаза! Какѣ отворачиваетѣ лице, какѣ будто бы искалѣ мѣста, гдѣ бы укрыться ему отѣ людей. Какѣ бы вы думали, вѣ какой страсти теперь душа его?

Иванѣ.

Онѣ стыдится.

Отецѣ.

Точь вѣ точь. Душа его чувствуетѣ теперь *страсть стыдѣ.* Кто скажетѣ мнѣ это другими словами?

Иванѣ.

Онѣ печалится о томѣ, что надѣ нимѣ смѣются.

Отецѣ.

Или о томѣ, что видитѣ, какѣ его презираютѣ. —— Вы легко можете себѣ представить, пріятно ли это чувствованіе? Еще бы отрада, когда бы сердце говорило ему, что онѣ не виноватѣ вѣ томѣ, что другіе презираютѣ его: тогда бы ему нужды не было, что бы ни говорили обѣ немѣ люди. Но естьли чувствуешь, что заслужилѣ то презрѣніе, какѣ это прискорбно! какѣ больно сердцу! берегитесь, чтобѣ не сдѣлать чего такого, что можетѣ навлечь вамѣ справедливое презрѣніе. Естьли

вы

вы всегда будете рачительно остерегаться отъ того, и тогда вздумается кому нибудь говорить про васъ худо: не безпокойтесь; ни одинъ честной человѣкъ не повѣритъ оклеветанію, и въ короткое время постигнетъ самаго клеветника тотъ стыдъ, которой несправедливо онъ приготовлялъ вамъ.

Въ этотъ разъ должны вы мнѣ сказывать по ряду. Ѳедоръ пусть сдѣлаетъ начало.

Ѳедоръ.

Сего дня мы узнали прежде всего *страсть скупость.*

Отецъ.

А въ чемъ состоитъ эта страсть?

Ѳедоръ.

Въ томъ, когда кто желаетъ богатства не для того, чтобъ съ пользою употреблять его; но для того только, чтобъ его имѣть.

Отецъ.

Похвально! — Иванъ! продолжай.

Иванъ.

Слѣдуетъ теперь *страсть честолюбіе, которая состоитъ въ желаніи похвалы.*

Отецъ.

И это хорошо. — Николай!

Николай

Николай.

Мнѣ должно сказывать *страсть раскаяніе.*

Отецъ.

А что такое она?

Николай.

Печаль о томъ, когда кто сдѣлалъ что нибудь худо.

Василій.

Теперь мнѣ! вить такъ, батюшка?

Отецъ.

Такъ; — только поскорѣе!

Василій.

Страсть стыдъ есть также печаль, но только о томъ, когда презираютъ кого другіе.

Отецъ.

Наконецъ мы отдѣлались: — Радуйтесь дѣти! отвратительныя болѣзни души уже всѣ, завтра опять поговоримъ о чемъ нибудь поприятнѣе.

ПОСЛѢДНІЙ РАЗГОВОРЪ.

Матвѣй.

Сего дня, батюшка! вы опять веселы.

Отецъ.

Да и какъ иначе, когда я только что помышлялъ о чемъ-то радостномъ.

Матвѣй.

Матвѣй.

А о чемъ бы?

Отецъ.

Естьли бы я зналъ, что и вамъ это столько же принесетъ радости: то бы съ охотою сталъ говорить о томъ.

Всѣ.

Ахъ! сказывайте, сказывайте, батюшка!

Отецъ.

Такъ знайтежъ, дѣти! что я только лишь помышлялъ о моей и вашей смерти, которая воспослѣдуетъ можетъ быть скоро.

Иванъ.

Скоро?

Отецъ.

Кто знаетъ о томъ! я думалъ только, что какъ твоя тетушка, которая не задолго предъ симъ была очень здорова, такъ нечаянно скончалась: то и съ нами тоже можетъ случиться. И такъ я представилъ себѣ очень живо, что можетъ быть чрезъ нѣсколько недѣль, или черезъ нѣсколько дней будетъ лежать мое, или ваше мертвое тѣло во гробѣ, потомъ будетъ зарыто въ землю, и съѣдено червями.

Ѳедоръ.

И, чтожъ тутъ пріятнаго?

Отецъ.

Отецъ.

Тутъ нѣтъ еще ничего; это не заключаетъ въ себѣ ничего ни пріятнаго, ни непріятнаго, потому что мертвое тѣло совершенно ничего не знаетъ, ничего не чувствуетъ, что съ нимъ дѣлаютъ. Но что за тѣмъ слѣдуетъ, что случается притомъ съ нами самими; —— я говорю о душѣ нашей, это пріятно, и объ этомъ-то помышлялъ я.

Василій.

А чтожъ случается тогда съ нашею душею?

Отецъ.

Что случается? То, что случается съ червячкомъ, когда онъ скинетъ безобразную кожицу, и полетитъ, ставши бабочкою. Думаетель, что бабочка тогда не радуется, какъ почувствуетъ вдругъ въ себѣ легкость, какъ увидитъ себя вдругъ превращенною въ красивое и веселое существо, и получитъ свободу посѣщать тысячи прекрасныхъ цвѣтовъ, и пить изъ ихъ чашечекъ сладкій медъ, когда предъ нимъ медленно ползала на одномъ только листѣ, и имъ питалась. Думаетель вы, что не сталъ бы еще напередъ радоваться червячокъ, естьли бы могъ предвидѣть такое превращеніе?

Иванъ.

Нѣтъ, какъ это подумать

Отецъ.

Ну такъ и я, будучи твердо и точно увѣренъ, что при смерти моего тѣла предстоитъ мнѣ гораздо большее и славнѣйшее превращеніе, не долженъ ли съ радостію помышлять о томъ часѣ, въ которой случится со мною такое превращеніе? Не долженъ ли я радоваться о томъ, что преселюсь въ такое мѣсто, которое несравненно лучше прекраснаго сего свѣта, въ которомъ я найду опять всѣхъ умершихъ особъ, любезныхъ моему сердцу, дабы вѣчно быть съ ними щастливымъ?

Иванъ.

Все это такъ; но почему кто знать можетъ точно, что душа не умретъ съ тѣломъ вмѣстѣ, но будетъ жить вѣчно?

Отецъ.

Почему знать? — А развѣ ты позабылъ, отъ кого мы, которые называемся Христіянами, получили сіе утѣшительное извѣстіе?

Иванъ.

Какъ позабыть! но я хотѣлъ сказать только, какъ могутъ знать это люди, ко-

 торые

торые суть не Христіяне, что душа их безсмертна?

Отецъ.

Я покажу тебѣ изображеніе одного мужа, которой жилъ за долго предъ Рождествомъ Христовымъ, и ты самъ собою увидишь, что дѣлали мудрые и добрые люди въ древности, чтобъ утвердиться въ толь важной истиннѣ. Смотри!

Иванъ.

Ахъ! это конечно *Сократъ*?

Отецъ.

Почему это?

Иванъ.

По тому, что онъ былъ точно таковъ; какъ мнѣ сказывали, и изображенъ здѣсь сидящимъ въ темницѣ, какъ-то сидѣлъ и *Сократъ* при концѣ своей жизни.

Отецъ.

Ты не обманулся; это онъ точно. — Чтожъ тебѣ кажется дѣлаетъ здѣсь *Сократъ*?

Иванъ.

Онъ думаетъ о чемъ-то.

Отецъ.

Отецъ.

А о чемъ бы, не угадаешь ли ты?

Иванъ.

Конечно о безсмертіи души, какъ намъ изъ исторіи извѣстно.

Отецъ.

Точно такъ. — *Сократъ* узналъ посредствомъ одного *размышленія*, что душа его безсмертна. А какъ же бы ты думалъ, какимъ образомъ онъ размышлялъ о томъ?

Иванъ.

Почему это знать кому!

Отецъ.

По щастію одинъ изъ учениковъ его записалъ все, что онъ ни дѣлалъ, и говорилъ въ послѣдніе дни своей жизни; а изъ того мы легко можемъ увидѣть, что дѣлалъ *Сократъ*, чтобъ увѣриться о безсмертіи души своей.

Иванъ.

Чтожъ онъ дѣлалъ?

Отецъ.

Извѣстно вамъ, что случилось съ нимъ; вамъ извѣстно и то, сколь хорошо и общеполезно онъ жилъ всегда. Теперь сидитъ онъ въ

темницѣ, и готовится уже претерпѣть кончину за добро, имъ сдѣланное. Въ семъ положеніи размышлялъ онъ почти такъ: Богъ конечно въ превосходномъ степени благъ и правосуденъ, и потому наградитъ конечно и за добрыя дѣла, и накажетъ злодѣяніе. Хотятъ умертвить меня неразумные люди за то, что я сдѣлалъ столько добра, сколько могъ. И это никакъ не можетъ быть угодно всеблагому Богу, потому что Онъ правосуденъ; а поелику Онъ толико милосердъ, то конечно я буду очень благополученъ, пострадавъ несправедливо. Но естьли бы душа моя умерла вмѣстѣ съ тѣломъ, то бы конечно Богъ не могъ сдѣлать меня благополучнымъ; потому что я совсѣмъ бы тогда не существовалъ. Слѣдовательно душа моя не умретъ конечно съ тѣломъ, но будетъ жить, когда тѣло мое и приметъ ядъ; благость Божія мнѣ въ томъ порука.

Иванъ.

И это также правда; когда бы душа его умерла съ тѣломъ вмѣстѣ, то бы конечно Богъ не могъ уже наградить его. — Но не имѣлъ ли *Сократъ* другихъ причинъ, почему бы знать могъ, что душа его безсмертна?

Отецъ.

Отецъ.

Онъ имѣлъ много причинъ. Но вмѣсто того, чтобъ разсматривать вамъ ихъ, поставимъ лучше себя на его мѣсто, и попытаемся, не можетъ ли разумъ нашъ самъ собою примыслить какого нибудь доказательства о безсмертіи души нашей. И такъ представьте себѣ, что каждой изъ васъ есть маленькой *Сократъ*; и хотя бы желали мы, чтобъ душа наша была безсмертна, но ни одинъ человѣкъ до сего времени не могъ сказать намъ достовѣрно, точно ли она безсмертна; такимъ образомъ надобно извѣдать намъ, не можемъ ли мы сами собою увѣриться въ томъ. — Какъ же бы начать это? — Я согласенъ показать вамъ слѣды, какимъ образомъ душѣ вашей найти прямую дорогу. Скажите мнѣ сперва: что дѣлается съ нашимъ тѣломъ, когда умираетъ оно?

Иванъ.

Тогда оно не можетъ тронуться съ мѣста, и начинаетъ портиться.

Отецъ.

Такъ, оно не можетъ тогда тронуться съ мѣста. А это вить значитъ то же самое,

что оно лежитъ очень смирно, что не можетъ болѣе *двигаться*?

Иванъ.

Точно такъ; это все равно.

Отецъ.

И по томъ начинаетъ оно гнить, или иштлѣвать; а какъ это произходитъ?

Иванъ.

О! оно очень худо пахнетъ тогда, и наконецъ совсѣмъ разпадается.

Отецъ.

Когда оно пахнетъ очень худо, такъ надобно, чтобъ маленькія частицы отдѣлялись отъ него, и летѣли къ нашему носу; не такъ ли?

Иванъ.

Точно такъ.

Отецъ.

А когда оно разпадается, какъ ты говоришь, такъ надобно, чтобъ раздѣлялись тѣ части, которыя прежде были связаны?

Иванъ.

Такъ.

Отецъ.

Отецъ.

И такъ все то, что дѣлается съ тѣломъ; когда умираетъ оно, состоитъ въ томъ, что оно *первое* не двигается больше, и *второе*, что *разрѣшаются*, или *разходятся врознь его части*; не такъ ли?

Иванъ.

Ну! мы знаемъ теперь, что такое значитъ *умереть*: и можемъ разобрать, умретъ ли и душа такимъ образомъ. —— Тѣло мертво, какъ скоро не можетъ двигаться; ибо движенie есть такое свойство, которое надобно ему имѣть необходимо, когда хочешь назвать его живымъ тѣломъ; но нужно ли это движенie столь же необходимо и для жизни души нашей, такъ что она не осталась бы и жить, естьлибъ не имѣла больше никакого движенiя?

Ѳедоръ.

Вить она можетъ *мыслить*, хотя бы и все была на одномъ мѣстѣ?

Отецъ.

Справедливо! покуда она мыслитъ, или что нибудь представляетъ себѣ, то все еще живая душа, хотя движется, хотя нѣтъ. И

 такъ

шакъ первое она и различаешся шѣмъ отъ шѣла, что бываешъ жива, хошябъ и совсѣмъ не двигалась.

Разсмотримъ теперь второе, что произходитъ съ шѣломъ, когда умираетъ оно. Многоразличныя части, изъ которыхъ состоитъ оно, разходяшся врознь, или разрѣшаюшся: не можешъ ли случиться это же самое и съ частьми души нашей?

Иванъ.

Какъ? вить она не имѣетъ частей; она вить простое существо.

Отецъ.

Слѣдовательно?

Иванъ.

Не могутъ и врознь разойтись ея части; потому что она ихъ не имѣетъ.

Отецъ.

А по этому не можетъ она и умереть, такъ какъ шѣло. Слѣдовательно должна жить вѣчно. — Постойте однакожъ, торопиться не къ чему; кто сотворилъ нашу душу?

Всѣ.

Богъ.

Отецъ.

Отецъ.

Такъ не можешъ ли Онъ, которой могъ изъ ничего произвести душу, превратить ее и опять въ ничто, какъ скоро захочетъ? И какъ Онъ по своему всемогуществу безспорно можетъ сдѣлать это, то какая намъ польза, когда знаемъ, что душа не умретъ сама собою; всемогущій Творецъ вить можетъ ее опять уничтожить.

Иванъ.

Да Богъ этого не сдѣлаетъ конечно?

Отецъ.

А для чего?

Иванъ.

Для того, что Онъ милосердъ.

Отецъ.

И я то же думаю; но опричь того я усматриваю другое кажется очень хорошее доказательство, которое убѣждаетъ меня, что Богъ не сдѣлаетъ того конечно.

Иванъ.

Какоежъ это доказательство?

Отецъ.

Скажи мнѣ, нравится ли тебѣ тотъ человѣкъ, которой сдѣлаетъ сего дня что нибудь искусное, а назавтра самъ то опять разрушитъ?

 Иванъ.

Иванъ.

Нѣтъ.

Отецъ.

И какъ называютъ такого человѣка?

Иванъ.

Конечно глупымъ.

Отецъ.

По крайней мѣрѣ легкомысленнымъ, или непостояннымъ, которой самъ не знаетъ, чего хочетъ. — Но можетъ ли Богъ, которой есть совершенство всѣхъ совершенствъ, быть причастенъ такому непостоянству, чтобъ сего дня произвелъ что изъ ничего, а назавтра опять уничтожилъ? Можетъ ли Онъ, творящій все по безпредѣльной Своей премудрости, разкаяваться о томъ, что произвелъ что нибудь, или подобно малымъ дѣтямъ соскучить своимъ произведеніемъ?

Иванъ.

Кто можетъ такъ подумать о Немъ, тотъ конечно очень худо знаетъ Его.

Отецъ.

И я твоихъ мыслей. — Когдажъ душа наша не можетъ умереть сама собою, ни быть

уни-

уничтожена отъ того, который сотворилъ ее: то что слѣдуетъ изъ того?

Иванъ.

Что она должна жить вѣчно.

Отецъ.

Какъ мы щастливы, что это знаемъ! Можетъ ли насъ устрашать теперь предстоящая намъ смерть? можетъ ли устрашать насъ то, что изъ червячка превратимся въ бабочку, изъ человѣка превратимся въ Ангела?

Иванъ.

Кто можетъ страшиться этого, тотъ долженъ быть очень не въ своемъ умѣ.

Отецъ.

Или должноль намъ страшиться того, что преселимся въ такое мѣсто, которое гораздо превосходнѣе сей земли, на которой мы, не смотря на то, вкушали несказанно много добраго? — Или того, что въ сообществѣ добрыхъ и блаженныхъ твореній будемъ наслаждаться неизреченнымъ, вѣчно непрерываемымъ блаженствомъ? — Или наконецъ того, что узнаемъ гораздо лучше, съ большею горячностію возлюбимъ оный великій, любви преиспол-

нен-

ненный Духъ, которой всѣмъ намъ Создатель и Отецъ?

Θедоръ.

Кто можетъ этого страшиться, что сдѣлается несравненно благополучнѣе противъ здѣшняго!

Отецъ.

И такъ возрадуйтесь, любезныя дѣти! возблагодарите Бога за низпосланное Имъ въ толь младыхъ вашихъ лѣтахъ толико радостное о безсмертiи вашемъ свѣденiе! —— время настоитъ; — кто знаетъ, какъ скоро настанетъ оно? Смерть разлучитъ насъ другъ съ другомъ. Сiи уста, васъ поучающiя, на вѣки сомкнутся; сiя рука, тщательно ведущая васъ къ благой и щастливой жизни, будетъ съѣдена червями и истлѣетъ. Я самъ не буду больше съ вами. Но мы опять увидимся, мои любезныя! опять соединимся, на вѣки соединимся другъ съ другомъ, когда пребудемъ всѣ на пути добродѣтели, ведущемъ къ вѣчному блаженству. И вы вѣрно хотите сего?

(*Дѣти подтвердили сей вопросъ взоромъ, исполненнымъ слезъ.*)

Подите въ мои объятiя! сей поцѣлуй предъ очами всевидящаго Бога да будетъ печатью

чатью нашего обѣщанія, что будемъ старатъся жить такъ, дабы опять всѣмъ соединиться нѣкогда въ блаженномъ жилищѣ; а сіе изображеніе мудрѣйшаго и наилучшаго мужа въ древности да послужитъ намъ къ ежедневному воспоминанію о нашемъ обѣщаніи.

КОНЕЦЪ.

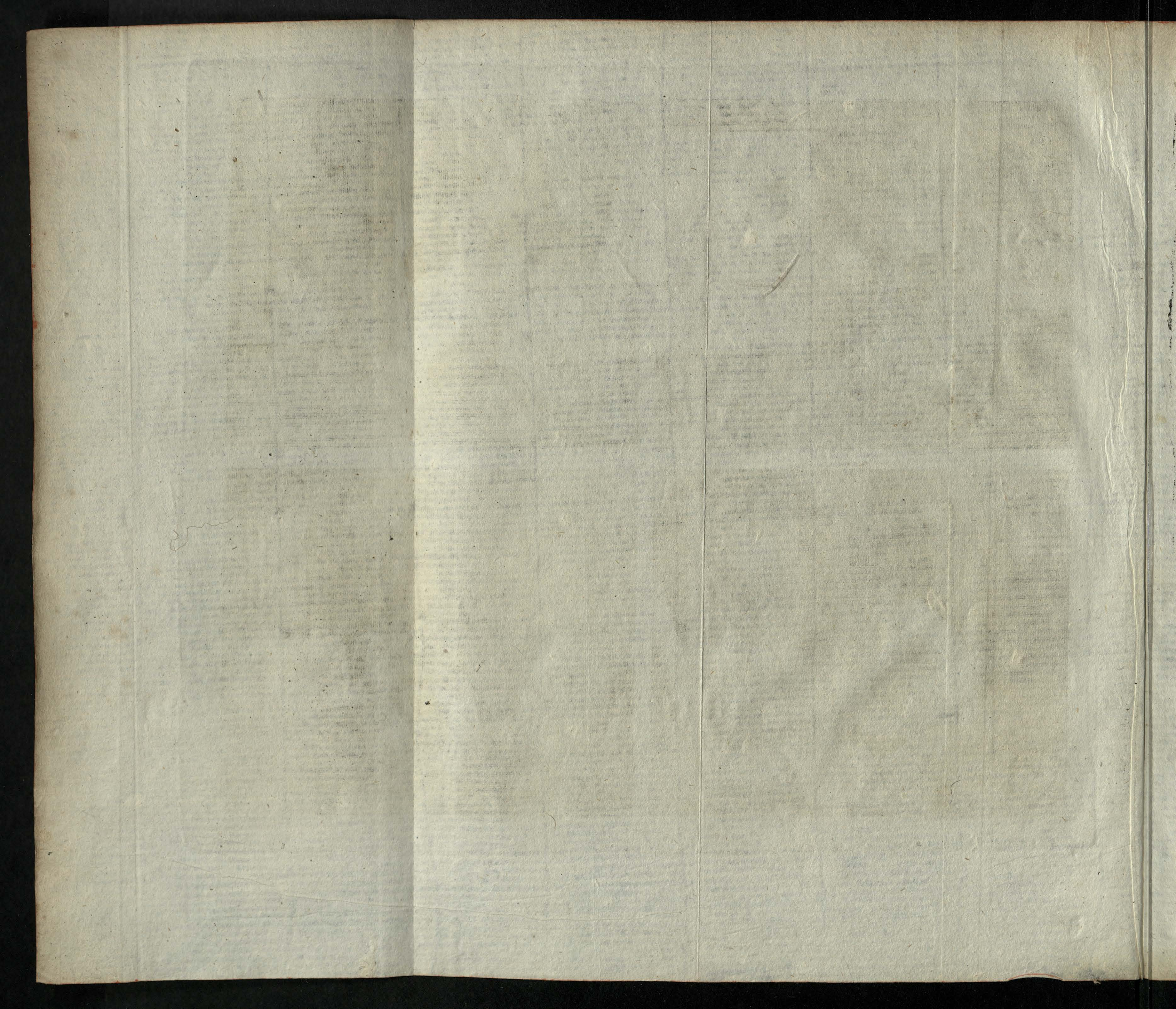

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
30784-0

I

4

